

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ»**

КАФЕДРА ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

**В.В. КАБАКЧИ
Е.В. БЕЛОГЛАЗОВА**

ВВЕДЕНИЕ В ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ

Учебное пособие

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ
2012**

Рекомендовано научно-методическим советом университета

ББК 81

К 12

Кабакчи В.В.

К 12 Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие /
В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. –
252 с.

ISBN 978-5-7310-2836-3

Пособие излагает теорию использования английского языка в ориентации на русскую культуру: поиск адекватного наименования элементов русской культуры, построение текста с внесением в него элементов русской идиоматики с учетом фактора двуязычной ситуации.

Пособие адресуется аспирантам, магистрантам, студентам и преподавателям вузов, а также всем специалистам сферы англоязычного межкультурного общения с конечной целью превращения английского языка во вторичное средство культурного самовыражения, во вторичное средство иноязычного выражения русской культуры.

ББК 81

Рецензенты: доктор филол. наук, зав. кафедрой английского языка
РГПУ им. А.И. Герцена **О.Е. Филимонова**

доктор филол. наук, зав. кафедрой романских языков
и перевода СПбГУЭФ **С.Л. Фокин**

ISBN 978-5-7310-2836-3

© СПбГУЭФ, 2012

*И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на
иных языках, как Дух давал им провещавать. (Деян. 2, 4)
→ And they were all filled with the Holy Ghost, and began to
speak with other tongues, as the Spirit gave them utterance.
(Acts 2:4)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ЗЕМНОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ И ИНОЯЗЫЧНОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРЫ.....	8
Глава 2. КУЛЬТУРОНИМЫ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОПИСАНИИ КУЛЬТУРЫ.....	22
Глава 3. БИЛИНГВИЗМ ИНОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРЫ....	49
Глава 4. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ КСЕНОНИМОВ	76
Глава 5. ВЫБОР АДЕКВАТНОЙ КСЕНОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ	121
Глава 6. ПОСТРОЕНИЕ ТЕКСТА ИНОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРЫ.....	155
Глава 7. СТИЛИЗАЦИЯ (ЛОКАЛИЗАЦИЯ) ТЕКСТА.....	184
Глава 8. ЭТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	205
Глава 9. ФОРМИРОВАНИЕ АЯМО (РК).....	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	232
Index	234
Список принятых сокращений.....	243
Библиографический список.....	244

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное пособие развивает идеи нашей монографии 1998 года («Основы англоязычной межкультурной коммуникации») и является теоретическим спутником наших практических пособий «Практика англоязычного межкультурного общения» (2002/2007 гг.) и «Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English» (2008). В нем рассматриваются теоретические основы новой лингвистической дисциплины, **интерлингвокультурологии*, то есть *лингвистики языка вторичной культурной ориентации, обращенного в область иноязычной культуры*. Основное внимание уделяется *англоязычному описанию русской культуры*. Используя преимущественно оригинальные («аутентичные», то есть непере译ные) тексты, мы вскрываем закономерности мало изученной разновидности переводческой деятельности – «внутреннего перевода», к которому приходится прибегать в ходе прямого межкультурного диалога.

В работе над данным пособием принимала участие профессор, доктор филологических наук Е.В. Белоглазова, которая развивает идею внутреннего перевода в оригинальном иноязычном описании культуры.

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания специалистов начала XXI века оказалась **межкультурная коммуникация*, научная дисциплина, находящаяся на стыке целого ряда наук: филологии, социолингвистики, теории языковых контактов, когнитивистики, этносоциопсихолингвистики. В сферу межкультурной коммуникации, таким образом, входит широкий круг проблем. Мы ограничимся частным случаем межкультурной коммуникации. В первую очередь нас интересует **вербальная* (от латинского *verbalis*, что означает «словесный») межкультурная коммуникация. В рамках вербальной межкультурной коммуникации мы сосредоточим внимание на прямом межкультурном диалоге, в ходе которого язык межкультурного общения ориентирован в область иноязычной культуры.

Данное пособие подводит итог исследованиям, которые продолжаются с начала 1980-х гг., и сосредотачивает своё внимание на закономерностях культурной переориентации языка международного общения при его обращении в область иноязычной культуры. При этом язык описания иноязычной культуры («*язык межкультурного общения*», Foreign-Culture-Oriented Language, в дальнейшем – *ЯМО) рассматривается как специализированная разновидность данного языка. ЯМО – это универсальное языковое явление. В качестве языка межкультурного общения традиционно используются ведущие международные языки планеты. Объектом нашего рассмотрения будет *английский язык межкультурного общения* (*АЯМО), Foreign-Culture-Oriented English, причем основное внимание будет уделено АЯМО, обращенному в область русской культуры, – *АЯМО (РК).

В подавляющем большинстве случаев люди при знакомстве с иноязычными культурами используют либо родной язык, либо знакомый им иностранный язык. Трудно ожидать, что окружающий мир познакомится с русской культурой посредством русского языка. Следовательно, если мы не желаем, чтобы русская культура осталась «вещью в себе», нам следует прибегать к наиболее распространенным иностранным международным языкам. Вот почему в этом межкультурном противостоянии особую важность приобретает создание информации о русской культуре на ведущих языках международного общения, в первую очередь на английском языке. Сказанное делает проблему *иноязычного описания культуры* актуальной, при этом англоязычное описание русской культуры является составной, если не главной частью этой проблемы.

Решением этой проблемы и занимается новое направление в теории и практике межкультурной коммуникации – *интерлингвокультурология*,

то есть лингвистическая дисциплина, изучающая проблему **вторичной культурной ориентации языка*, обращенного в область иноязычной культуры. При этом в центре нашего внимания находится *прямой межкультурный диалог*, в ходе которого «переводчик» – это один из участников коммуникации. Таким образом, интерлингвокультурология – это междисциплинарная отрасль лингвистики, которая находится на стыке межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, переводоведения, лексикологии, лексикографии, теории языковых контактов и многих других лингвистических дисциплин.

Пособие отходит от традиционного межкультурного общения с участием переводчика-посредника и ориентируется в первую очередь на тех специалистов, которые будут участвовать в *прямом* межкультурном общении. Расширяется сфера традиционного перевода, поскольку в этом случае источник информации становится одновременно и участником общения и переводчиком, осуществляя так называемый **«внутренний перевод»*. Таким образом, от *триады* традиционного межкультурного общения (два разноязычных коммуниканта и переводчик-посредник) мы все более активно переходим к прямому межкультурному диалогу. Преобладающей сферой подобного общения будут расширяющийся туризм и разнообразные межкультурные и деловые контакты, тем или иным образом связанные с русской культурой.

Поскольку целью англоязычного межкультурного общения следует считать достижение глобальной взаимопонимаемости, мы поставили задачу установления объективных закономерностей АЯМО (РК), в основе которых лежит нормативный английский язык. С этой целью материалом наших наблюдений мы сделали те *аутентичные* (т.е. оригинальные) тексты англоязычного описания русской культуры, которые выполнены носителями родного (реже – второго) английского языка.

В пособии последовательно рассматриваются основные закономерности англоязычного описания русской культуры: способы наименования элементов русской культуры, специфика построения текста языка вторичной культурной ориентации, способы стилизации текста с максимальным сохранением идентичности русской культуры, особенности соблюдения этики межкультурного общения, а также новейшие тенденции в развитии англоязычного описания русской культуры.

Поскольку ЯМО – это универсальное явление и в ориентации на иноязычную культуру фактически может использоваться любой язык, закономерности АЯМО (РК) могут быть перенесены («экстраполированы») на любой другой вид ЯМО: французский, испанский, немецкий, китайский, что делает интерлингвокультурологию нужной для специалистов различных международных языков.

Скромный объем пособия и его прикладная ориентация не позволяют подробно рассматривать фундаментальные проблемы интерлингвокультурологии. Между тем эта новая область лингвистики требует развития целого ряда пограничных дисциплин. Большой интерес представляет когнитивная интерлингвокультурология, поскольку в иноязычном описании культуры словарный состав, исторически ориентированный на «свою» (*внутреннюю*) культуру, вынужден приспосабливаться к «чужой», иноязычной (*внешней*) культуре. Языковой арсенал, сформировавшийся в ориентации на внутреннюю культуру, вынужден адаптироваться в соответствии со спецификой внешней (иноязычной) культуры. Огромный прикладной интерес представляет *инолингвокультурологическая лексикография*. Билингвизм контакта двух языков и двух культур делает необходимым обращение к *социальной интерлингвокультурологии*.

Новые времена ставят перед нами новые задачи. В рамках международного общения это в первую очередь *креативное* использование ведущих иностранных языков в приложении к родной культуре. Более всего это, безусловно, относится к английскому языку. Поскольку в нашей стране английский язык остаётся не вторым языком, а иностранным, мы вынуждены обратиться к опыту англоязычного описания русской культуры, которое выполнено англоязычными авторами. К счастью, к нашей культуре англоязычный мир испытывает традиционно большой интерес и изучение богатого фонда таких текстов позволяет установить закономерности англоязычного описания русской культуры.

They are ill discoverers that think there is no land, when they can see nothing but sea (Fr. Bacon, 1561-1626, *The Advancement of Learning*).

ГЛАВА 1. ЗЕМНОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ И ИНОЯЗЫЧНОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРЫ

В конце XX века в общении народов планеты произошёл двойной коммуникативный сдвиг. *Коммуникативными сдвигами* (communicative shifts) называются радикальные изменения в языковом общении, затрагивающее в той или иной степени все народы мира: «a radical change in the technology and practice of communication» (Longman Lexicon of Contemporary English 1981: 239).

Эти изменения могут затрагивать как собственно языковое общение, так и его технологию, т.е. техническое обеспечение процесса общения.

Таким образом, к коммуникативным сдвигам можно отнести:

- появление языка приблизительно 50-60 тыс. лет до н.э.;
- возникновение письменности – 5-6 тыс. лет назад;
- появление первого международного языка (древнегреческий язык), оказавшего большое влияние на развитие языков всего мирового сообщества, – III век до н.э. – III век н.э.;
- вытеснение с мировой арены греческого языка латинским, который принял эстафету от греческого языка и на многие столетия стал международным языком Европы и всего Средиземноморья, языком науки и католических христиан;
- изобретение в Европе (в Китае оно появилось значительно раньше) книгопечатания Иоганном Гуттенбергом (Johann Gutenberg, 1400?-68) – 1450 год;
- экспансия европейских языков (португальского, испанского, французского, английского, русского) в эпоху Великих географических открытий и завоеваний в XV – XVII вв.;
- выдвижение французского языка в качестве языка международного общения – XVII – XIX вв.
- *двойной коммуникативный сдвиг последней четверти 20-го века*; распад Советского Союза, сопровождавшийся ослаблением (по крайней мере, временным) позиций русского языка, в условиях революции в технологии языкового общения (глобальная компьютеризация, появление дешевых средств массового копирования текста) значительно способствовали укреплению позиций английского языка; впервые в истории земного многоязычия появляется международный язык, который используется в качестве родного в целом ряде стран, в том числе в двух

великих державах – Соединенном королевстве и США, имеет глобальное распространение и пользуется столь мощной технической базой современных средств коммуникации.

ПОИСКИ ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗНОЯЗЫЧИЯ

«На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11, 1). Безусловно, библейский текст не может считаться научным доказательством, однако есть множество авторитетных лингвистов, которые поддерживают идею начального монолингвизма землян (например, Naugen 1987: 3). С этим мнением согласна и отечественная лингвистика; например авторитетный «Лингвистический энциклопедический словарь», который считает, что такая точка зрения «в настоящее время представляется более вероятной» (ЛЭС, Моногенеза теория: 309).

В 1968 вышла из печати книга интерлингвиста-энтузиаста Эрмара Павловича *Свадост* (С.-Истомина) “*Как возникнет всеобщий язык?*”. В этой книге автор рассматривает различные гипотезы развития земного многоязычия и поиски преодоления языкового барьера (Свадост 1968: 76-122).

Искусственный язык

В середине XIX века миром овладела идея создания искусственного языка в качестве всеобщего языка землян (ВЯЗ). Наиболее успешным из сотен проектов следует считать язык *Эсперанто*, созданный в 1887 году 28-летним варшавским врачом Ludwig Lazarus Zamenhof (1859-1917). Эсперанто существует уже более ста лет, имеет в среде энтузиастов ограниченное распространение и в настоящее время.

Пирамидальная гипотеза

Впрочем, если принять *пирамидальную гипотезу Николая Яковлевича Марра* (1865-1934), то, собственно говоря, беспокоиться вообще нет оснований. Согласно его концепции, идет неуклонное сокращение числа языков, и, в конечном счете, земное многоязычие завершится одноязычием. Правда, говоря о неизбежности слияния всех языков, Н.Я. Марр связывал этот процесс с социальным развитием земной цивилизации: единый язык возникнет лишь с победой социализма во всем мире. Каким должен был быть единый язык землян согласно концепции Марра, догадаться нетрудно.

Melting pot концепция

Реальность осуществления такой гипотезы признавали, правда подходу к ней с различных идеологических позиций, в СССР и в США,

где она была известна как *melting pot*. В конце XX века, впрочем, в США уже перестали говорить о *Melting pot* и теперь уже описывают языковую ситуацию в своей стране как *Salad bowl*, то есть «миска салата», имея в виду, что в нем видны его составные части.

В Советском Союзе этот эксперимент закончился вместе с распадом страны, который сопровождался вытеснением русского языка в бывших советских республиках языками ведущего коренного населения.

Участники дискуссии о ВЯЗ были более или менее единодушны в том, что речь может идти лишь о едином *втором, вспомогательном языке*. Следовательно решение языковой проблемы лежало в переходе на глобальный билингвизм.

ЯЗЫК МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Лк. 23:38 И была над Ним надпись, написанная словами Греческими, Римскими и Еврейскими: «Сей есть Царь Иудейский». = And a subscription also was written over him in letters of Greek, and Latin, and Hebrew, THIS IS THE KING OF THE JEWS.

Небезынтересно проследить использование языков международного общения в качестве официальных на ключевых европейских конференциях в плане диахронии:

1814 – the Congress of Vienna (ФЯ);

1919 – the Versailles Peace Settlement (ФЯ, АЯ);

1945 – the Potsdam Conference (ФЯ, АЯ, РЯ);

1973 – the Helsinki Conference (ФЯ, АЯ, РЯ, НемЯ, ИспЯ, ИтЯ).

Вплоть до окончания Первой мировой войны ведущим языком международного общения был французский. После окончания этой войны на конференциях, наряду с французским, стали использовать английский и немецкий. Первоначально в качестве рабочих языков (*working languages*) ООН использовались французский и английский. Позднее к ним добавили испанский, русский и китайский.

«Глобанглизация»

Американский лингвист индийского происхождения Braj Kachru (1932 г.р.) в конце XX века выдвигает идею деления Земного шара на три региона владения английским языком («Круги Качру»): страны, где им владеют в качестве (1) родного языка (*Inner circle*, «внутренний круг»), (2) второго языка (*Outer or Extended circle*, «наружный» или «средний круг») и, наконец, (3) в качестве иностранного языка (*Expanding circle*, «расширяющийся круг»). Границы между этими кругами, по его мнению,

постоянно изменяются в сторону увеличения влияния английского языка (подробно: Прошина 2007: 20-21).

Гипотеза зонального развития международного общения

Ян Амос Коменский (1592-1670), чешский мыслитель-гуманист, педагог и писатель, в XVII веке высказал удивительно прозорливое предположение о том, что земное сообщество будет поделено регионами языков международного общения, указывая на французский и английский языки как средство общения в западной Европе и русский – в ее восточной части (Pei 1968: 226-227).

Самое удивительно, что неожиданным сторонником этой гипотезы оказался И.В. Сталин, вступивший с Н.Я. Марром в дискуссию и высказавший суждение: «Возможно, что первоначально будет создан не один общий для всех наций мировой экономический центр с одним общим языком, а несколько зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы наций...» (Сталин. Национальный вопрос и ленинизм: 343). Впрочем, в поддержку этой идеи выступают и многие лингвисты (см., например, Halliday et al, 1973: 14).

Действительно, со временем сложился «клуб языков международного общения», в который вошли английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, русский, японский, китайский языки.

Сокращение числа языков

Пирамидальную гипотезу, строго говоря, следовало бы переименовать в «ромбическую», поскольку изначально, как было описано выше, земляне говорили либо на одном языке, либо на весьма ограниченном количестве языков. Наибольшее число языков на земле существовало, судя по всему, к началу эпохи Великих географических открытий (50 тысяч языков?). После этого языки многих народов стали вытесняться европейскими языками, так что к настоящему времени их осталось лишь несколько тысяч. В частности, *The Ethnologue*, составленный Barbara F. Grimes в 1996 году, включает более 6700 языков, на которых разговаривают в 228 странах. По мнению другого авторитетного лингвистического словаря, на Земле сейчас существует от 2500 до 5000 языков, причем «точную цифру установить невозможно, потому что различие между разными языками и диалектами одного языка условно» (ЛЭС 1990: 609).

В количественном отношении эти языки неоднородны: на долю народов, говорящих на 95% всех языков, приходится не более 5% населения Земли. Причем, по сведениям лингвистов, число языков малочисленных народов быстро сокращается: раз в две недели исчезает

язык, 80% современных языков, по мнению специалистов, исчезнет в XXI веке (Прошина 2007: 20).

Противостояние глобализации и этноязыковой язоляции

При этом необходимо признать, что идет и процесс возрождения некоторых языков в странах, получивших в XX веке независимость. Язык в ряду национальных ценностей занимает одно из первых мест, и в большинстве случаев он исчезает лишь с исчезновением самого народа. В поэтической форме отношение к возможности исчезновения родного языка высказал Расул Гамзатов: «Кого-то исцеляет от болезней / Чужой язык, но мне на нем не петь. / И если завтра мой язык исчезнет, / То я готов сегодня умереть» (Расул Гамзатов. Мой Дагестан).

«Глобанглизация» порождает сопротивление давлению англо-саксонской лингвокультуры. Народы мира, озабоченные экспансией английского языка, пытаются определить баланс между разумным использованием английского языка и/или других языков международного общения и сохранением своих языков. С этой целью они прибегают к языковому планированию.

Язык и двойственность его культурной ориентации

Поскольку в центре лингвистической проблемы иноязычного описания культуры находится культурная переориентация языка общения, представляется необходимым обратиться не столько к традиционной проблеме соотношению *языка и культуры*, сколько к соотношению языка и многочисленных окружающих его *культур*.

**Язык – это фонографическое (аудио-визуальное) средство общения.*

Основное противоречие языка заключено уже в самом определении этого термина: язык – это одновременно и средство общения людей, и конкретный язык отдельного народа (см., например: ЛЭС 1990: 604).

Объединение в языке общего и частного подтверждается обычными словарями: 1. the method of human communication, either spoken or written, consisting of the use of words in an agreed way; 2. «the language of a particular community or country, etc.» (OED: language).

Таким образом, *язык – это двустороннее средство вербального общения, которое, с одной стороны, исторически ориентировано в область «своей» (в дальнейшем – «внутренней») культуры, с другой стороны, будучи универсальным средством общения, используется, в большей или меньшей степени, в приложении ко всему мультикультурному миру иноязычных культур. Такой двусторонний характер культурной ориентации языка мы будем называть *функциональным дуализмом. Соединение в языке общего и частного*

можно рассматривать как основополагающую антиномию (antinomy) языка (т.е. противоречие между двумя суждениями, оба из которых одинаково логично доказуемы), и оно является решающим в теории интерлингвокультурологии.

Функциональный дуализм языка является следствием противоречивого характера развития земной цивилизации, которая формируется в противостоянии центростремительных и центробежных тенденций. **Центростремительные* силы сближают разноязычные народы, создают в разноязычных культурах тождественные элементы и, в конечном счете, способствуют формированию *всеобщего языка* мирового общения. **Центробежные* силы, напротив, разъединяют народы, изолируют их друг от друга, усиливают специфичность каждой отдельной культуры. В рамках языкового процесса принято говорить о языковой **конвергенции* и **дивергенции*: процесс конвергенции соответствует центростремительным тенденциям, создавая интернациональные элементы в различных языках, в то время как процесс дивергенции соответствует центробежным силам, образуя их специфичность.

Противоречивый характер языка проявляется в том, что язык одновременно и объединяет и разъединяет людей, выступая таким образом в качестве средства *(раз)общения*. Действительно, язык это средство общения всех членов данного языкового общества и в то же время средство размежевания со всеми, кто не знаком с этим языком. Заметим, что средством размежевания становятся многочисленные диалекты, социальные и профессиональные варианты языка.

Язык тесно связан с *культурой* народа-носителя языка. Существует множество определений культуры (несколько сотен), поэтому мы ограничимся «рабочим определением», никоим образом не претендуя на его окончательность. Под **культурой* мы будем понимать *мир разнообразных материальных и духовных элементов, составляющий бытие народа, использующего в своем общении один язык*. Любой естественный язык, таким образом, выступает в качестве органического компонента конкретной культуры.

Принцип экономии языкового общения

Характерной особенностью языка следует считать тенденцию ограничения роста выразительных средств, на что уже давно обращали внимание специалисты (Пауль 1960: 372 и гл.18; Блумфилд 1968: 488-89). Иными словами, есть основания полагать, что на развитие языка существенное влияние оказывает **принцип языковой экономии*, в соответствии с которым в арсенале выразительных средств

накапливается такое количество языковых единиц и такие правила их соединения друг с другом, какое необходимо языковому сообществу для адекватного удовлетворения своих коммуникативных потребностей. Этот принцип распространяется и на практику иноязычного описания культуры, на весь ход межкультурной коммуникации.

Культуры «внутренние», «внешние» и «третьи»

При решении проблемы иноязычного описания культуры нас в первую очередь интересует то, в какой мере язык исторически приспособлен для описания иноязычной лингвокультуры, «инолингвокультуры», то есть для его *вторичной культурной ориентации* (ВКО). С этой точки зрения культуры делятся на «внутренние» и «внешние».

**Внутренняя культура – это культура народа-носителя данного языка.* Так, для русского языка внутренней культурой является русская культура, для венгерского языка – венгерская культура и т. д. Исторически любой язык адаптирует весь свой фонд выразительных средств (фонетических, лексических, грамматических, стилистических) на «свою», внутреннюю культуру.

**Внешние культуры – это культуры, иноязычные с позиции данного языка.* Следовательно, в англоязычном описании русской культуры русская культура является внешней для английского языка; напротив, англо-американская культура является внешней по отношению к русскому языку. Таким образом, нам предстоит рассмотреть особенности переориентации английского языка, исторически ориентированного прежде всего на мир англо-американской культуры, в область русской культуры.

Понятия «внутренней» и «внешней» культуры относительны и приобретают смысл только с позиции конкретного языка. Так, если взять английскую, французскую и русскую культуру, то по отношению к французскому языку английская и русская культуры являются иноязычными внешними культурами. Если же за точку отсчета взять русский язык, то внешними (иноязычными) культурами окажутся английская и французская культуры.

Поскольку нередко язык вторгается в область различных внешних культур и АЯМО в каждом отдельном случае характеризуется своей спецификой, а мы сосредотачиваем своё внимание на АЯМО (РК), введём понятие «третьи культуры». **Третьи культуры – это культуры, иноязычные как по отношению к конкретному ЯМО, так и по отношению к языку описываемой внешней культуры.* В частности, при таком подходе в случае англоязычного описания русской культуры испанская, итальянская,

венгерская и многие, многие другие культуры следует называть «третьими культурами». Все эти культуры являются внешними (иноязычными) по отношению как к английскому, так и к русскому языкам.

ЯМО как специализированная разновидность языка

Сложный механизм языка в соответствии с принципом языковой экономии организуется в виде множества автономных разновидностей: язык бытового общения, литературный язык, язык науки, язык делового общения и так далее: «То, что мы так небрежно и несколько поспешно именуем “языком”, представляет собой совокупность миллионов микромиров, многие из которых столь различны в своем поведении, что возникает вопрос, не следует ли их сгруппировать в разные “языки”» (Мартине 1979: 18).

В этом отношении важным следует считать то, что иноязычное описание культуры – это самостоятельная область языкового общения, поскольку *любая внешняя культура для рядового носителя языка общения это специальная область знаний*. В силу этого язык в его вторичной культурной ориентации формирует свою специализированную разновидность, которая вызвана спецификой описываемой внешней культуры.

Итак, **язык межкультурного общения (ЯМО) – это специализированная разновидность языка, формирующаяся в результате ориентации языка в область внешней культуры*. В этом отношении ЯМО соотносим по своим базовым характеристикам со специализированными языками науки и, в известном смысле, с тем, что на английском языке называется English for Specific Purposes.

Вот почему мы говорим не просто об АЯМО, а об АЯМО (РК), с его специфической лексикой, своеобразной грамматической структурой текста, многочисленными способами стилизации («нативизации») текста, которые призваны передать идентичность описываемой культуры.

МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

При изучении закономерностей ЯМО (в нашем конкретном случае – АЯМО) мы прибегаем к разработанному нами **«методу опосредованного наблюдения и экстраполяции»* (МОНЭ), который фактически является разновидностью сравнительно-сопоставительного метода. Этот метод исходит из универсальности ЯМО и предположения, которое подтвердилось в ходе наших исследований, что различные разновидности ЯМО основаны на общих базовых принципах. МОНЭ основывается на изучении той его разновидности, которая наилучшим образом подходит

для изучения, с последующим переносом вскрытых закономерностей на другие разновидности ЯМО.

С этой целью мы отбираем для изучения те тексты иноязычного описания культуры, которые *квалифицированно выполнены носителями родного или, по крайней мере, второго языка*. Будем называть такие оригинальные тексты **аутентичными*.

Описания иноязычных культур известны, по крайней мере, со времен такого греческого историка, как Геродот (485?-425?), описавшего обычаи, законы, религию и внешность 50 различных народов, с которыми он либо сталкивался сам, либо слышал о них от других людей. Значительно позже появились описания Тацита (58?-117?), Марко Поло (1254?-1324) и Афанасия Никитина (?- 1474/75).

Надежным источником изучения АЯМО (РК) можно также считать данные *авторитетных* англоязычных справочных изданий (словарей и энциклопедий), поскольку включение языковой единицы в **словник* авторитетного толкового словаря следует рассматривать как косвенное признание принадлежности данного слова к словарному составу этого языка.

ROSSICA – ИНОЯЗЫЧНЫЕ ОПИСАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучению закономерностей английского языка в его ВКО на русскую культуру, т.е. закономерностей АЯМО (РК) благоприятствует существование обширного фонда аутентичных текстов англоязычного описания русской культуры. Идею приобретения, каталогизации и изучения иноязычных текстов о России (получивших термин **Rossica*) впервые высказал в начале XIX века Александр Оленин (1763-1843), с 1811 г. являвшийся директором Императорской Публичной библиотеки. К реализации этой идеи в середине того же века приступил другой директор этой библиотеки, Модест Корф (1800-76). В работе над этим гигантским проектом принимали участие видные деятели русской дореволюционной культуры (С. Соловьев, Н. Устрялов и др.). В библиотеке было открыто специальное отделение, на приобретение книг шли значительные суммы денег. Частью фонда *Rossica* стала и личная коллекция императрицы Екатерины Великой. К концу XIX века собрание уже насчитывало свыше четверти миллиона публикаций. В XX веке интерес к русской культуре зарубежного мира многократно вырос.

Англоязычная ROSSICA

Существуют различные виды англоязычного описания русской культуры: оригинальные и переводные, устные и письменные. В самом общем виде наиболее характерные виды англоязычного описания русской культуры можно представить следующим образом:

- *Виды англоязычного описания русской культуры:*
- Научные тексты
 - Научно-популярные тексты
 - Публицистика
 - СМИ (журналистика)
 - Путевые заметки
 - Путеводители
 - Художественная литература
 - Кинематограф
 - Речь гида
 - Лекционная работа
 - Радио и ТВ
 - Деловое общение
 - Бытовое общение
 - Словари и энциклопедии

О количестве этих текстов говорит следующий факт: лишь в библиотеке лондонской School of Slavonic and East European Studies (SSEES), одном из крупнейших центров англоязычной русистики, хранится около 100 тысяч книг и свыше 200 современных периодических изданий, посвященных изучению восточной славистики, в первую очередь русистике (2008 г.).

Чисто **научные тексты** англоязычного описания русской культуры составляют незначительную часть фонда англоязычной *Rossica*. Это обычно научные статьи специальных журналов (например, журнал *Soviet Studies* который после 1993 г. стал выходить под названием *Europe-Asia Studies*).

Собственно русистики ('Russology') как отдельной научной дисциплины в англоязычном мире нет, хотя и существует более широкая область знаний – «славистика», которой занимаются Slavists. Есть термины Germanist, Sinologist, Egyptologist, а вот англоязычных «русистов» нет. В советский период в ходу были слова Sovietologist и Kremlinologist, но они имели хождение лишь среди профессионалов, да и звучат сейчас архаично, в особенности первый. Поскольку нам неоднократно понадобится такой термин, введем термин **русист/Russologists* по аналогии с уже существующими в английском языке *славистами* (Slavists).

Круг русистов очень узок, и все они в своих публикациях в стремлении выйти на более широкую аудиторию читателей стараются сделать свои тексты доступными для неспециалистов. Прекрасным примером такого текста можно считать хрестоматию русской культуры

Cambridge Encyclopedia of Russia (два издания: 1982, 1994), созданную усилиями 143 авторов как Соединённого королевства, так и США, под общей редакцией (в дальнейшем – CamEnc). В библиографии этого капитального труда приводится список из 600 англоязычных фундаментальных работ по различным областям русской культуры.

Популярные англоязычные описания русской культуры гораздо многочисленнее чисто научных произведений. Особое внимание привлекает история России. В частности, во второй половине XX в. редкий турист приезжал в Россию, не прочитав книг Massie R.K. *Peter the Great* и *Nicholas and Alexandra*, или книги Massie S. *Land of the Firebird. The Beauty of Old Russia* и *Pavlovsk. The Life of a Russian Palace*. В последние годы популярностью пользуется книга Figs O. *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia* (2003).

Широкое распространение в англоязычной *Rossica* XX в. получила **публицистика**. Репортаж американского журналиста Дж. Рида *Ten Days That Shook the World*, написанный в начале века по свежим следам впечатлений автора, ставшего свидетелем революционных событий в Петрограде, до сих пор считается лучшим произведением об Октябрьской революции. В 1970-х гг. другой американский журналист, Н. Smith, описал Советский Союз 1970-х гг. в книге *The Russians*, а под влиянием перестройки – *The New Russians*.

Огромное количество статей и коротких заметок содержится в многочисленных **периодических изданиях**. После выхода России из коммуникативной самоизоляции советского периода в страну хлынул поток экспатриантов – бизнесменов, деятелей культуры, общественных деятелей, ученых, приезжающих в страну на длительные сроки. В стране появились англоязычные газеты, ориентированные на эту группу людей. АЯМО (РК) стал значительно активнее развиваться. Если раньше авторы описаний России касались лишь истории, политики, искусства (*Time of Troubles, War Communism, Constructivism*), то теперь экспатрианты вплотную соприкоснулись с бытовыми проблемами русской культуры. Мы часто будем обращаться к таким газетам экспатриантов, как *The St. Petersburg Times* и *The Moscow Times* (в дальнейшем, соответственно, *SPbTimes, MTimes*).

Путевые заметки. Как уже отмечалось выше, это древнейший жанр иноязычного описания культуры, восходящий к Геродоту, Тациту и Марко Поло. С XVI века начинают появляться описания поездок в Россию (в то время – Московия, *Muscovy*). С тех пор количество путевых англоязычных заметок неуклонно растёт. В каталоге книг *To Russia and Return* (1968), написанных англоязычными авторами по впечатлениям

поездки в Россию, приводится 1422 наименования. Между тем с тех пор прошло уже почти полвека.

Путеводители. Туризм родился в Англии, и англичане первыми стали прокладывать туристские маршруты. Не случайно эссе *Of Travel* написал Francis Bacon, современник Шекспира, 1561-1626. Более того, согласно данным EncBr, первым печатным двуязычным словарем был словарь, изданный в Англии William Saxton уже в 1480 году.

Возникновение в XVIII веке массового туризма породило жанр путеводителя. В середине этого века публикуются путеводители таких авторов, как John Murray (1836) в Англии и Karl Baedeker (1839) в Германии. Имя «Baedeker» становится нарицательным. Массовое путешествие в Россию становится особенно популярным в постсоветский период, и эти изменения отразились и на росте публикаций разнообразных англоязычных путеводителей. Изменения в социополитической обстановке сильно отразились на языке, формате и содержании англоязычных путеводителей по России.

Своеобразием аутентичных текстов англоязычного описания русской культуры следует считать развитие *художественного* жанра. Детективы, романы и произведения других жанров англо-американских авторов постоянно появляются в печати. Из работ последнего типа можно отметить романы Mitchel Wilson, *Meeting at a Far Meridian* (1961), John de la Carré, *The Russia House* (1990) и объемную сагу E. Rutherford, *Russka* (1992), не говоря уже о pulp fiction таких авторов, как Ян Флемминг и Роберт Кленси, герои произведений которых отважно борются с «коварным» СМЕРШем и КГБ. Нельзя не упомянуть и англоязычные произведения единственного, зато выдающегося русского автора В.В. Набокова, роман которого *Pnin* мы будем неоднократно цитировать.

СЛОВАРИ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

При рассмотрении лексики ЯМО значительную помощь оказывают труды лексикографов, то есть составителей словарей, поскольку словари, в первую очередь толковые и энциклопедические словари, являются объективными регистраторами тех языковых единиц, которые входят в словарный состав языка. К авторитетным толковым словарям мы относим те, которые составлены признанными профессионалами, в том числе:

<i>Oxford English Dictionary</i>	(OED)
<i>Encyclopædia Britannica</i> 2001	(EncBr)
<i>Random House Dictionary</i>	(RHD)
<i>Oxford Encyclopedic English Dictionary</i>	(OEDD)
<i>Merriam-Webster's New Collegiate Dictionary</i>	(WNCD)

<i>Webster's New World Dictionary</i>	(WNWD)
<i>Longman Dictionary of the English Language and Culture</i>	(LDELIC)
<i>Oxford Advanced Learner's Dictionary</i>	(OALD)

Значительный интерес для АЯМО (РК) представляют специальные словари, которые включают интересующую нас лексику. К сожалению, таких словарей немного, например:

Crowe B. *Concise Dictionary of Soviet Terminology and Abbreviations*. – Oxford: Pergamon, 1969.

Упомянутые тексты и словари дают достаточную базу для изучения особенностей английского языка, ориентированного в область русской культуры, то есть АЯМО (РК). По своему объему словари условно можно разделить на словари большого и малого объема. К последним можно отнести словари типа OALD – в среднем от 70 до 90 тысяч базовых единиц словника. Объем самого большого словаря современного английского языка – OED («Большой Оксфордский словарь», 2 изд., 1989) – 616 тысяч единиц.

При отборе корпуса словарей принималось во внимание то, что культурологическая лексика в полном объеме регистрируется энциклопедиями и энциклопедическими словарями, в то время как чисто лингвистические словари эту лексику игнорируют. Вплоть до последней четверти XX века британские толковые словари, в отличие от американских словарей, были преимущественно именно лингвистическими. Характерным примером может служить лингвистический словарь *Longman Dictionary of the English Language* (New Edition, 1991), который издатели уже год спустя превратили в энциклопедический словарь *Longman Dictionary of English Language and Culture* (Longman UK: 1992), добавив к 40 тысячам «general language words» еще 15 тысяч «cultural references», поскольку уже стало ясно, что чисто лингвистические словари проигрывают конкуренцию энциклопедическим словарям. Вот почему все словари, привлеченные нами к работе над англоязычным описанием русской культуры, носят энциклопедический характер.

Рекомендуем с большой осторожностью относиться к «виртуальным» online словарям типа Wikipedia, где приводятся зачастую непроверенные данные, неверные транслитерации. В частности, одна и та же статья в Wikipedia на разных языках несет различную информацию. Кроме того, каждый традиционный словарь, переиздаваемый с внесением изменений в язык раз в 10-15 лет, фиксирует определенный исторический срез языка, в то время как online словари не позволяют проследить эволюцию языка.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проследите историю международных языков. Какие языки в разные эпохи претендовали на этот статус? Что выделяло их среди других языков?
2. Что собой представляет современный язык международного общения? Как можно представить его структуру?
3. Каковы основные концепции эволюции языковой карты мира? Что между ними общего? Что понимается под «глобанглизацией»?
4. Какое свойство языка как семиотической системы определяет возможность применения одного языка к описанию различных культур?
5. Что представляет собой материал для изучения английского языка международного общения, обращенного к описанию русской культуры?

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Берков. В. П. Двужычная лексикографія. – М.: АСТ, 2006.
2. Жлуктенко Ю.А. Лингвістическія аспекты двужыччя. – Кіев, 1974.
3. Кабакчы В.В. Асновы англязычнай міжкультурнай камунікацыі. – СПб.: РГПУ, 1998.
4. Кабакчы В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобалізацыя, «глобанглізацыя» і міжкультурная камунікацыя // Язык в парадигмах гуманітарнага ведавання: ХХІ век. – СПб.: Ізд-во СПбГУЭФ, 2009. – С.78-97.
5. Мартіне А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972.
6. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972.
7. Свэдост Э. Как возникнет всеобщий язык? – М.: Наука, 1968.

Глава 2. КУЛЬТУРОНИМЫ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОПИСАНИИ КУЛЬТУРЫ

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ В ОПИСАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Лексическим ядром специализированных разновидностей языка является специальная лексика, то есть термины, без которых невозможно обсуждение соответствующих областей знаний. Поскольку иноязычное описание культуры также порождает специализированную разновидность языка – язык межкультурного общения (ЯМО), можно заранее предположить, что и у этой разновидности языка есть своя специальная лексика. В этом легко убедиться, взглянув на отрывок статьи из *Encyclopaedia Britannica*, посвященной ученым степеням различных стран:

In Germany the doctorate is the only degree granted, but there is a tendency to add signatures such as Dr. rer. nat. (*Doktor rerum naturalium*) in natural sciences and Dr. Ing. (*Doktor-Ingenieur*) in engineering. For students who do not wish to meet the doctoral requirements, diploma examinations are offered.

In Russia diplomas are awarded on completion of a four- or five-year university course. The candidate of science (*kandidat nauk*) degree is awarded after several years of practical and academic work and completion of a thesis and is comparable to the American Ph.D. Doctor of science (*doktor nauk*) degrees are awarded only by a special national commission, in recognition of original and important research.

In Japan the usual degrees are the *gakushi* (bachelor), granted after four years of study, and *hakushi* (doctor), requiring from two to five years of additional study. A master's degree (*shushi*) may also be granted. (EncBr)

Показательно, что при описании каждой из стран – Германии, России и Японии – авторам приходится употреблять специальные термины (*Doktor-Ingenieur* ♦ *doktor nauk* ♦ *shushi*). Специальная лексика этого отрывка невольно обращает на себя внимание, поскольку она маркирована курсивом. При этом следует отметить, что упоминание в этом отрывке различных культур подтверждает универсальность феномена иноязычного описания культуры, универсальность ЯМО.

Культурная ориентация языка: первичная и вторичная

Поскольку суть иноязычного описания культуры заключается в переориентации языка общения с внутренней культуры на внешнюю, представляется необходимым установить масштабы адаптации словарного состава, которую вызывает эта переориентация, а также выделить

специальную лексику, требуемую для англоязычного описания русской культуры. Введем в этой связи специальное понятие: **культурная ориентация языка – это адаптация его вербального арсенала в соответствии со спецификой окружающего мультикультурного мира.* Так, в нашем случае АЯМО (РК) языковой арсенал направлен (ориентирован) в сторону русской культуры. Однако нас более всего интересует то, насколько английский язык приспособлен для описания русской культуры.

Любой естественный язык функционирует в мультикультурном мире и для народа-носителя этого языка служит ключом к любой из окружающих его культур, однако вербализация этих культур, то есть словесное освоение окружающего его культурного континуума (пространства), исторически проходит неравномерно. Иными словами, любой язык в различной степени ориентирован на окружающие его культуры, в различной степени адаптирован к их особенностям.

**Первичная культурная ориентация языка – это адаптация вербального арсенала языка, приспособление его выразительных средств в соответствии со спецификой его внутренней культуры.* Исторически весь языковой механизм настроен на удовлетворение потребностей именно внутренней культуры, которая становится объектом наиболее тщательной вербализации в процессе формирования **инфраструктуры* данного языка.

Способность языка переключаться с внутренней культуры на внешнюю культуру, в зависимости от коммуникативных потребностей, обеспечивается гибкостью культурной ориентации языковых единиц и, в конечном счете, является следствием *функционального дуализма языка.* **Вторичная культурная ориентация языка – это адаптация арсенала его выразительных средств при ориентации языка в область внешних (иноязычных) культур.*

Для обсуждения особенностей формирования специальной лексики ЯМО необходимо выработать терминологический инструментарий, который мы в дальнейшем и будем использовать в рамках исследования проблем *интерлингвокультурологии.*

Культурная диверсификация лексики языка

Под **культурным континуумом (пространством)* мы будем понимать то *огромное мультилингвокультурное поле, которое подвергается вербализации всеми существующими языками.* Иными словами, это совокупность элементов различных культур, получающих наименования (вербализацию) на соответствующих языках. Назовём эти элементы *культуронимами.* **Культуронимы – это наименования разнообразных элементов культур земель независимо от конкретной*

культуры и конкретного языка. При таком подходе «учитель», «университет», «Дума», «опричник», «Волга река», «боярин»; teacher, university, the Tower of London, cowboy, Western – все это культуронимы.

Культуронимы – это общее наименование элементов культур. В зависимости от универсальности или, напротив, специфичности вербализованных элементов культур можно выделить следующие виды культуронимов: *полионимы* и *идиокультуронимы*.

Полионимы – универсальная культурная лексика

Очевидно, что «если мы обратимся к языковым и культурным контактам, то увидим, что они предполагают наличие некоторого, хотя бы минимального количества общих явлений» (Розенцвейг 1964: 5). Тем общим, что позволяет нам переключать лексику языка с внутренней культуры на внешнюю культуру, и являются «полионимы». **Полионимы* (от греческого «поли» – «много» + «оним») – *это такие культуронимы, которые в случае необходимости мы можем использовать в приложении как к внутренней, так и внешним культурам*. Иными словами, полионимы могут быть использованы при вторичной культурной ориентации (ВКО) языка. Возникновение в языке полионимов объясняется языковой конвергенцией. Практика межкультурной коммуникации создает межъязыковые пары культуронимов, которые в большей или меньшей степени регулярно выступают в качестве взаимных соответствий, то есть можно говорить о существовании **бинарных полионимов* («школа»/school, «озеро»/lake, «правительство»/government, «армия»/army). Бинарные полионимы, или просто бинары могут быть гомогенными и гетерогенными. *Гомогенные бинары* – это, по сути дела, интернационализмы с общей этимологией: «университет»/ university. Гетерогенные бинары не имеют общую этимологию: «улица»/street/ Бинары регистрируются лексикографами в двуязычных (переводных) словарях, где они приводятся в качестве межъязыковых соответствий.

Теперь рассмотрим, каким образом словарный состав языка обеспечивает возможность менять его культурную ориентацию. Для этого воспользуемся предложением:

It is early Sunday morning, and I am looking through my window at the street below.

Это предложение не содержит в себе никакого указания на конкретную культуру. Местом действия может быть фактически любая страна Земного шара. Языковые единицы, участвующие в этом высказывании, различным образом ориентированы на элементы культур.

Первую группу образуют слова, являющиеся **нейтральными* по отношению к культурной ориентации текста. К таким словам следует отнести прежде всего служебные части речи (предлоги, союзы, артикли,

вспомогательные глаголы). В рассматриваемом предложении это: *it, is/am, and, through, at, the*.

Во вторую группу входят те знаменательные части речи, которые не являются наименованиями культурных элементов, но участвуют в уточнении их значения и в установлении их отношений друг с другом. Слова этого слоя лексики могут в равной степени участвовать при описании самых различных культур народов мира; это местоимения, наречия, числительные, большая часть прилагательных, глаголов и значительная часть имен существительных. В частности, в нашем предложении это: *early, I, look, my, below*.

В приведенное предложение входит и несколько культуронимов: *Sunday, morning, window, street*. Все они относятся к разряду полионимов, поскольку с легкостью могут быть ориентированы на русскую, французскую, чешскую и пр. культуры. Поскольку в предложении нет каких-либо указаний на его культурную ориентацию, оно воспринимается как «внекультурное», «космополитическое».

Таких культуронимов в современных языках множество. «Единство современной европейской культуры не подлежит сомнению, и оно находит многочисленные подтверждения в языке» (Щерба 1974: 54; см. также Балли 1961: 40; Акуленко 1972: 23). И это сейчас относится не только к европейской культуре, хотя, конечно, общего у *народов еврохристианского региона* несомненно больше, чем в сопоставлении с народами других регионов. «Мы можем без всякого преувеличения говорить о некоем общем психическом складе, который создан Грецией и Римом, созрел в лоне западноевропейской цивилизации и в последнее время широко распространился на все те страны, которые европейцы подчинили своему духовному влиянию. За неимением более точного термина назовем эту общность европейским психическим складом» (Балли 1961: 40). Не случайно лингвисты уже в прошлом веке отметили: «Проанализировав несколько десятков страниц англо-русского словаря В.К. Мюллера, мы приходим к выводу, что эквивалентные соответствия составляют в нем примерно 30% всех слов» (Бархударов, Рецкер 1968: 61).

Вместе с тем об универсальности полионимов следует говорить с большой осторожностью, поскольку полная эквивалентность слов на межъязыковом уровне существует, как известно переводчикам, редко. Культурная переориентация полионимов обычно связана с большей или меньшей потерей информации.

Идиокультуронимы – специальная культурная лексика

Межкультурная коммуникация значительно упростилась бы, если бы все культуронимы были бы универсальными, то есть полионимами. К сожалению, как нам прекрасно известно, что значительная часть

элементов любой культуры носит специфический характер, возникая в результате действия центробежных тенденций развития земной цивилизации. Для перехода к культурно-специфической лексике вернемся к рассматриваемому нами предложению и несколько уточним его. Дело в том, что в действительности оно взято из книги *Moscow Diary* американского корреспондента еженедельника *People's Weekly World* в Москве 1970-80-х гг. Mike Davidow (1913-96), и в оригинале оно содержит еще одно слово, **Moscow**:

It is early Sunday morning, and I am looking through my **Moscow** window at the street below (Davidow 1980: 5).

И вот это одно слово, **Moscow**, передающее специфический элемент иноязычной (с точки зрения английского языка) русской культуры, сразу же ориентирует всю лексику этого предложения в область конкретной внешней культуры во вполне определенный исторический момент: речь идет о столице СССР в 1970-х гг. Мгновенно полионимы, входящие в это предложение (Sunday, morning, window, street), наполняются реальным содержанием в контексте русской культуры, так что автор глядит на улицу с правосторонним движением, по которой бегут немногочисленные машины советского производства. И теперь мы должны ввести еще один термин инолингвокультурологии: «идиокультуроним».

*Культуронимы, закрепленные за специфическими элементами культур, будем называть *идиокультуронимами* (от греч. «идиос», «своеобразный» + «оним»), независимо от конкретного языка и конкретной культуры. При таком подходе «Москва», «царь», «казак»; «палата лордов», «Тауэр», «Нью-Йорк», «Рим», «Рейхстаг» «коррида»; Moscow, tsar, Cossack; the House of Lords, the Tower, New York – все это идиокультуронимы.

В традиционной лингвистике эта лексика фигурирует под различными терминами, но чаще всего такие слова называют **языковыми реалиями*. Причем исследовалась эта проблема преимущественно в рамках перевода художественного текста (М.М. Морозов, А.А. Реформатский, Ю. Катцер, А.В. Кунин, С. Влахов и С. Флорин, А.О. Иванов): «...в переводоведении, как в советском, так и зарубежном, вопрос о “переводе реалий”», о переводе безэквивалентной лексики трактуется исключительно в применении к художественной литературе» (Чернов 1958: 223).

Следует признать, что термин «языковые реалии», наиболее распространенный в отечественной теории перевода, но не используемый в англоязычной лингвистике, неудачен по двум причинам. Во-первых, латинский этимон *realia* – это существительное во множественном числе. Видимо, по этой причине этот термин и не привился в зарубежной

лингвистике. Однако в рамках интерлингвокультурологии при обсуждении ЯМО более существенным недостатком термина «языковые реалии» следует считать то, что при этом не происходит разграничения идиокультуронимов внутренней и внешних культур, не учитывается существование «своих» и «чужих», иноязычных реалий.

Дело в том, что в рамках иноязычного описания культуры, начиная с проблемы «правильного» написания своего собственного имени и фамилии, мы постоянно заняты поиском адекватных вариантов иноязычных наименований специфических элементов описываемой культуры. В частности, в рамках АЯМО (РК), «языковые реалии» *вече, опричник, «Домострой», «Слово о полку Игореве», «Могучая кучка», коммунальная квартира, период застоя, прописка, лубок* – все это *данное*, это «стандартизированные» (institutionalized) наименования элементов описываемой (русской) культуры, которые внесены в различные русскоязычные справочные издания и известны всем носителям этого языка и этой культуры. Между тем при осуществлении англоязычного описания русской культуры нас интересуют возможные англоязычные соответствия, которые для нас являются *искомым*. Вот почему мы вводим два новых термина, разграничивая две группы идиокультуронимов: «свои» идиокультуронимы («идионимы») и «чужие», иноязычные, идиокультуронимы («ксенонимы»).

**Идионимы* (от греческого *idios*, «своеобразный» + «оним») – это идиокультуронимы, закрепленные за специфическими элементами «своей», внутренней культуры, например; Shakespeare, the House of Commons, Beatles, Brooklyn, Byron, Congress, cowboy, House of Lords/ Commons, public school, Robinson Crusoe, Westminster – в английском языке; *царь, степь, казак, старовер, конструктивизм* – в русском языке. Идионимы – это внутрикультурная специфическая лексика (внутрикультурные языковые реалии), возникшая в результате *первичного* обозначения культурных элементов, то есть – в результате *первичной* вербализации культурного континуума.

**Ксенонимы* (от греческого *xenos*, «чужой» + «оним») – это идиокультуронимы, закрепленные за специфическими элементами «чужой», иноязычной, внешней культуры. При таком подходе «палата лордов», «Тауэр», «Нью-Йорк» – ксенонимы англо-американской лингвокультуры в русском языке; Moscow, tsar, Cossack – ксенонимы-русизмы в английском языке.

Ксенонимы не рассматривались в традиционной лингвистике в качестве самостоятельного сегмента словарного состава, им отводили скромную функцию создания **национального* (местного) *колорита*

(Реформатский 1967: 137-138), и воспринимались лингвистами (в особенности лексикографами) как нечто маргинальное, не входящее в сферу изучения конкретного языка. Их называли, как уже отмечалось выше, языковыми реалиями или безэквивалентной лексикой, а в случае заимствований – *экзотизмами* или даже *варваризмами*. Подобный подход представляется неприемлемым, поскольку в этом случае и Louvre, и Тадж Махал, и Эйфелева башня, и the Hermitage (в Петербурге) следовало бы рассматривать как экзотизмы, с чем трудно согласиться, в особенности тем, кто принадлежит к соответствующим культурно-языковым коллективам. О неприемлемости термина *варваризмы* и говорить не приходится.

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КСЕНОНИМОВ

Классификация ксенонимов

Попытки создать **классификацию ксенонимов* (в теории перевода – языковых реалий) предпринимались неоднократно. Так А.А. Реформатский выделял такие группы реалий, как собственные имена, наименования монет, должностей, деталей костюмов и украшений, наименования музыкальных инструментов, кушаний и напитков, различные титулы (Реформатский 1967: 139). Подробно различные группы реалий рассматривают С. Влахов и С. Флорин (1986: 59-64). В результате получаются непоследовательные, пересекающиеся и громоздкие построения (см. также: Жлуктенко 1967: 13-14; 18; Platt *et al* 1984: 89-95).

Судя по всему, исчерпывающую и непротиворечивую классификацию ксенонимов (реалий) создать невозможно. Знакомство с разнообразными англоязычными текстами описания русской культуры привело нас к выводу, что наиболее прагматично и целесообразно *тематическое деление ксенонимов в том виде, в котором, например, русская культура рассматривается в англоязычной русистике с выделением различных сфер культуры: история, география, политика, экономика, наука, искусство, религия, туризм, традиции и быт, спорт и развлечения, речевой этикет.*

Языковой статус ксенонима

Встречая в англоязычном тексте ксенонимы типа *boyar, veche, Duma, starets* и др., невольно пытаешься понять, с каким видом лексики мы сталкиваемся и можно ли рассматривать эти образования в качестве составной части *английского языка*. Для решения этой проблемы воспользуемся *методом опосредованного наблюдения и экстраполяции* (МОНЭ): полагая, что авторитетные толковые словари являются

беспристрастными регистраторами полноправных членов словарного состава языка, мы считаем возможным распространить этот критерий и на ксенонимы, поскольку они регулярно фиксируются толковыми словарями. Иными словами, *включение слова в словник авторитетного толкового словаря следует рассматривать как подтверждение его словарного статуса*. Это дает нам основание использовать в изучении ЯМО вообще и АЯМО (РК) в частности **пробу на лексикографическую регистрацию*. Иными словами, факт появления ксенонима в толковом словаре следует рассматривать как опосредованное указание на принадлежность данной языковой единицы к словарному составу.

Изучение большого корпуса аутентичных текстов англоязычного описания русской культуры и просмотр регистрации выявленных нами ксенонимов-русизмов в толковых словарях дал в наше распоряжение данные о формировании ксенонимического пласта русской культуры, которые отражены в словаре:

Кабакчи В.В. *The Dictionary of Russia* (2500 Cultural Terms).

Англо-английский словарь русской культурной терминологии (2002).

Вместе с тем, используя словарные данные при рассмотрении ксенонимов, следует учитывать определенную, впрочем оправданную, консервативность составителей словарей. Дело в том, что лексикографы очень осторожны при пополнении словарного состава, и некоторые слова проходят длительный «кандидатский стаж», прежде чем получают честь стать полноправным членом словарного сообщества: «Когда речь идет о новом слове, прежде всего, важно решить, заслуживает ли оно чести быть включенным в словарь» (Касарес 1958: 24).

Лексикографическая практика показывает, что некоторые ксенонимы десятками лет, а иногда и столетия ждут своей очереди признания их словарного статуса. Так, например, во второе издание Большого Оксфордского словаря (OED2, 1989) вошли русизмы, которые, судя по дате их первого употребления, приводимого в словаре (ниже она приводится в скобках), ждали немало лет, прежде чем получили право на включение в словник, в том числе: *ataman* (1835); *balaclava* (1881); *balalaika* (1788); *blin* (1889); *doukhobor* (1876); *duma* (1870); *omul* (1884). Рекордсменом по длительности «кандидатского стажа» можно считать русизм «балалайка», который ждал признания лексикографов с 1788 по 1989 год, то есть 201 год. Такой осторожный подход к включению слов в словник мы называем **лексикографическим отставанием в регистрации*.

С точки зрения «легитимности» ксенонимов показательна статья из газеты США. Вот её начало:

«Czars»

October revolutions just ain't what they used to be.

It was 92 years, almost to the day, since the **Bolsheviks** stormed the **Winter Palace**. Sens. Joe Lieberman (I-Conn.) and Susan Collins (R-Maine), as fine a duo as **Lenin** and **Trotsky**, presided over the Senate Homeland Security and Governmental Affairs Committee, which for a couple of hours Thursday morning seemed more like the **Council of People's Commissars** (*Washington Post*, October 23, 2009).

Эта статья обсуждает чисто американские политические проблемы и адресована американскому читателю. Тем не менее в ней имеется целый ряд ксенонимов-русизмов, которые введены в текст на правах единиц словаря английского языка.

Количество ксенонимов

Произведенные нами предварительные (и весьма приблизительные) подсчеты показывают, что ксенонимы составляют значительную, приблизительно шестую часть *всего* словарного состава английского языка. Это значит, что, скажем, в Большом Оксфордском словаре их не менее 100 тысяч. Правда, необходимо учитывать специфику составления словарного словника: чем больше объем словаря, тем больше туда включается низкочастотных слов. В результате в словарях малого объема (70-100 тысяч слов, например, типа Longman) представлено лишь 750-1500 ксенонимов различных внешних культур.

Иллюстрацией частотности ксенонимов может служить этот пример из англоязычного путеводителя по нашей стране:

Jerusalem, Mecca, Rome, Moscow – all are places of pilgrimage, whether the faithful come to pray at the **Wailing Wall**, circle the *kaaba*, be blessed by the **Pope** or file past **Lenin's** embalmed body in the great mausoleum on **Red Square** (Fodor 1989: 131).

В этом примере к ксенонимам следует отнести: Jerusalem, Мекка, Rome, Moscow, the Wailing Wall, the *kaaba*, the Pope, Lenin, Red Square, причём за исключением русизмов Moscow, Lenin, Red Square всё это идионимы «третьих культур».

Вторичность ксенонимов

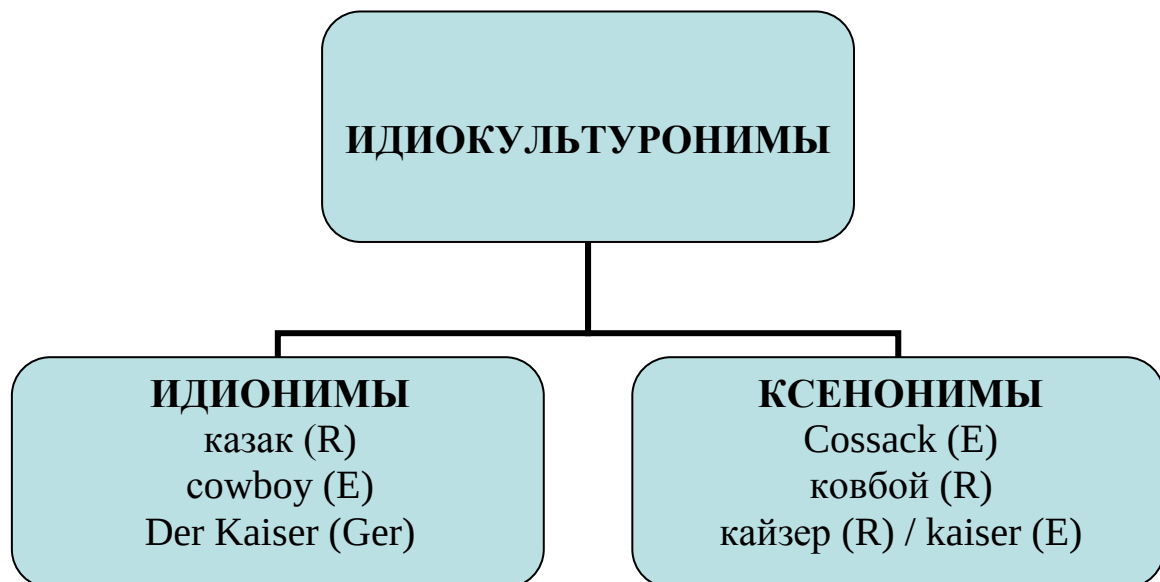
Существенной характеристикой ксенонимов следует считать их **вторичность* по отношению к соответствующим идионимам, которые, по сути дела, служат прообразом (**прототипом* или **этимомом*) иноязычных вариантов наименований специфических элементов культуры.

В частности, ксеноним *boyar* является *вторичным ксенонимом* по отношению *идиониму* «боярин». Между обоими идиокультуронимами

устанавливается «корреляция». **Корреляция – это связь на межъязыковом уровне, устанавливающаяся между культуранимами, в данном случае – между ксенонимом и его идионимом-прототипом.* Друг по отношению к другу данные идиокультуронимы выступают в качестве **коррелятов*. Таким образом, русизм «боярин» выступает в качестве идионима-прототипа ксенонима-коррелята boyar. Идионим «боярин» (прототип) и ксеноним boyar являются коррелятами друг по отношению к другу.

Ксенонимическая относительность

И идионимы, и ксенонимы следует рассматривать как идиокультуронимы, а конкретный статус этих языковых единиц определяется их отношением к языку и культуре. В этом нетрудно убедиться, взглянув на приведенную здесь нехитрую схему:

Языковая единица, которая в русском языке выступает в качестве *идионима* (например, «казак»), в рамках английского языка превращается в *ксеноним* (Cossack), и, наоборот, слово cowboy является идионимом английского языка, но превращается в ксеноним «ковбой» в русском языке. Это относится и к русскоязычному и англоязычному вариантам ксенонима «третьей (немецкой) культуры». Например, «кайзер» в русском языке и «kaiser» в английском языке являются ксенонимами-коррелятами друг по отношению к другу; в качестве идионима-прототипа в обоих случаях выступает Der Kaiser в немецком языке. В этом суть **ксенонимической относительности*.

А теперь рассмотрим снова пример из путеводителя и переведем его на русский язык: «Иерусалим, Мекка, Рим, Москва – все это места паломничества, независимо от того, приезжают ли верующие молиться у

Стены плача, обойти вокруг “черного камня” *каабы*, получить благословление у римского папы или пройти мимо забальзамированного тела Ленина в мавзолее на Красной площади».

Как видим, культуронимы «Иерусалим», «Мекка», «Рим», «Стена плача», «кааба», «римский папа» сохраняют статус ксенонимов и в русскоязычном тексте (это ксенонимы «третьих культур»), в то время как культуронимы «Москва», «Ленин», «Красная площадь» из статуса ксенонимов в англоязычном тексте перешли в статус идионимов в русском тексте. В этом и проявляется относительность статуса *культуронимической* пары идионим-ксеноним. Таким образом, «ксенонимическая относительность» заключается в том, что ксеноним является таковым, когда он выступает в качестве элемента иноязычной культуры, например Moscow в английском языке. Между тем прототип этого ксенонима («Москва») является идионимом.

Формирование словаря ксенонимов

The English vocabulary is now federated rather than centralized. No one person's English is all English, but each English speaker is to some extent «multilingual» within English. We are competent in varieties of English in which we do not perform. (Weiner E.S.C. «The Federation of English» 1990: 501).

Поскольку в ходе межкультурной коммуникации постоянно приходится обращаться к миру внешних культур, в языке постепенно накапливается фонд ксенонимов, в частности в рамках словаря русского языка: *Французская академия, Ла Скала, болеро, рамазан, фьёрд, “Джиоконда” Леонардо да Винчи, литературное движение Буря и натиск, Эдип, Мао Цзедун, Дели.*

Освоение внешнекультурного континуума и, соответственно, накопление ксенонимов в словаре идет по двум направлениям: (1) формирование тематических групп ксенонимов; (2) формирование групп ксенонимов отдельных внешних культур.

I. Тематические группы ксенонимов в английском языке

Географическая лексика – необозримое пространство разнообразных топонимов – Albania, Brazil, India, Lisbon, the Danube, the Seine; Lake Balkal, the Urals, the Volga; многочисленные географические термины – arrondissement, canton, fjord, prairie, savannah, vilayet; *oblast'*, polynya.

Историческая лексика – (Spanish) Armada, Aztec, Babylon, Bastille, Bismarck, Buchenwald, Caesar, Carthage, conquistador, Genghis Khan,

Herodotus, Hiroshima, Inquisition, Joan of Arc, Kaiser; the Battle on the Ice, the Time of Troubles, Stalingrad, Yalta Conference.

Политическая лексика – Althing, Bundestag, Dáil Eireann, French Revolution, Knesset, PLO, Third Reich; Bolshevik, Duma, *perestroika*.

Образование и наука – Académie française, lycée, madrasah, privatdocent, Sorbonne, yeshiva.

Религия – Buddha, Christmas, Confucianism, Dalai Lama, Islam, minaret, mosque, Protestantism, Ramadan, shaman, Shinto, synagogue, Talmud, voodoo; Russian Orthodox Church, Old Believer, *starets*.

Литература и искусство – Barbizon school, *Divine Comedy*, kabuki, Comédie Française, La Scala, mazurka, Mona Lisa, Mozart, *Sturm und Drang*; Verdi; Acmeism, Bolshoi Theatre, *War and Peace*.

Традиции и быт – chalet, concierge, igloo, matzo, ukelele; *isba*, samovar.

Элементы внешнекультурного разговорного этикета – Don, Donna; Herr, Frau, Fräulein; Madame, Mademoiselle, Monsieur; signor/ signora/ signorina; *a rivederci, auf Wiedersehen, l'chaim, merci, prosit, salaam, shalom; nyet*.

II. Ксенонимические группы отдельных внешних культур

Arab region – Allah, hajj(i), houri, Intefada, jihad, *kaaba*, Koran, Mecca, minaret, muezzin, mullah, [the] Prophet, Ramadan, sura.

French – Louvre, Louis, Nôtre-Dame, Joan of Arc, Versailles, Huguenots, Bastille, Richelieu, Napoleon, Dumas, Eiffel Tower, commune, arrondissement, garçon.

Spanish – Armada, bolero, castanets, conquistador, corrida, Don(na), gaucho, fiesta, flamenco, machete, poncho, siesta, toreador.

Jewish – Abraham, Hebrew, Israel, kibbutz(nik), knesset, *kosher, l'chaim*, rabbi, Rosh Hashana, shalom, shekel, Talmud, Torah, Wailing (Western) Wall.

Представленные здесь ксенонимические группы можно рассматривать в качестве иллюстрации представленной выше попытки классификации ксенонимов, причем, например, тематическая классификация имеет чисто прикладное значение. Как показывает языковая практика и знакомство с аутентичными текстами, изучение особенностей АЯМО (РК) приходится осуществлять в рамках конкретных сфер культуры, поскольку каждая отдельная сфера характеризуется своей спецификой. Вот почему широкое явление – АЯМО (РК) – приходится уточнять с поправкой на подвид языка межкультурного общения: АЯМО (РК: Религия).

Таким образом, подтверждается мысль о том, что фактически всякий говорящий на английском языке хотя бы в элементарной форме владеет и элементами иных языков, а словарь английского языка *мультикультурен*.

Ономастические ксенонимы

В отличие от научно-технических терминологий, которые обычно ограничиваются именами нарицательными, существенную часть ксенонимического пласта лексики образуют *собственные имена*. В настоящее время имена собственные, а равным счетом и лингвистическую дисциплину, изучающую этот слой лексики, принято называть **ономастикой*. Термин этот удобен тем, что от него, в отличие от словосочетания «имя собственное», можно образовать прилагательное; поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться словосочетаниями «ономастический ксеноним» и/или «ксенонимическая ономастика».

Ксенонимическая ономастика – это значительная часть (не менее половины) всех ксенонимов, представляющая различные тематические группы:

- топонимы (Moscow, Novaya Zemlya, the Neva, the Strait of Bering, the Kara Sea, the Crimean Peninsula, the Karelian Isthmus, Cape Dezhnev, the Yablonovyi Range);
- Who's Who в русской культуре (Yaroslav the Wise, Archpriest Avvakum, Peter the Great, Chekhov, Tchaikovsky, Galina Ulanova);
- многочисленные наименования исторических событий (the Time of Troubles, the Battle of Borodino, the Bloody Sunday, the Thaw);
- наименования газет и журналов (*Izvestiya, Argumenty i fakty, Kommersant, Vedomosti*);
- наименования произведений литературы и искусства (*Domostroi, The Bronze Horseman, Crime and Punishment, Cherry Orchard, Petrushka*);
- разнообразные урбанонимы темы «Город» (Nevsky prospect, the Arbat; the Kremlin; the Astoria Hotel; the Cathedral of Christ the Savior).

Терминологичность ксенонимов

Поскольку ЯМО имеет общие черты с языком науки, необходимо соотнести понятия «термин» и «ксеноним». Уже теоретики перевода художественного текста обратили внимание на сходство «языковых реалий» и научных терминов: «В поле зрения переводчика должна находиться и особая, близкая к терминам, категория слов, обозначающая предметы, процессы и явления, характерные для жизни быта данной страны, но не отличающиеся точностью определения, свойственной терминам. Это так называемые реалии» (Бархударов, Рецкер 1968: 94).

Начало серьезного изучения русских научно-технических терминов относится к 1920-м гг. XX века, а основоположником отечественного терминоведения по праву считают Д.С. Лотте (см. также: работы Суперанской А.В., Даниленко В.П., Подольской Н.В.). Терминологи единодушно сходятся в том, что термин должен быть кратким, лишен

многозначности, синонимии и омонимии. Следует признать, что все эти характеристики необходимы и для адекватного выполнения ксенонимами функции наименований элементов внешней культуры. У ксенонимов и терминов действительно много общего. Прежде всего, это их принадлежность к специальной области знаний (с точки зрения носителей иноязычной культуры). Кроме того, ксенонимы, как и научные термины, – это преимущественно имена существительные.

Вместе с тем есть целый ряд особенностей ксенонимов, которые не позволяют полностью относить их к традиционным терминам. Так, значительную часть ксенонимов составляют собственные имена, а слова типа Pskov, Prince Igor', Koshchei the Immortal, Petrushka и многие другие едва ли соответствуют тому, что мы привыкли понимать под терминами. К тому же традиционные научно-технические термины интернациональны, зачастую базируются на греко-латинской лексике, в то время как *ксенонимы восходят к своим прототипам на языке народа-носителя соответствующей культуры*.

Кроме того, в слой ксенонимической лексики входят также языковые единицы, которые трудно рассматривать как научные термины: идиоматические выражения (Potemkin villages, the first pancake), включая пословицы, элементы речевого этикета, междометия и др. Поэтому ксенонимы можно рассматривать лишь как «квазитермины», как автономный лексический слой, который находится на периферии словарного состава в непосредственной близости от научно-технической терминологии.

Говоря о том, что ксенонимы носят лишь квазитерминологический характер и имеют окраску «иноземности», экзотичности, следует отметить относительный характер такого свойства этой лексики. Дело в том, что ксенонимы типа tsar, steppe, Old Believer, Siberia в восприятии русских или просто лиц, прекрасно знакомых с русской культурой, предстают не как экзотизмы, а как элементы знакомой культуры.

Лексические типы ксенонимов

По своей лексической структуре ксенонимы делятся на слова и словосочетания (подавляющее большинство) и предложения. Ксенонимические предложения чаще всего используются в случае пословиц, крылатых фраз, а также при включении в текст цитат или элементов иноязычного диалога.

С точки зрения лексических типов образования ксенонима можно выделить следующие наиболее продуктивные типы:

- заимствования («Тауэр», «Пиккадили», «фьорд», «камикадзе», «Сорбона», «бифштекс»; balalaika, borshch, dacha, Kremlin, troika);

- кальки (Decembrist, Old Believer, Table of Ranks; «палата общин», «бой быков»);

- гибридные образования (Bolshoi Theater; третий рейх; ср.: Sturm und Drang – в английском языке и «Буря и натиск» – в русском языке; «Собор Парижской Богоматери»). Более подробно на этих группах мы остановимся ниже.

Другие лексические виды ксенонимов (описательные обороты и некоторые другие модели, на которых мы остановимся ниже) встречаются реже.

Ксенонимическая вариативность

Распространенной особенностью ксенонимов, отличающей их от научных терминов, следует считать то, что во многих случаях одному идиониму-прототипу может противостоять два и более сосуществующих варианта. Соответственно, под **ксенонимической вариативностью* будем понимать *сосуществование двух и более наименований одного и того же элемента внешней культуры*. В том числе:

- *орфографические варианты*: tsar / czar ◇ czarina / tsaritsa ◇ Musorgsky/ Mussorgsky ◇ Dostoevsky/ Dostoyevsky;

- *лексические варианты*: Decembrist / Dekabrist ◇ chernozem / 'black earth' ◇ Knave (or: Jack) of Diamonds ◇ Narodniki / Populists.

Подробнее на ксенонимической вариативности мы остановимся ниже.

Неравномерное освоение внешнекультурного континуума

Неравномерность взаимовлияния языков, асимметричность их воздействия друг на друга в условиях действия принципа языковой экономии объясняет то, что внешние культуры вербализуются (осваиваются) языками неравномерно, по мере возникающих коммуникативных потребностей: «Значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенны для человеческой практики» (Никитин 1996: 207).

Например, для всех народов еврохристианского региона, в том числе и для англоязычных стран, характерно хорошее знание наследия греко-римской цивилизации. Английским языком неплохо освоены культуры народов Франции, Италии, Испании и Германии, которые входят в пятерку современных культур, более всего знакомых англоязычному миру. Что касается культур многих сотен малочисленных народов, в особенности не являющихся членами ООН, то в справочных изданиях малого объема не всегда встречается даже упоминание наименования этих народов.

В качестве примера можно привести следующее. В работе *Cultural Literacy. What Every American Needs to Know* (Hirsch 1987) E.D. Hirsh, Jr.

приводит список-приложение What Literate Americans Know объемом в 4900 единиц. Приблизительно 19% этого списка падает на ксенонимы самых различных культур. Ни одна республика существовавшего в то время Советского Союза, кроме, естественно, России, там не упомянута. Как ни странно, но во внешнекультурный багаж «среднего американца» не входила даже древняя Армения.

Коммуникативная доступность ксенонимов

Поскольку текст англоязычного описания русской культуры должен быть доступен адресату, первостепенное значение приобретает то, насколько ксенонимы-русизмы, которые вводятся в текст, знакомы рядовому носителю английского языка. Под **коммуникативной доступностью* ксенонима будем понимать *положение ксенонима в словарном составе языка по отношению к слою общедоступной лексики*.

При установлении степени доступности ксенонимов целесообразно обратиться к толковым словарям. Будем учитывать лексикографические данные составителей словарей, а там, где они отсутствуют, приходится проводить самостоятельное изучение отобранного **корпуса* аутентичных текстов АЯМО (РК). Как уже отмечалось выше, чем меньше объем толкового словаря, тем больше вероятность, что вошедший в его словник ксеноним входит в слой общеупотребительной лексики. При таком подходе с точки зрения коммуникативной доступности ксенонимы можно разделить на следующие группы: базовые и специальные; последние, в свою очередь, делятся на ксенонимы словарные и окказиональные.

К **базовым ксенонимам относятся те наименования специфических элементов внешних культур, которые вошли в слой общеупотребительной лексики языка межкультурного общения (ЯМО)*.

In 1990s Moscow the remnants of the Soviet intelligentsia liked to talk about expiating guilt (Meier 2004: 43).

В коммуникативном плане базовые ксенонимы для нас интересны тем, что *при введении в текст они не нуждаются в пояснении*. Базовые ксенонимы, как правило, регистрируются словарями малого объема (70-90 тысяч слов, типа *Longman Dictionary of the English Language and Culture* или *Oxford Advanced Learner's Dictionary*). Эти словари учебного типа очень тщательно подходят к составлению словника.

Пласт базовых ксенонимов ЯМО – это совокупность наиболее значимых элементов земной цивилизации, независимо от того, с каким социальным знаком эти элементы – положительным (Mozart, Beethoven, Tchaikovsky) или отрицательным (Spanish Inquisition, GULag, Fascism, Holocaust, pogrom).

Таким образом, для англоязычного описания русской культуры наиболее благоприятным случаем следует считать тот, когда мы имеем

дело с базовыми ксенонимами (Russia, Moscow, tsar, samovar, steppe, Cossack, Volga, Tchaikovsky), поскольку они не нуждаются в пояснении (*экспликации*):

In the dining-room, where a samovar steamed on the table ... (Reed: 213).

Базовые ксенонимы составляют меньшинство ксенонимической лексики. Основную долю ксенонимов образуют те, значение которых недоступно среднему носителю языка. Это **специальные ксенонимы*, введение в текст которых, как правило, сопровождается пояснением. Их можно разделить на две подгруппы.

К первой подгруппе мы относим специальные ксенонимы, регистрируемые толковыми словарями; будем их называть **специальными словарными ксенонимами*. Это ксенонимы, регулярно, хотя и не очень часто, появляются в текстах, но их частотность достаточна для лексикографической регистрации. Они обычно имеют устоявшуюся (*традиционную*) форму, что, впрочем, не исключает сосуществования ксенонимических вариантов, которые также приводятся составителями словарей и энциклопедий в качестве второстепенных наименований. Это, например, ксенонимы-русизмы такого типа: *oblast'*, *starets*, *Raskol'nik*, *chernozem* (black earth). Обычно ксенонимы этого типа входят в словник словарей большого объема (свыше 90 тысяч слов), включая и знаменитый *Oxford English Dictionary (OED)*.

Ко второй группе специальных ксенонимов относятся **специальные окказиональные ксенонимы*. В отличие от базовых и специальных словарных ксенонимов, регистрируемых толковыми словарями, к окказиональным ксенонимам относятся те языковые единицы, которые в текстах иноязычного описания культуры встречаются так редко, что их не фиксируют даже самые полные толковые словари.

С коммуникативной точки зрения специальные словарные и специальные окказиональные ксенонимы мало отличаются друг от друга, поскольку и те и другие неизвестны рядовому носителю языка и, следовательно, в тексте нуждаются в пояснении. К недостаткам окказиональных ксенонимов можно отнести то, что они недостаточно апробированы практикой межкультурного общения и в силу этого характеризуются низкой стандартизацией: наблюдаются различия в написании, сосуществуют различные варианты наименования одного и того же иноязычного элемента.

Ксенонимический изоморфизм

Как уже отмечалось выше, на межъязыковом уровне между культуранимами может устанавливаться связь (корреляция). Корреляция может существовать между разноязычными полионимами, например:

«город»/town; «библиотека»/library (бинарные русско-английские полионимы).

Ксенонимическая корреляция может быть двух типов: первичная и вторичная. **Первичная* корреляция устанавливается между ксенонимом и его идионимом-прототипом («степь» ↔ steppe; «Россия» ↔ Russia). **Вторичная* ксенонимическая корреляция возникает на межъязыковом уровне между ксенонимами двух и более языков, восходящих к общему идиониму-прототипу, например: «Тадж Махал» в русском языке и Taj Mahal в английском языке имеют общий прототип (согласно OED: perhaps corruption of Persian *Mumtaz Mahal*).

Поскольку один и тот же идионим выступает в качестве прототипа ксенонимов на самых разных языках (например, описание русской культуры на английском, французском, испанском и др. языках), возникающие ксенонимы в большей или меньшей степени соотносимы друг с другом своей формой. *Сходство ксенонимов на межъязыковом уровне, этимологически восходящих к одному и тому же идиониму-прототипу*, мы будем называть **ксенонимическим изоморфизмом*.

Межъязыковой изоморфизм ксенонимов легко проследить на материале английского, немецкого и русского языков. Причем в случае заимствований мы наблюдаем большее или меньшее сходство формы ксенонимов. Достаточно сравнить ксенонимические варианты русского, английского и немецкого языков:

Александр Македонский = Alexander the Great = Alexander der Große;

минарет = minaret = das Minarett;

муссон = monsoon = der Monsun;

мечеть = mosque = die Moschée;

царь = tsar/ czar = der Zar.

Там, где имеет место калькирование (или гибридные варианты), ксенонимы также легко узнаваемы на межъязыковом уровне:

мыс Доброй надежды = Cape of Good Hope = Kap der Guten Hoffnung;

коррида (бой быков) = corrida/bullfight = der Stierkampf (=corrida);

Стена плача = Wailing Wall = die Klagemauer.

В принципе эту цепочку можно продолжать бесконечно, например:

МОСКВА = Moscow (английский язык) ◇ Moskva (азербайджанский, датский, чешский языки) ◇ Moskou (африкаанс, нидерландский языки) ◇ Moszkva (венгерский язык) ◇ Moscú (испанский язык) ◇ Mosca (итальянский язык) ◇ Moskau (немецкий

язык) ◇ Maskva (литовский язык) ◇ Moskwa (польский язык) ◇ Moskova (финский язык) ◇ Moscou (французский язык)...

Как видим, при всем многообразии отклонений ксенонимических коррелятов от исходного прототипа МОСКВА любой из представленных ксенонимов однозначно ассоциируется с именем столицы России, будучи в большей или меньшей степени прозрачным («транспорантным») по форме. Ксенонимический изоморфизм значительно облегчает узнавание и понимание ксенонимов «третьих культур». Например, англоязычный ксеноним-русизм *tsar* и его немецкоязычный аналог *Zar* естественным образом ассоциируются с русским идионимом-прототипом «царь», хотя, безусловно, и в том и другом случае нужно достаточное знание всех задействованных в этой межкультурно-языковой ситуации языков. Ксенонимы *болеро*, *венецианцы*, *самураи*, *Великая китайская стена*, *Тадж Махал*, *фараон*, *Карфаген* гарантируют легкое узнавание соответствующих англоязычных ксенонимов: *bolero*, *Venetians*, *samurais*, *Great Chinese Wall*, *Taj Mahal*, *pharaoh*, *Carthage*.

Ксенонимический изоморфизм отражает их интернационализм и облегчает межкультурное общение.

Ксенонимы в языковой картине мира

Словарный состав любого языка представляет собой вербальное отражение **языковой картины мира*. Лексикографическое моделирование, то есть привлечение данных словарей позволяет представить объективную репрезентацию этой картины, иными словами, позволяет реально представить эту картину глазами конкретного языкового сообщества. При этом мы исходим из тезиса, что *каждый толковый словарь представляет собой срез картины мира в представлении данного народа в пределах объема данного словаря*. Чем больше объем словаря, тем полнее эта картина. Вместе с тем отсутствие логической организации слов в словнике, составленном в алфавитном порядке, не дает нам четкой модели картины мира. С этой точки зрения наибольший интерес в моделировании вербальной картины мира представляет, на наш взгляд, «идеографический словарь».

**Идеографический* (в англоязычной терминологии также *ideological*) словарь – это справочное пособие, в котором слова расположены в соответствии с делением всего словарного состава на смысловые группы.

Попытки создать идеографический словарь предпринимались уже несколько веков назад (Ян Амос Коменский, John Amos Comenius: *Janua Linguarum Reserata*, 1631 и *Gate of Tongues Unlocked*, 1633?; Джон Вилкинс, Bishop John Wilkins. *Essay towards a Real Character and a Philosophical Language* 1668). Однако честь создания первого идеографического словаря, получившего широкое признание,

принадлежит, Питеру Марку Роже (Peter Marc Roget, 1779-1869), профессиональному врачу, для которого составление этого словаря являлось хобби на протяжении всей жизни и который опубликовал свой словарь *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases* уже после ухода на пенсию. С легкой руки лексикографа термин *тезаурус вошел не только в английский, но и в русский язык, причем под этим термином нередко понимается не только сам идеографический словарь, но и личный запас слов (а иногда и знаний) человека.

Свою концептуальную модель мира Roget, естественно, строил на базе английского языка, однако нетрудно убедиться в том, что эту модель без труда можно перенести не только на другие языки, в частности на русский язык, но и на всю земную цивилизацию. В бесконечном концептуальном континууме (пространстве) слов Р.М. Roget выделяет 6 *макрополей: abstract relations; space; matter; intellect; volition; affections; далее эти макрополя в свою очередь делятся на 990 миниполей с последующим делением на микромакрополя (термины наши, поскольку сам Р.М. Roget термин «поле» не использует – ВК).

Тезаурус Р.М. Roget включает в каждое микрополе лишь четыре части речи: существительные, глаголы, прилагательные и наречия, причем первые доминируют. Следовательно, если из Тезауруса взять лишь номинативную часть, мы получим основу вербальной картины земной цивилизации объемом приблизительно в 60 тысяч слов.

В Тезаурусе Р.М. Roget мы находим полионимы, причем многие из них выполняют роль базовых слов макро- и микрогрупп, например, *география* или *история* (мы используем структуру словаря и его обозначения, переходя от малых полей к большим, в конечном счете – к макрополю):

geography → Universe → MATTER

history → Record → MEANS OF COMMUNICATING IDEAS

Как уже отмечалось выше, уже у Р.М. Roget семантические микрополя включают в себя и ксенонимы. Так, макрополе space включает в себя миниполе Region, в рамках которого выделяется микрополе *district*. Это микрополе содержит довольно большую группу культуронимов, объединяемых родовым полионимом *subdivision*, а уже в состав последнего входят (среди других): state, province, county, shire... canton; department, arrondissement, commune. То есть здесь присутствуют, наряду с полионимами и англоязычными идионимами, также и ксенонимы (культур Франции и Швейцарии – последние четыре).

Уместно, таким образом, указать на присутствие в этой классификации «пустых клеток», которые в лингвистике принято называть *лакунами, для потенциальных языковых единиц.

Сюда, в частности, вписывается и немецкое *Land* (русскоязычный коррелят – «земля», например: «земля Бавария»), и лакуны для единиц административного деления России: *область, край, округ*. Кстати, эти ксенонимы-русизмы уже фиксируются словарями:

oblast *n, pl oblasts also oblasts* [Russ *oblast'*] (ca. 1886): a political subdivision of Imperial Russia or of a republic in the U.S.S.R. (EncBrDic) См. также словарь В.В. Кабакчи.

Следовательно, в идеале тезаурус земной цивилизации включает в себя, реально или потенциально, элементы всех существующих (и существовавших ранее) культур мира на всех земных языках, в данном случае – на английском языке. И каким бы специфическим ни был идиокультуроним, в Тезаурусе Roget обнаруживается родовой полионим (**гипероним*), включающий его в объем своего значения. Предположим, нас интересует русизм *dacha*, все чаще появляющийся в англоязычных текстах о России. В Тезаурусе Roget мы находим макрополе *space*, в нем выделяется миниполе *Abode*, а внутри него мы обнаруживаем микрополе *house*, в которое входят следующие культуронимы:

house, home, residence, dwelling house; bungalow, ranch house, villa, chalet; seat, place, mansion, hall; château, castle, keep, tower; manor, grange, lodge, priory, abbey; retreat, cloister; palace, palatial residence; stead, farmstead.

Можно с уверенностью утверждать, что в пределах этого микрополя виртуально существует и «пустая клетка» (лакуна) для ксенонима *dacha*. Иными словами земная цивилизация в ее вербальном представлении напоминает гигантскую таблицу Менделеева, в которой аккумулируется весь опыт земной цивилизации и постепенно заполняются лакуны. Характерно, что из ксенонимов этой группы *bungalow* (house in the Bengal style), *chalet* (a Swiss dwelling), *château* (a feudal castle or fortress in France) первые два фиксируются и русскими словарями (*бунгало, шале* – БТСРЯ), а третий (*шато*) странным образом отсутствует даже в словаре иностранных слов, то есть пока что это «пустая клетка» в русскоязычной картине мира.

В конечном итоге (то есть в весьма отдаленном будущем) вся «ксенонимическая вербальная таблица мира» должна быть заполнена, однако процесс заполнения «пустых ксенонимических клеток» имеет *вялотекущий* характер, и завершение этого процесса лежит в области необозримого будущего. Мы находимся далеко еще от середины его завершения.

В новейшее время (учебным) вариантом идеографического словаря является *Longman Lexicon of Contemporary English*. В этом словаре весь семантический континуум разделен на 14 макрополей с последующим подразделением их на 3030 микрополей.

Ксенонимы-русизмы в английском языке

Очевидно, что базу англоязычного описания русской культуры образуют *словарные ксенонимы*, уже проверенные практикой, причем, естественно, особый интерес представляют *базовые* ксенонимы-русизмы, не нуждающиеся в пояснении. К счастью, русская культура входит в первую десятку культур, наиболее полно освоенных английским языком.

История англо-русских культурно-языковых контактов восходит к XVI веку. Прямые контакты англичан и русских установились в период правления Ивана Грозного, и с этого времени англоязычный мир уже постоянно поддерживает связь с русской культурой (см. работы М.П. Алексеева). Прочные межкультурные контакты России с Западной Европой начались с эпохи Петра Великого, укрепились в период правления Екатерины Великой и расцвели в эпоху золотого и серебряного веков русской культуры XIX – начала XX веков.

Послереволюционный период коммуникативной изоляции советского государства замедлил ход культурных контактов, но с началом «холодной» войны, и в особенности после запуска первого спутника в октябре 1957 года, англо-американские страны начинают пристально изучать СССР как потенциального врага. Появляются специалисты, которых неофициально называют *Sovietologists* и/или *Kremlinologists* (соответственно, «советологи» и/или «кремленологи»).

Формирование англоязычной *Rossica* начинается уже в XVI веке. Со времен Шекспира, неоднократно упоминавшего русскую культуру в своих пьесах (например, *Russians* и «frozen Muscovites» в *Love's Labour's Lost*), англоязычная *Rossica* значительно расширилась. Бесспорно, русская культура не может конкурировать по степени освоенности английским языком с такими западноевропейскими культурами, как французская, немецкая, итальянская и испанская, однако можно с уверенностью полагать, что она входит в первую десятку культур, наиболее знакомых англоязычному миру.

Ксенонимы-русизмы поступали в английский язык неравномерно. До установления прямых контактов с англичанами в середине XVI века в английском языке русизмы практически не отмечены. Окольными путями, через французский язык, туда пришло слово *sable*; уже присутствовали в текстах русизмы *Muscovite* (1537) и *Russian* (1538 – все данные по OED).

Освоение русскокультурного континуума ускорило лишь во второй половине **XVI века**, когда в словаре английского языка появился целый ряд русизмов-ксенонимов (в хронологическом порядке): *rood*, *rouble* (1554), *czar* (1555), *telega* (1558), *Muscovy* (1573), *boyar*; *beluga*, *sterlet* (1591), *Cossack* (1598). Показательно, что в эту ксенонимическую группу входят наиболее значимые в коммуникативном плане словарные

единицы: названия монарха и страны, аристократии (boyars), влиятельной социальной группы (Cossack), а также торговая номенклатура.

В XVII столетии наметился спад в англо-русских контактах, что было вызвано сначала Смутным временем в России, а потом – английской смутой: Буржуазной революцией, которая напугала русских царей. В этот период в английский язык поступают считанные русизмы, в частности *coreck* (1698). Вполне оправданно то, что название мелкой денежной единицы вошло в словарь позднее наименования более крупной денежной единицы – *rouble* (XVI век).

В XVIII-XIX столетиях наблюдается оживление межкультурно-языковых контактов. В словаре английского языка появляются русизмы *czarevitch* (1710), *czarina* (1717), *Siberia(n)* (1719), *arsheen* (1734), *astrakhan* (1766), *Ural* (1785), *dessiatine* (1799), *Decembrist* (1820-30s). И снова каждый ксеноним – это весомый элемент внешней культуры: названия членов царской семьи, топонимика наиболее важных районов России, меры измерения, товары торговли. Однако основная масса ксенонимов русской культуры стала поступать в английский язык со второй половины XIX века, когда в английский язык устремился пусть не бурный, но достаточно равномерный ручеек русизмов: *kasha* (1808) ◇ *zemstvo* (1865) ◇ *Nihilist* (1868) ◇ *Dukhobor* (1876) ◇ *kulak* (1877) ◇ *borshch* (1884) ◇ *Narodnik* (1885) ◇ *bylina* (1886) ◇ *borzoi* (1887) и многие другие.

В начале XX века началось бурное пополнение ксенонимического фонда советизмами: *Soviet* ◇ *Bolshevik* ◇ *Menshevik* ◇ *October Revolution* ◇ *War Communism* ◇ *NEP* ◇ *collectivization* ◇ *Five-Year plans* и т.д.

Ксенонимы-русизмы продолжают поступать в английский язык и в постсоветский период: *Commonwealth of Independent States (CIS)* ◇ *New Russians* ◇ *the 'shock therapy'* ◇ *siloviki* ◇ *Near Abroad* ◇ *Ded Moroz* ◇ *Snegurochka* ◇ *kompromat* ...

С точки зрения доступности ксенонимы-русизмы, регулярно появляющиеся в тексте, можно разделить на несколько групп.

(1) **Первую группу** составляют ксенонимы, входящие в Базовый словарь. Эти русизмы фиксируются малыми словарями объёмом в 50-70 тысяч слов (с поправкой на лингвистичность или энциклопедичность того или иного словаря), в том числе словарями учебного типа. В состав этой группы входит около ста ксенонимов-русизмов:

Altai ◇ *balalaika* ◇ *beef Stroganov* ◇ *Bolshevik* ◇ *borshch* ◇ *Catherine the Great* ◇ *Caucasus* ◇ *Chekhov(ian)* ◇ *collective farm* ◇ *commissar* ◇ *Commonwealth of Independent States (CIS)* ◇ *Cossack* ◇ *Crime and Punishment* ◇ *Crimea* ◇ *Crimean War* ◇ *Cyrillic (alphabet)* ◇ *dacha* ◇ *Don River* ◇ *Dostoevsky (~kian)* ◇ *fellow traveler* ◇ *Five-Year Plan* ◇ *glasnost* ◇ *Gorbachev* ◇ *gulag* ◇ *hammer and sickle* ◇ *Hermitage* ◇

intelligentsia ◇ Ivan ◇ Ivan the Terrible ◇ Kalashnikov ◇ KGB ◇ Khrushchev ◇ knout ◇ kopek ◇ Kremlin ◇ Lenin(ism) ◇ Leningrad ◇ Mendeleev ◇ Moscow ◇ Muscovite ◇ Muscovy ◇ Nihilism ◇ October Revolution ◇ Pavlov I.P. ◇ Pavlova Anna ◇ *perestroika* ◇ Peter the Great ◇ pogrom ◇ Politburo ◇ Presidium ◇ Prokofiev ◇ Putin ◇ Rakhmaninov ◇ Rasputin ◇ Red ◇ Red Army ◇ Red Guard ◇ Red Square ◇ ruble ◇ Russia(n) ◇ Russian Federation ◇ Russian Orthodox ◇ Russian Revolution ◇ Russo-(e.g.: Russo-Japanese War) ◇ Russophilism ◇ Russophobia ◇ St Petersburg ◇ samovar ◇ shaman ◇ Shostakovich ◇ Siberia ◇ Slav ◇ Slavophile ◇ Soviet ◇ Soviet Russia ◇ Soviet Union ◇ sputnik ◇ Stalin ◇ Stalin purges/trials ◇ (Battle of) Stalingrad ◇ steppe ◇ Stravinsky ◇ Supreme Soviet ◇ Tchaikovsky ◇ Tolstoy(an) ◇ troika ◇ Trotsky ◇ tsar/czar ◇ tundra ◇ Ural ◇ USSR ◇ vodka ◇ Volga River ◇ *War and Peace* ◇ Winter Palace ◇ Yalta (conference) ◇ Yel'tsin ◇ Putin ◇ Commonwealth of Independent States (CIS).

(2) **Вторую группу** составляют ксенонимы, которые фиксируются словарями среднего или большого объема (т.е. со словником от 100 до 500 тысяч единиц и более), но доступны лишь специалистам; при введении таких русизмов в текст обычно оказывается необходимым их пояснить. Это слова типа *chernozem, kulak, nomenklatura; gusli, oblast, Raskolnik, starets, Zemsky Sobor*. Все эти ксенонимы следует отнести к разряду специальных. Тот факт, что их уже фиксируют лексикографы, говорит о том, что они прошли языковую апробацию, вошли в узус АЯМО. Их можно назвать специальными *словарными* ксенонимами. Естественно к словарным ксенонимам относятся и те, которые вошли в Базовый словарь АЯМО.

(3) **В третью группу** входят те *окказиональные* русизмы, которые не фиксируются даже самыми большими словарями, например типа Большого Оксфордского (OED), но встречаются в англоязычных текстах о России, например:

[The gradual erosion of the freedom of movement of peasantry] was closely linked with the increase in the number of *pomest'e* estates... (CamEnc 1994, p.80).

Хорошая освоенность семантического континуума русской культуры английским ЯМО позволяет вводить в текст достаточно много ксенонимов Базового словаря без какого-либо пояснения. Вот пример из современного путеводителя по Европе:

Russia is the Communist Revolution and the incredible beauty of **Russian** churches and religious icons. It is the music of **Peter Ilyich Tchaikovsky** and **Nikolai Rimsky-Korsakov**, space exploration, and the art treasures of the **Hermitage**. It is **Stalin's** purges, **vodka** and caviar, a **troika** ride across the snow in bitter cold, and the warmth of a family gathering around the **samovar**. It is a parade of intellectual and religious

dissidents, the *Song of the Volga Boatman*, the voices of **Leo Tolstoy** and **Fyodor Dostoyevsky**, and the **Kremlin** clock chimes ringing out across **Red Square**. It is **borscht** and ballet, **balalaikas** and bureaucracy (Birnbaum 1989: 1437).

Оставим на совести авторов оценку русской культуры и обратим лишь внимание на обилие ксенонимов-русизмов (15), используемых в пределах одного предложения *без какого-либо пояснения*. Volga ◇ Kremlin ◇ Red Square ◇ Stalin ◇ Tchaikovsky ◇ Rimsky-Korsakov ◇ Tolstoy ◇ Dostoevsky ◇ balalaika ◇ borshch ◇ samovar ◇ troika ◇ vodka.

Не много найдется культур, которым мы могли бы дать такую же краткую характеристику со столь высокой концентрацией ксенонимов Базового словаря. Это нетрудно сделать в случае Франции, Италии, Германии, Испании и 5-6 других культур, но затруднения возникли бы даже при обращении к культурам многих европейских стран, скажем Дании, Ирландии, Норвегии, Швеции.

В рамках ксенонимов-русизмов можно выделить самые разнообразные тематические подгруппы:

- *географические ксенонимы* – Altai, chernozem/ black earth, Caucasus, Chechnya, Crimea, Don River, (Russia's) Far East, (Russia's) Far North, Moscow, Muscovy, oblast', polynya, Russia, Leningrad/ St Petersburg, Siberia, South Ossetia, Soviet Union, Stalingrad, steppe, taiga, tundra, Ural, Volga, Yalta;

- *общественно-политические ксенонимы* – apparatchik, Bolshevik, boyar, Cheka, Comecon, commissar, Commonwealth of Independent States, de-Stalinization, *glasnost'*, GULag, Kremlin, (Russian) Nihilism, October Revolution, Okhrana, Pale of Settlement, pogrom, Politburo, Presidium, (Stalin) purges, Red Army; Russo-Turkish Wars, Russo-Japanese War; show trials, Stalinism, Time of Troubles; tsars of Russia: Ivan the Terrible, Peter the Great, Catherine the Great, Alexander I-III, Nicholas I-II; War Communism, Yalta Conference;

- *ксенонимы мира литературы и искусства* – Chekhov, *Cherry Orchard*, *Crime and Punishment*, Dostoevsky, *Firebird*, Hermitage, *Moguchaya kuchka* (Mighty Handful / The Five), *Petrushka*, Prokof'ev, Rakhmaninov, Russian ballet, Russian baroque, Shostakovich, Solzhenitsyn, Stravinsky, Tchaikovsky, *Three Sisters*, L.Tolstoy, *Uncle Vanya*, *War and Peace*, *The Gulag Archipelago*;

- *религиозные ксенонимы* – Dukhobor, iconostasis, Khlyst, Mother of God, Old Believer, (Old) Church Slavonic, onion dome, pope, Patriarch, Russian Orthodox Church, shaman, *starets*.

Здесь даны лишь отдельные тематические группы, причем ни одна из них не исчерпывает реального списка полного словаря АЯМО (РК), в особенности, если сюда включать специальные и окказиональные

ксенонимы (см.: словарь В.В. Кабакчи, а также В.В. Кабакчи 2001: 437-440). Полный перечень ксенонимов всех тематических групп превратился бы в длинный многостраничный список, выходящий за рамки данного пособия: англоязычный словарь ксенонимов русской культуры должен иметь словник не менее 10000 единиц. Список наиболее употребительных ксенонимов-русизмов дается в приложении.

Ксенонимы и пополнение словарного состава

Не следует путать вхождение ксенонима в словарь АЯМО и процесс пополнения словаря *General English*, то есть общеупотребительного английского языка. Полный словарный состав современного английского языка превышает миллион единиц (словник *OED* – 616 тысяч слов). Между тем в поле зрения самого образованного человека попадает не более 60 тысяч слов, в том числе ряд незнакомых слов. Средний носитель языка знает не более 25-30 тысяч слов, а фактически употребляет в устном непрофессиональном общении не более 2-3 тысяч слов. Таким образом, *«непрофессиональное словарное ядро»* составляет лишь малую долю (приблизительно 10%) общего словарного состава. Большая часть слов – это научно-технические термины и ксенонимы. Если иметь в виду именно это *словарное ядро General English*, то нельзя не признать, что доля русизмов здесь незначительна. Это слова типа *mammoth*, *polynya*, *bridge* (*card game*), *soil science*, *collective farm*, *fellow travelers*, *peaceful coexistence*.

Мультикультурализм русской культуры

Необходимо сразу же указать на особенность русской, да и не только русской культуры. На Земном шаре сейчас трудно найти стерильно монолитную культуру, не испытавшую влияния других культур, в особенности культур античного греко-римского мира в случае еврохристианского региона, а также своих ближайших соседей. Это, естественно, относится и к такой многонациональной стране, как Россия. Русская культура на протяжении многих столетий находится в непрерывных культурно-языковых контактах со множеством культур народов мира. Эпоха Возрождения затронула, пусть даже косвенным образом и с опозданием, и Россию. И уже не приходится говорить о том огромном влиянии, которое оказала на русскую культуру близость Западной Европы, с одной стороны, и культур восточной цивилизации – с другой. Русская культура многое позаимствовала у своих ближайших соседей. Вот почему описание русской культуры сейчас уже невозможно без упоминания множества элементов этих культур:

In the station the morning heat was spiced by the gristly **shashlyk** and warm **lavash** piled high on wooden carts. (Meier 2004: 65)

Иными словами, в русской культуре существует слой маргинальных элементов в той области континуума русской культуры, где она смыкается с другими культурами. Не удивительно, что во многих случаях в английский язык ксенонимы поступают через русский язык, например:

shashlyk: (in Asia and E. Europe) a kebab of mutton and garnishings. [Russian *shashlyk*, ultimately from Turkish] (OEDD shashlik).

Такие ксенонимы, как *yurt*, *kumys*, *shaman*, и многие другие, не говоря уже о многочисленных этнонимах (названиях народов), русскими можно назвать лишь с большой натяжкой, однако ксенонимический словарь АЯМО (РК) без таких элементов будет неполным.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Заполните схему культурной диверсификации лексического состава языка терминами: *культуроним*, *ксеноним*, *идионим*, *полионим*, *идиокультуроним*. Проиллюстрируйте каждую категорию лексики примерами.

2. С помощью словарей разбейте следующие ксенонимы на группы: (1) базовые ксенонимы; (2) специальные словарные ксенонимы; (3) специальные окказиональные ксенонимы:

Telega, *tarantas*, *dvor*, *gusli*, *ukase*, *boyar*, *gastronom*, *doktor nauk*, *biznesmen*, *vodka*, *perestroika*, *ryumka*, Decembrist, ...

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. – Харьков: ХГУ, 1980.

2. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998.

3. Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию // Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй международной науч.-практ. конф., Великий Новгород, 19-20 мая 2011 г.: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. О.А. Александрова, Е.Ф. Жукова, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. – С. 11-19.

4. Кабакчи В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте. Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 164-175.

5. Кабакчи В.В. «Инокультурная литература» как объект лингвистического исследования // Studia Linguistica XX. Язык в логике времени: наследие, традиции. – СПб.: Политехника-сервис, 2011. – С. 212-221.

ГЛАВА 3. БИЛИНГВИЗМ ИНОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРЫ

«...it has been estimated that half
the world's population is bilingual»
(Grosjean 1982: vii).

Интерлингвокультурология занимается изучением контакта двух языков и двух культур, а это невозможно без рассмотрения феномена **билингвизма*. Межкультурная коммуникация иноязычного описания культуры фактически представляет собой *контакт двух лингвокультур*. Вот почему есть основание говорить о *билингвокультурализме* рассматриваемой нами ситуации.

До сих пор нет единства в *определении понятия билингвизма*, и многие лингвисты рассматривают билингвизм узко как способность в полной мере использовать два (и более) языка. Это мнение, в частности, высказано и в «Словаре лингвистических терминов», где билингвизм рассматривается как «Одинаково совершенное владение двумя языками» (Ахманова). Очевидно, что при таком подходе объект изучения предельно сужается, поскольку, по мнению многих исследователей, человек редко в равной мере владеет обоими языками: «Contrary to general belief, bilinguals are rarely equally fluent in their languages...» (Grosjean 1986: vii). Следовательно, за рамками исследования оказывается значительная часть землян, способных достигать взаимопонимания при общении на двух языках.

Вот почему большинство лингвистов сходятся в том, что *к билингвам следует относить всех тех, кто способен объясняться более чем на одном языке, при этом степень владения вторым или иностранным языком может быть различной*. Иными словами, билингвизм рассматривается «как континуум, простирающийся от весьма элементарного знания языка до полного и свободного владения им» (Розенцвейг 1972: 4). Итак, мы возвращаемся к формулировке Л.В. Щербы, который еще в 1930 г. полагал, что «под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках» (Щерба 1974б: 313).

Итак, будем считать билингвами тех, кто способен вступать в осмысленное общение на двух или нескольких языках, полагая, что языковой механизм каждой отдельной пары языков в своей основе идентичен (Naugen 1987: 3). Вместе с тем, несомненно, знание более двух языков вносит свои поправки в специфику общения таких лиц.

«НОСИТЕЛИ ЯЗЫКА»

Отдельно следует остановиться на понятии «носитель языка» (language speaker). Сложилась неверная традиция в русском языке под этим термином понимать исключительно «носителей *родного* языка» (native language speaker), однако это неверно.

Представляется правомерным перенести формулу билингвизма Ю. Розенцвейга и на понятие «носитель языка», полагая, что носители языка – это лица, способные изъясняться на данном языке, причем уровень владения языком – это «континуум, простирающийся от весьма элементарного знания языка до полного и свободного владения им».

Поэтому реальнее говорить о следующих типах **носителей языка* (в приложении к английскому языку):

- 1) носители родного английского языка (Native Language English speakers);
- 2) носители второго языка (Second Language English speakers), свободно владеющие данным языком;
- 3) носители иностранного языка (Foreign Language English speakers), билингвы с континуумом степени владения в формуле Розенцвейга.

Заметим, что не следует преувеличивать возможности тех, для кого язык является родным: далеко не всегда эти лица в совершенстве владеют родным языком. Между тем те, для кого данный язык является вторым, нередко становятся классиками литературы (например, Joseph Conrad, Vladimir Nabokov). Это стало особенно ясно с формированием во второй половине XX века «второязычной мировой литературы» на английском, французском, русском и других языках.

Относительно мифа «носителя языка» («native-speakerism», Прошина 2007: 37) справедливо, на наш взгляд, высказался в конце прошлого века американский лингвист:

Linguists, perhaps, especially American linguists, have long given a special place to the «native speaker» as the only truly valid and reliable source of Language data ... [...] In fact, the whole mystique of native speaker and mother tongue should probably be quietly dropped from the linguists' set of professional myths about language (Ch. A. Ferguson. Forward: Kachru 1982: vii).

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

Иноязычное описание культуры только тогда может быть адекватным, когда оно становится доступным максимальному числу носителей языка описания. Собственно говоря, в этом и заключается основной смысл обращения к английскому языку как вторичному

средству национально-культурного самовыражения. Выполнение этого условия возможно лишь в том случае, когда за основу языка описания берется его *нормативная разновидность*, которая составляет основу **лингвистики* данного языка.

Между тем английский язык сейчас распространился по всему Земному шару, проявляясь в виде многочисленных форм его существования. Лингвисты сейчас говорят о расширяющейся зоне использования английского языка с выделением трех регионов (так называемые **«круги Брайда Качу»*).

(1) **Inner Circle** («внутренний круг»); этот регион образуют *страны, для которых английский язык является родным (UK, US и др.)*.

(2) **Outer or Extended Circle** («наружный или средний круг»); в этот регион входят *страны, в которых английский язык используется в качестве второго*, например Индия.

(3) **Expanding Circle** (расширяющийся или внешний круг); сюда входят *страны, где английский язык используется в статусе иностранного языка*.

Таким образом, с точки зрения этой классификации россияне, владеющие английским языком, находятся на периферии «внешнего круга».

Столь широкое распространение английского языка в современном мире, фактическая **«глобализация»*, не могло не привести к возникновению множества вариантов этого языка. В результате специалисты сейчас уже говорят о существовании множества Englishes, в том числе значительного числа New Englishes. Характерно в этом отношении появление в 1981 году журнала под названием *World Englishes*. Характерно, что в случае New Englishes, народы, говорящие на этих разновидностях английского языка, в основном это бывшие британские колонии, используют английский язык в качестве вторичного средства локального общения.

Образцы New Englishes отражены в современной литературе. В частности, такую ситуацию на материале одного из New Englishes описывает в своем романе *The Mystic Masseur* тринидадский писатель Naipaul. Герой романа, Ганеш, начинающий писатель, плохо владеющий нормативным английским языком и пользующийся в обычной речи местным диалектом, желает усовершенствовать свой язык и предлагает своей жене помочь ему в этом:

One day he said, 'Leela, is high time we realize that we living in a British country and I think we shouldn't be shame to talk the people language good.' (Naipaul 1964: 76).

Характерно, что, когда Ганеш пытается говорить на «правильном» школьном английском языке, его приятель и его жена находят, что это очень смешно.

Идут оживленные споры относительно того, что принимать за норму английского языка между сторонниками однополярной и многополярной нормы (*monocentrism vs pluricentricity of English*). Первую точку зрения отстаивает Randolph Quirk, в то время как на стороне многополярной нормы находится ветеран этой проблемы Braj Kachru (Прошина 2007: 28). Между тем *New Englishes* в большей или меньшей мере отличаются от нормативного британо-американского английского языка, причем эти многочисленные отклонения от «канонической» лингвистики нередко служат средством локальной национальной идентификации.

В современной лингвистике выделяют различные разновидности одного и того же языка (*«лекты») с точки зрения их соответствия общепринятой языковой норме: *акролект* (нормативная разновидность); *базилект* (разновидность, более всего отстоящая от нормы); *мезолект* (разновидность, занимающая среднюю позицию).

В дополнение к делению языков на акролект, базилект и мезолект необходимо также остановиться на понятиях «пиджин» и «креольские языки». *Языки-пиджин* возникают на самом низком уровне формирования языков в ситуации контакта разноразличных лиц, незнакомых с языками друг друга. В частности, языки-пиджин возникали в ходе первых контактов европейцев с жителями стран Азии, Африки, Америки, и в особенности в контактах с островитянами в эпоху Великих географических открытий. Для языков пиджин характерны минимальный словарный запас и предельно упрощенная грамматика; обычно в качестве языковой основы выступали западноевропейские языки.

Поскольку для англоязычного описания русской культуры в рамках популяризации и пропаганды этой культуры во всем Земном шаре главным следует считать доступность текстов всем носителям английского языка, представляется целесообразным придерживаться нормативного английского языка в той форме, в которой он принят в основных странах его распространения – Соединенном королевстве и США, отбирая из дуализма современной нормы все то общее, что имеется у этих двух стандартов – *British English* и *American English*. Очень важно в этом отношении то, что Россия (как, впрочем, и Китай) избрала прагматический подход к английскому языку, не перенося политические эмоции на использование этого самого влиятельного языка международного общения.

В известном смысле можно считать преимуществом то, что в России нет континуума англоговорящих со своей, «локальной» нормой.

Ориентация системы преподавания и использования английского языка в России на нормативный литературный английский язык гарантирует общедоступность текстов англоязычного описания русской культуры. Заметим, что в своих теоретических и практических работах мы придерживаемся в основном *орфографической нормы американского варианта*.

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Под языковой **интерференцией* обычно понимается *появление в речи языковых отклонений от нормы под влиянием иностранного языка* (Weinreich 1953: 1): «Нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы, называем интерференцией» (Розенцвейг 1972: 4). Термин был впервые введен А. Мейе в 1920-х гг. (Жлуктенко 1974: 56).

Примеров интерференции можно приводить множество, тем более что ошибки допускаются на всех языковых уровнях – фонетическом, лексическом, грамматическом, стилистическом. Один из таких примеров получил широкое распространение после выхода в свет фильма *Casablanca* (Michael Curtiz, 1942). В этом фильме группа иностранцев, готовящихся к отъезду в США, практикуют свой «английский язык» таким диалогом: ‘Which watch?’ ‘Ten watch.’ ‘Such much!’ Русские «носители английского языка» с характерным для них чувством юмора позднее добавили к этому диалогу кальку своего идиоматического выражения: ‘Whom how!’ («Кому как!»).

ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ БИЛИНГВИЗМА

В условиях билингвизма межкультурная коммуникация в значительной степени обусловлена принципом языковой экономии. Наблюдается стремление устранить все, что препятствует взаимопониманию. Взаимовлияния языков «направлены в сторону достижения симметрии обеих языковых систем и установления состояния двуязычного изоморфизма» (Жлуктенко 1967: 34; см. также: Жлуктенко 1974: 64-65). Это, в частности, достигается посредством максимальной опоры на то общее, что имеется в контактирующих языках – в первую очередь интернациональную лексику, а также лексику, общую для обоих языков. Это, в частности, видно из следующего примера:

Odessa went the old line, was the mama of Soviet crime, and
Rostov the papa (Meier 2004: 66).

Здесь стилистический эффект достигается посредством использования знакомых англоязычному читателю слов *mama* и *papa*.

Межъязыковая симметрия на лексико-грамматическом уровне достигается либо посредством упрощения информации, либо посредством заимствования отсутствующего наименования (непосредственное заимствование или опосредованное заимствование, «калькирование»), либо посредством каких-либо других специальных приемов, на которых мы остановимся ниже. В целом массовый билингвизм приводит к нивелировке контактирующих языков, вызывает процесс опрощения (Жлуктенко 1974: 64-65). Столкнувшись с лексической лакуной (в нашем случае – с идионимом), билингв либо стремится достичь взаимопонимания без нее, либо вводит в речь иноязычное слово. Например, в англоязычных текстах, упоминающих «обломовщину», встречается и полное заимствование (*Oblomovshchina*) и частичное заимствование (*Oblomovism*).

ГИПЕРКОРРЕКЦИЯ

Для понимания языкового механизма иноязычного описания культуры важно учесть то, что билингвы различным образом относятся к использованию второго языка. В случае некорректного (неграмотного) билингвизма они не испытывают никаких комплексов и свободно вступают в общение, даже если отдают себе отчет в том, что они допускают всевозможные ошибки, хотя чаще всего они эти ошибки не замечают. Для них главное – добиться взаимопонимания. Такие люди с легкостью достигают той степени владения языком, которая по-английски описывается как *working language*.

Совсем другое отношение к неродному языку наблюдается у тех билингвов, у которых в процессе изучения иностранного языка выработалась боязнь совершения ошибки. В этом случае билингвы испытывают «комплекс лингвистической неполноценности». Это особенно характерно для добросовестных студентов, у которых преподаватели выработали самоконтроль и которые способны следить за правильностью своей речи. Подобный психологический комплекс приводит к так называемой **гиперкоррекции*, под которой следует понимать *педантичное, зачастую неестественное следование нормам языка*. По сути дела, гиперкоррекция – это пуризм неопита, который в своем стремлении избежать досадных ошибок, вольно или невольно, старается, словами Шекспира, *to out-Herod Herod*, то есть невольно стремится говорить на этом языке правильнее тех, для кого он является родным.

Гиперкоррекция, комплекс лингвистической неполноценности, становится психологическим барьером даже в случае высокообразованных людей. Так, например, лингвисты обратили внимание на то, что Р. Тагор, переводя свое собственное произведение с

родного бенгальского на английский значительно его упростил, схематизировал и ассимилировал (Влахов, Флорин 1986: 191-193).

Вот почему при исследовании закономерностей иноязычного описания культуры целесообразно опираться на оригинальные англоязычные тексты, созданные билингвами первого типа, т. е. на так называемые *аутентичные тексты*. К счастью, выход России в конце XX века из информативной изоляции создал благоприятные условия для изучения таких англоязычных описаний русской культуры.

БИЛИНГВИЗМ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА АЯМО (РК)

Ситуация двуязычия в изучаемом нами случае межкультурного общения определяется характером коммуникантов и спецификой коммуникативной ситуации.

Авторы аутентичных текстов в идеале должны в совершенстве знать контактируемые языки и культуры. В реальной действительности они, безусловно, владеют литературным английским языком и знанием англо-американской культуры. Что касается русской лингвокультуры, то знакомство с аутентичными текстами показывает, что здесь их знание обычно далеко от совершенства. Даже русисты (Sovietologists/Kremlinologists) нередко допускают в написании русизмов ошибки, которые заставляют сомневаться в знании автором русского языка. Можно с уверенностью утверждать, что многие авторы аутентичных англоязычных описаний русской культуры знакомы не столько с русским языком, сколько с АЯМО (РК), что русскую культуру они изучали не по русскоязычным первоисточникам, а по различным англоязычным текстам. Вместе с тем нельзя не признать, что хорошее знакомство с пластом англоязычных ксенонимов-русизмов позволяет авторам выступать в качестве специалистов, хотя зачастую эти специалисты знакомы лишь с элементарным русским языком в объеме *working knowledge*.

Адресаты англоязычной информации о русской культуре, если это неспециалисты, располагают весьма ограниченными сведениями об этой культуре, и расширение их кругозора идет по линии усвоения ксенонимов-русизмов. В случае туристов и других лиц (например, бизнесмены, деятели культуры, политики), знакомящихся с русской культурой с помощью переводчика (гида), их контакт с культурой ограничивается этим посредником. При вступлении в непосредственный контакт с местным населением, которое не знакомо или слабо знакомо с английским языком, возникает ситуация типа *пиджин*, то есть общение осуществляется с употреблением ограниченного количества слов, элементарных грамматических конструкций, с максимальным использованием интернациональной лексики, цифр и

паралингвистических средств общения подобных тем, которые описывает Дина Рубина:

«Мы гуляем по набережной вдоль канала и решаем, что неплохо бы перекусить, скажем, какой-нибудь рыбой... Заходим в ближайшее кафе и, родственно улыбаясь официанту, я произношу что-нибудь вроде: «ду-ю-грахтн-ин меню-у-э-фишн-блю-удн? – распевно-гортанно, с удовольствием.

«Тут главное улыбаться и совершать полужаметные жесты, как бы рисующие в воздухе рыбку. Официант слышит во фразе международное слово «фиш», ухо его цепляет знакомые слоги, жесты накладываются на звуки голоса... мгновение! – и смысл всей фразы вспыхивает в его мозгу безотносительно к смыслу каждого слова...» (Рубина 2007: 30-31.)

«ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД» И ИНОЯЗЫЧНОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРЫ

И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать (Деян. 2, 4).

Согласно Новому Завету, в пятидесятый день по Вознесении Господа сошел на апостолов Святой Дух, и они стали говорить на разных языках – на латыни, по-персидски, по-гречески. Так на Земле зародился тот тип переводческой деятельности, который до сих пор игнорируется пособиями по переводу, «внутренний перевод» или «самоперевод».

Термин *«перевод» специалистами традиционно понимается однозначно: «Перевод – это точное воспроизведение подлинника посредством другого языка с сохранением единства содержания и стиля» (Рецкер 1973: 5); «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» (Бархударов 1975: 11; аналогично: Алексеева 2004: 5; Казакова 2006: 9).

Итак, если рассматривать перевод в приведенных выше формулировках, то нельзя не признать, что апостолы в День Пятидесятницы не выступали в качестве переводчиков в традиционном смысле этого слова: они создавали оригинальные (устные) тексты, популяризовавшие учение Христа, передавая, кстати, и специфику ближневосточной культуры. Если перед лектором или гидом стоит задача рассказать англоязычной аудитории о современной России на английском языке (чем, кстати, мне приходится заниматься уже около тридцати лет – В.К.), то им незачем «перевыражать» чужие мысли средствами другого (английского) языка, и если в ходе прямого межкультурного диалога

человеку приходится передавать специфические элементы иноязычной культуры, автор строит текст исключительно с учетом конкретной коммуникативной ситуации, без оглядки на оригинальный текст, стиль которого необходимо сохранить по той простой причине, что такого текста нет: создается оригинальный («аутентичный») текст.

Таким образом, сферу переводческой деятельности необходимо расширить. При этом можно выделить три основных вида переводческой деятельности.

(1) В случае **традиционного перевода* мы имеем дело с коммуникативной *триадой*: два разноязычных участника межкультурного общения («коммуниканты»), которые без посторонней помощи не могут понять друг друга, и переводчик-посредник. В процессе перевода создается текст-оригинал на одном языке, который воспроизводится переводчиком средствами другого языка, причем, если речь идет о художественном переводе, весьма важно то, что перевод «должен передавать не только *то*, что выражено подлинником, но и *так*, как это выражено в нем» (Рецкер 1974: 7). Переводчик, воссоздавая оригинальный текст, жестко связан лексико-грамматическим и стилистическим рисунком оригинала, и чем более «художественен» оригинальный текст, тем сложнее задача его адекватного иноязычного воспроизведения.

(2) **Лексикографический перевод*. Своеобразным видом переводческой деятельности следует считать двуязычные словари. В данном случае отсутствует и триада традиционного перевода и какой-либо текст, нуждающийся в переводе. Между тем двуязычные словари нередко и не без основания называются «переводными». Лексикографы, подытоживая практику межкультурной коммуникации, устанавливают соответствие между словником словаря одного языка и единицами другого языка, фактически констатируя факт существования **межъязыковых переводческих бинаров*, т.е. слов, традиционно используемых в качестве соответствий: библиотека/library, стол/table, улица/street. Это самостоятельный вид переводческой деятельности, его можно назвать *лексикографическим переводом*. Излишне доказывать, что с традиционным переводом этот вид деятельности совпадает лишь частично. По сути дела, переводные двуязычные словари базируются на практике межъязыкового общения, подводят итог деятельности переводчиков. Характерно, например, что авторитетный полный (unabridged) словарь *Random House Dictionary* в качестве приложения включает малые двуязычные (двусторонние) словари с привлечением французского, испанского, итальянского и немецкого языков. Естественно, что составной частью таких словарей становятся бинарные

полионимы, выделяемые самой практикой межкультурной коммуникации.

(3) Особый вид переводческой деятельности представляет непосредственно интересующий нас *прямой межкультурный диалог*, в ходе которого один из участников диалога, создавая *оригинальный* (устный или письменный) текст *иноязычного описания культуры*, сам осуществляет в случае необходимости языковые операции, связанные с передачей специфики иноязычной культуры. Выступление с лекцией о России, написание статей (работа журналиста) и книг о России, работа гида-переводчика или, наконец, окказиональное вторжение в область внешней культуры – все это неизбежно связано с решением таких проблем, которые тесно смыкаются с проблематикой традиционного перевода и которые во многом опираются на опыт традиционного перевода, но в то же время все эти виды прямого межкультурного диалога характеризуются своей спецификой.

Внутренний перевод осуществляют как авторы оригинальных (аутентичных) текстов, которые описывают на родном языке иноязычную культуру (например: R. Kipling, *Kim*), так и те авторы, которые используют второй язык для описания родной (иноязычной для этого языка) культуры (например, S. Rushdie, *Midnight Children*, 1981, *Satanic Verses*, 1988). Таким образом, **внутренний перевод* – это разновидность переводческой деятельности, в ходе которой человек создает оригинальный текст описания иноязычной культуры, осуществляя сам в соответствии с возникающими при этом языковыми проблемами необходимые «переводческие» преобразования текста.

В этом случае нет текста, который подлежит переводу. У автора «развязаны руки», и это дает возможность автору создавать текст лишь с оглядкой на специфику адресата и особенности жанра.

Приведем лишь один пример в качестве иллюстрации. О. Ролина в своей кандидатской диссертации рассматривает особенности передачи русских идионимов в англоязычных переводах романа «Мастер и Маргарита». В том числе и этого отрывка:

«Вспомнил! Вспомнил! В Пушкино открылась **чебуречная** «Ялта»!»

Вот пять попыток адекватного воспроизведения этого текста в процессе традиционного перевода:

1. «I remember! I remember! They just opened a **Georgian diner** in Pushkino, 'Yalta'!» (Karpelson 2006).

2. «I remember! I remember now! There's a new **Turkish restaurant** out at Pushkino – it's just opened – and it's called the Yalta!» (Glenny 1992).

3. «I just remembered! I just remembered! There's a **Crimean restaurant** just opened up in Pushkino called the 'Yalta'!» (Bergin, O'Connor 1995)

4. «I remember! I remember! They've opened a new **Georgian tavern** in Pushkino called «Yalta!»» (Peaver 1997).

5. «I know! I just remembered! A Yalta **Restaurant** has opened recently in Pushkino! **Chebureki lamb pies!**» (Ginsburg 1967).

В трех случаях для передачи идионима «чебуречная» используется полионим restaurant, в одном – tavern, а в первом – diner. Далее переводчики делают попытку сохранения факта экзотичности кулинарного заведения, и тут наблюдаются расхождения в оценке национальной принадлежности «чебуреки»: в последнем переводе эта деталь вообще опускается, в одном переводе утверждается, что ресторан турецкий, два переводчика отдают предпочтение грузинской кухне, а в одном переводе утверждается, что это крымское заведение. Попытка донести до читателя значение слово «чебуреки» предпринимается лишь в последнем переводе, и делается это за счет нарушения стиля оригинала, поскольку в текст добавляется описание титульного блюда: *Chebureki lamb pies!*

А теперь сравним эти попытки профессиональных переводчиков художественного произведения с оригинальным текстом «внутреннего перевода» из петербургской газеты экспатриантов, где сотрудники газеты, native English language speakers, регулярно описывают по личным впечатлениям для читателей и гостей города различные новые рестораны и кафе:

Since the place is called **Cheburechnaya**, I felt obliged to sample their **chebureki** – thin fried bread with a meat filling as an appetizer. Now, I don't pretend to be an expert on **chebureki**, but **Cheburechnaya's chebureki** are pretty damn good (*SPbTimes* 12.03.1999).

Очевидно, что такой стиль не характерен для художественного перевода, где каждый специальный ксеноним, нуждающийся в пояснении, разрушает стиль оригинала и поэтому используется с большой осторожностью. Подобные «вольности» возможны лишь в оригинальном тексте.

Между тем автор неформально и тем не менее достаточно доступно объясняет, что *Cheburechnaya* это место, где можно отведать *chebureki*, и тут же раскрывает значение этого идиокультуронима: *chebureki* – thin fried bread with a meat filling as an appetizer.

Итак, не игнорируя полностью переводные тексты иноязычного описания культуры, в своем дальнейшем обсуждении проблем интерлингвокультурологии мы преимущественно будем иметь дело с *внутренним переводом прямого диалога двух разноразличных культур*.

Внутренний перевод имеет много точек соприкосновения с практикой перевода, но характеризуется также и существенными отличиями. «Бесперевода́я» межкультурная коммуникация, в том числе и англоязычная, это естественное общение людей, в ходе которого английский язык используется в приложении к иноязычной культуре. Нет никакого «оригинального» текста, тем более адресованного третьей стороне. Создаваемый *оригинальный* (устный или письменный) англоязычный текст адресуется англоязычному адресату. Тем самым снимается целый ряд проблем, которые стоят в центре внимания теории и практики традиционного перевода.

Межкультурная коммуникация использует достижения теории и практики перевода, и особенно полезными оказываются переводные двуязычные словари. В ходе многовековых англо-русских культурно-языковых контактов, которые большей частью проходили с участием переводчика, накоплены знания о лексико-грамматических соответствиях, которые можно реально использовать в ходе прямых «беспередадных» контактов. Теория инолингвокультурологии подтверждает реальность использования многих приемов и правил, открытых теорией традиционного перевода (в первую очередь – художественного текста), однако область инолингвокультурологии, практика ЯМО специфичны, и многое из того, что используется в традиционном переводе, либо совсем не нужно в процессе прямых контактов, либо требует приспособления к условиям прямого межкультурного диалога.

Как уже было показано выше, прямой межкультурный диалог может быть письменным и устным и может осуществляться в самых различных жанрах: от строго научной монографии до межкультурного бытового общения. Есть много общего у АЯМО (РК) всех упомянутых жанров, и в то же время каждый жанр имеет свои специфические черты; у всех этих жанров есть одно основное отличие от переводных текстов художественных произведений: автор не связан чисто лингвистическими и стилистическими особенностями оригинала.

Внутренний перевод не обременен никакими грамматическими проблемами перевода, поскольку автор сам создает текст. Снимаются многие лексические проблемы, потому что от автора зависит выбор используемых им слов и грамматических конструкций. Общая с традиционным переводом проблема возникает обычно тогда, когда в ходе прямого межкультурного диалога приходится обсуждать специфические элементы описываемой культуры, то есть идионимы или, в терминах традиционного перевода, языковые реалии. В этих случаях возникает необходимость определить адекватные ксенонимы-соответствия (корреляты) для исходных идионимов культуры-источника.

Главное, что отличает традиционный перевод от внутреннего перевода – аутентичность текстов, порождаемых в процессе прямого межкультурного диалога. Перевод оригинального текста, в особенности если речь идет о художественном тексте, каким бы точным перевод не представлялся, вторичен и поэтому спорен с точки зрения его адекватности оригиналу. Напротив, текст прямого межкультурного диалога первичен, независимо от того, удачен он или неудачен, и в этом отношении его следует рассматривать как первоисточник языкового акта, как *аутентичный* текст.

Общая характеристика внутреннего перевода

Выборочный характер внутреннего перевода

Внутренний перевод является не сплошным, но выборочным. В составе любого языка можно выделить элементы двух типов: (1) универсальные и (2) национально-специфические. Первые, именуемые А. Вежбицкой «семантическими примитивами», определяются по двум показателям. Во-первых, они должны представлять собой простейшие понятия, «алфавит человеческих мыслей» (Вежбицкая 1996: 330), через которые трактуются все остальные элементы языка. Во-вторых, являясь таковыми, они имеют эквиваленты во всех других языках, т.е. являются языковыми универсалиями. Именно на последний критерий делается особый акцент, т.к. только масштабные кросс-языковые сопоставительные исследования могут верифицировать универсальность кандидатов на семантические примитивы. Это положение о наличии универсального компонента во всех языках, отмечавшееся еще В. фон Гумбольдтом, очень существенно для нас, т.к. именно эти элементы делают межкультурную коммуникацию принципиально возможной. Вторая же группа гораздо более многочисленна, в нее попадают не только те элементы, которые в лингвистике принято называть реалиями, но и все семантически неэлементарные, производные элементы, т.к. они отражают своеобразный, уникальный менталитет народа – носителя конкретного языка и не имеют одно-однозначных соответствий с элементами других языков. Именно эта категория элементов языка неизменно вызывает переводческие трудности и именно на них направлен внутренний перевод.

То есть еще раз подчеркнем, если в случае традиционного перевода единицей перевода является целое сообщение, текст, уже существующий в пространстве исходного языка (ИЯ) и подлежащий перевыражению средствами переводящего языка (ПЯ), то в случае внутреннего перевода единицей перевода является отдельный культурно-специфичный элемент

одного языка (условно ИЯ), которому необходимо подобрать или создать соответствие в другом языке, языке описания (условно ПЯ), для которого культура ИЯ является внешней.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, не следует переоценивать «универсальность» полионимов. Культуронимы, используемые во вторичной культурной ориентации, далеко не всегда эквивалентны своей бинарной паре. Подробнее этот тезис будет рассмотрен ниже, при обсуждении способов ксенонимической номинации.

Внутренний перевод и инолингвокультурный субстрат

Если применительно к традиционному переводу возможно говорить о двух генеральных стратегиях – адаптации («одомашнивания») и «форенизации» (остранения) (см. Эко 2006), то в случае внутреннего перевода адаптация оказывается относительной. Внутренний перевод – процесс, результатом которого является введение в лексический состав переводящего языка (точнее, языка описания) *инолингвокультурного субстрата*, т.е. «таких элементов текста, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры» (Кабакчи 2007: 53). Инолингвокультурный субстрат состоит, прежде всего, из заимствованной различными способами лексики, фразеологии, а также элементов интертекстуальности – цитат и аллюзий на прецедентные для описываемой культуры тексты. Т.е. внутренний перевод является неизбежно, в той или иной мере, острающим.

Внутренний перевод как оригинальное речетворчество

Внутренний перевод, в отличие от перевода традиционного, является оригинальным речетворчеством, в результате которого появляется первичное, независимое от другого текста речевое произведение. По этому критерию он противостоит как традиционному переводу, так и автопереводу, притом что с последним его объединяет отсутствие расщепления отправителя сообщения на автора оригинала и переводчика. Положение об аутентичности внутреннего перевода имеет очень важное следствие: при внутреннем переводе автор не скован ничьим замыслом ни в плане содержания, ни в плане формы. В то же время речь идет не о полной неконтролируемой свободе, т.к. на внутренний перевод распространяются, пусть и в несколько модифицированном виде, переводческие нормы.

Нормативный аспект внутреннего перевода

Представляется, что к внутреннему переводу в полной мере применимы положения Г. Тури о природе и роли норм в переводе. В частности, исследователь отмечает: «...переводческая деятельность

имеет культурное значение. Следовательно, быть переводчиком значит играть некоторую общественную роль, т.е. выполнять функцию, предписанную обществом для этой деятельности, ее исполнителей, а также для ее результата» (Toury 1995: 53). В то же время своеобразие данного вида перевода, охарактеризованное выше, вносит свои коррективы в суть нормативных требований, предъявляемых к нему.

Нормативные требования представляют собой иерархию, т.е. они не являются равноправными, но вышестоящие ограничивают сферу применения нижестоящих норм. Это справедливо и для внутреннего перевода, где низшая норма может соблюдаться лишь постольку, поскольку она не вступает в противоречие с другими нормами.

Рассмотрим, из каких нормативных требований складывается эта иерархия и насколько они применимы к внутреннему переводу.

1. Конвенциональная норма складывается из «общепринятых взглядов на цели и задачи переводческой деятельности, которыми руководствуются переводчики в определенный исторический период» (Комиссаров 1990: 229). В условиях языковой и культурной глобализации внутренний перевод преследует вполне определенную цель – языковую конвергенцию, т.е. взаимопроникновение языков и через них – культур. Внутренний перевод должен, следовательно, оцениваться по критерию эффективности выполнения поставленной задачи.

2. Прагматическая норма подразумевает сохранение прагматической ценности переводимого текста (Комиссаров 1990: 231) с учетом его нового адресата. При традиционном переводе происходит смена адресата: перевод предназначается человеку, относящемуся к иному лингвокультурному сообществу, что обуславливает необходимость определенной прагматической адаптации текста с учетом особенностей тезауруса и лингвистической компетенции нового адресата. Адаптация касается, прежде всего, культурно-специфических элементов текста, которые обладают разной степенью семантической прозрачности и прагматической значимости для представителей разных культур. При внутреннем переводе сообщение изначально создается для адресата, являющегося внешним по отношению к описываемой культуре; причем именно представление автора об адресате сообщения – степени его осведомленности и заинтересованности в культурном компоненте сообщения – является определяющим в принятии решений как об общей культуронимической сложности текста, так и о способе введения ксенонимов.

3. Норма переводческой речи также предписывает приспособление исходного сообщения к норме и узусу переводящего языка (Комиссаров

1990: 230), нарушение которых расценивается в таких негативных терминах как *интерференция*, *буквализм*. При внутреннем переводе активно эксплуатируется «положительная интерференция», выступающая как первый этап введения ксенонима в переводящий язык. Ощущение негладкости, некогерентности текста в кодовом отношении, является нормой для внутреннего перевода, призванного свести вместе два языка и две культуры.

4. Жанрово-стилистическая норма определяется В.Н. Комиссаровым как «требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод» (Комиссаров 1990: 229). Применительно к традиционному переводу постулирование данного требования оставляет простор для дискуссий о правомерности и степени допустимой стилистической адаптации переводимого текста с целью соблюдения в переводе жанровых канонов переводящего языка. Иными словами, вмешательство переводчика в жанрово-стилистическое оформление переводимого текста может расцениваться и как правомерная стилистическая адаптация, и как вольность. Для внутреннего перевода данная проблема нерелевантна, т.к. сообщение изначально создается на переводящем языке; в исходном языке переводимого текста в целостном виде не существует, переводу же подлежат лишь отдельные лексические единицы, номинирующие описываемые культурные реалии, внешние для переводящего языка. Переводчик не разрывается между жанрово-стилистическими канонами, принятыми в разных языках – его текст существует в жанровой сетке переводящего языка, подчиняясь его требованиям.

5. Норма эквивалентности означает «необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода» (Комиссаров 1990: 229). Поскольку в случае внутреннего перевода речь идет о переводе единиц, по определению не имеющих готовых эквивалентов, данное нормативное требование определяет способ заполнения лакун заимствованными ксенонимами, которые в той мере, в какой это позволяют вышестоящие в иерархии нормы, должны соответствовать принципам (1) точности ксенонимической номинации и (2) ксенонимической обратимости.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что у каждой разновидности языка, наряду с общеязыковой нормой *General English*, существует и своя норма. В частности, в случае языка вторичной культурной ориентации, каковым и является язык межкультурного общения, ЯМО, это неизбежность появления инолингвокультурного субстрата, в первую очередь – ксенонимов.

Внутренний перевод и основные противоречия традиционного перевода

Проблемы (не)переводимости

Одной из фундаментальных проблем теории перевода является вопрос о границах переводимости, возникший в связи с осознанием своеобразия национальных языков и невозможности достижения полной тождественности смысла перевода и оригинала (именно таким было раннее понимание переводческой эквивалентности). А недостижимость эквивалентного перевода привела к постулированию принципиальной невозможности перевода вообще. Это представление позже развилось в *«теорию *непереводимости»*.

Теоретическая основа под теорию непереводимости была подведена В. фон Гумбольдом, впитавшим в себя идеи и дух романтизма, начавшегося как реакция на классицизм и противопоставившего канонизации классических языков провозглашение красоты и неповторимости каждого отдельного языка (см. Нелюбин, Хухуни 2006). А от неповторимости лишь шаг до непереводимости.

Идеи В. фон Гумбольдта получили свое развитие и аргументацию как в Европе, так и в Америке, вылившись в гипотезу лингвистической относительности и движение за политическую корректность. В то же время популярность и авторитетность теории непереводимости несколько не мешала практической переводческой деятельности. Такой разрыв между теорией и практикой является лучшим доказательством неадекватности теории. Строго научное же опровержение она получила в работе Р. Якобсона, сформулировавшего принцип «эквивалентности при наличии различия» («equivalence in difference») (Jakobson 1959). Исходным для Р. Якобсона было положение семиотики: для одного содержания всегда можно подобрать множество форм выражения (механизм внутриязыкового перевода, в терминологии Р. Якобсона). А если это возможно в рамках одного языка, то возможно и при выходе в междязыковую сферу.

Р. Якобсон рассуждал следующим образом. Интерпретировать лингвистическое явление означает переводить его знаки в знаки той же или другой семиотической системы. Сравнение двух языков предполагает их взаимную переводимость. Пусть между языками нет полной симметрии и неизбежны лакуны, их можно заполнить с помощью прямых заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз. Труднее преодолевать различия в грамматических системах, но и эти значения можно компенсировать, передать лексическими средствами. Так опровергается теория **лингвистической непереводимости*.

Но на арену выходит **прагматическая непереводимость*, провозглашенная А. Нойбертом. Исследователь констатирует, что не всегда оказывается возможным сохранить исходную прагматику в переводе. Тексты различаются по степени прагматической переводимости, среди них есть и принципиально непереводимые.

Еще шире трактует задачи перевода Дж. Кэтфорд. При этом перевод он определяет в чисто семиотическом ключе, как перекодирование, замену текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке (Катфорд 2004: 56), он также констатирует, что перевод может быть эквивалентным в лингвистическом отношении, но неэквивалентным в культурном отношении. Это явствует из его противопоставления лингвистической и **культурной непереводимости* (Катфорд 2004: 183). Подобно Р. Якобсону, исследователь считает лингвистическую непереводимость легко преодолимой (за исключением обыгрываемой асимметрии знака, т.е. игры слов), в отличие от культурной, ставящей трудноразрешимые проблемы. Речь идет о ситуациях, когда ситуационный признак, релевантный тексту ИЯ, полностью отсутствует в культуре ПЯ.

Проблема, обозначенная Дж. Кэтфордом полвека тому назад, остается актуальной и сегодня, т.к., в отличие от лингвистически обусловленных трудностей, для которых оказалось возможным дать четкие рекомендации по их преодолению и исчерпывающий перечень конкретных приемов, культурные различия труднее поддаются упорядочиванию.

Итак, теория непереводимости высветила основные трудности перевода, лежащие в плоскости языка и культуры и возникающие при межъязыковом и межкультурном общении. Следовательно, эти трудности актуальны и для интерлингвокультурологии. Ниже мы рассмотрим, каким образом внутренний перевод решает проблемы непереводимости.

Преодоление лингвистической непереводимости при внутреннем переводе

Отсутствие симметрии между контактирующими языками приводит, как уже отмечалось выше, к *интерференции*, суть которой состоит в нарушении нормы и узуса одного языка под влиянием другого языка. Интерференция уже давно привлекает внимание исследователей, акцентирующих ее негативный, «деструктивный» (термин У. Вайнрайха, см. Вайнрайх 1972) характер, т.е. тот факт, что она приводит к искажению кода и, как следствие, сообщения, мешая тем самым успешному осуществлению межъязыковой коммуникации.

Притом что интерференция – масштабное явление, проявляющееся на разных уровнях языка, от фонетического до текстового, в контексте наших рассуждений важна лексическая интерференция, отмеченная как центральная еще У. Вайрайхом, усматривавшем основополагающей

причиной для нее «ощущение лексического дефицита» (lexical gap) (Вайнрайх 1972: 36), т.е. наличие лакун в языке описания, которые необходимо каким-то образом заполнить исходя из нужд межкультурной коммуникации. Именно внутренний перевод дает механизм заполнения лакун, восполнения «лексического дефицита». Однако этот процесс оказывается сопряженным с вмешательством в систему языка описания, в которую вносятся определенные коррективы, т.е. нарушаются семантические и стилистические нормы языка описания. Это наиболее остро ощущается при изначальном введении ксенонимов. В результате вмешательства текст воспринимается как неоднородный в кодовом отношении. Особенно ярко это проявляется при трансплантации или транскрипции ксенонима, но не вполне нивелируется даже таким компромиссным способом заимствования, как калька. Интересно мнение Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне о данном способе перевода. С одной стороны, авторы отмечают у кальки то преимущество, что с ее помощью в язык привносятся «новые конструкции» и «новые экспрессивные элементы». С другой же стороны, те же авторы характеризуют кальку как «наглядный пример крайнего убожества мысли», имея в виду, по-видимому, нарушение калькой стилистического облика текста, имевшего большое значение для авторов «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» (Vinau et al. 1958). Итак, французские авторы отмечают два важных момента – (а) нарушение нормы переводящего языка и (б) обогащение переводящего языка, определенное развитие этих норм в процессе межъязыковой коммуникации. Первый случай отклонений следует квалифицировать как переводческую интерференцию, а второй – как трансференцию.

Термин *трансференция* был предложен для того, чтобы более четко развести деструктивный (негативный) и конструктивный (положительный) аспекты указанного явления. Фактически в их основе лежит один и тот же процесс, но они отражают разные этапы этого процесса.

1. Этап интерференции, первичного заимствования ксенонима, воспринимающегося как аномалия. На этом этапе заимствования авторы нередко выделяют вводимые ксенонимы графически (кавычками, капитализацией, курсивом), что призвано указать на то, что имеет место не стилистическая / семантическая ошибка, а намеренное, значимое нарушение нормы.

2. Этап трансференции. Регулярное употребление заимствования в данных значении и контексте нивелирует эффект аномальности, слово постепенно входит в литературную норму языка. Т.е. интерференция перерастает в трансференцию.

Таким путем формируется рассматриваемый нами АЯМО, лексический состав которого может достаточно сильно отличаться от базового вокабуляра АЯ в результате введения в его состав в практике внутреннего перевода заимствуемой ксенонимической лексики, восполняющей лексические лакуны в языке описания и, в конечном счете, решающей проблему языковой переводимости.

Преодоление культурной непереводаемости при внутреннем переводе

Проблему культурной непереводаемости прекрасно описал Х.Л. Борхес в рассказе «Поиски Аверроэса», в котором повествуется о «подвиге врача-араба, посвятившего себя мыслям человека, от которого его отделяли четырнадцать веков», а именно о предпринятой Аверроэсом попытке комментированного перевода трудов Аристотеля. Успешному завершению дела помешали два неясных ученому арабу слова – *трагедия* и *комедия*. Самым простым решением было опустить сомнительные слова, но эту мысль герой отверг ввиду их частотности и видимой важности. Перевод без них уже не был бы переводом «Поэтики» Аристотеля. А значит, прежде всего, необходимо было уяснить значение указанных слов. В поисках решения Аверроэс обращался и к имеющейся в его распоряжении справочной литературе, и к знающим людям, но «никто в областях ислама не мог догадаться, что они означают». Вокруг Аверроэса полно подсказок – играющие во дворе дети, изображающие муэдзина, минарет и верующих, рассказ путешественника о театре, виденном им в Китае. Но герой Борхеса не в состоянии соотнести эти явления со спорными словами, т.к. в его картине мира нет соответствующих им понятий, концептов. Таким образом, проблема культурной непереводаемости упирается в проблему концептуализации инокультурных явлений, которые необходимо описать средствами внешнего для данной культуры языка.

Концептуализация вводимых ксенонимов

Проблема концептуализации касается не только реалий в узком смысле слова, т.е. уникальных явлений описываемой культуры, для которых, по определению, отсутствуют наименования в иных языках. Доказательством тому служат сложившиеся в практике англоязычного описания русской культуры гомогенные бинары типа *militsiya/ militia*. Вместо имеющегося в распоряжении слова вводится «локалоид», т.е. иноязычный вариант гомогенного бинара, локалоид, вариант отличающийся остранинной графической формой, указывающей на его чужеродность языку описания. Особенно показательное употребление локалоида *biznesmen*, являющегося реанглизацией ассимилированного русским языком заимствования из английского языка, приобретшего

своеобразные семантические черты, отражающие экономическую практику в стране. Факт семантического развития, ассимиляции слова делает его неэквивалентным исходному *businessman*, что и подчеркивается при внутреннем переводе выбором транскрибирующей орфографии.

Из приведенного примера явствует еще один важный вывод: выбор формы заимствуемого ксенонима парадоксальным образом участвует в концептуализации и затрудняет ее. С одной стороны, устанавливается некоторая логическая связь: *инокодovость* = *инокультурность*, оправдывающая выбор максимально близкой к исходной форме фиксации ксенонима (трансплантация или транскрипция). Чужеродная, непрозрачная форма ксенонима указывает на инокультурный статус обозначаемого им концепта. В контексте межкультурной коммуникации, иноязычного описания внешней культуры это, несомненно, очень существенная информация, утрата которой может привести к значительному искажению сообщения. В то же время непрозрачность формы накладывает и очевидные ограничения на дальнейшую, более точную концептуализацию, обуславливая необходимость комплекса средств, служащих осмыслению нового ксенонима.

Несколько большей семантической прозрачностью характеризуется ксеноним-калька (*Old Believer*, *War Communism*). Однако данный способ заимствования также не идеален с точки зрения точной концептуализации, т.к. может привести к омонимии. Калькированный ксеноним может совпасть по форме с полионимом или идионимом английского языка. В частности, англ. *work book* привычно для англоязычного сообщества означает приложение к учебнику с заданиями для самостоятельной работы, но в АЯМО (РК) это слово имеет омоним со значением *трудовая книжка*. Не исключена и возможность совпадения различных русскоязычных идионимов в одном ксенониме. Так, ксеноним *Octobrist* может соотноситься как с членом советской молодёжной организации октябрят, так и с членом дореволюционной партии октябристов.

Наиболее полная, хотя при этом не обязательно исчерпывающая, концептуализация дается словарем *The Dictionary of Russia* (Кабакчи 2002), комбинирующим следующие способы введения и осмысления ксенонимов:

- базовый англоязычный вариант написания (в случае несовпадения его с транслитерированным вариантом, указывается и последний);
- исходный русский идионим;
- цифровое указание на общеизвестный (базовый) или специальный характер ксенонима;
- указание сферы употребления (*historical*);

- дефиниция, заимствованная из авторитетного словаря или составленная автором на основе имеющейся базы данных;
- (если имеются) альтернативные варианты перевода, под которыми адресат может знать вводимый концепт;
- иллюстрация употребления (фрагмент аутентичного текста);
- ссылка на прилагаемую к словарю справочную информацию, поясняющую особенности употребления некоторых групп ксенонимов-русизмов.

Разумеется, указанное выше различие между лексикографическим и традиционным переводом остается актуальным и для внутреннего перевода: путь словаря неприменим в живой коммуникативной практике, в которой говорящие стремятся к максимально компактному описанию безгранично сложных референтов, вынужденно ограничивая его набором черт, минимально достаточным для безошибочной идентификации референта адресатом. Для специалиста, возможно, будет достаточно и непрозрачной заимствуемой формы, которую, в случае надобности, он сможет найти в словаре и уточнить правильность своего понимания. Однако большинство текстов стремятся выйти за рамки узкой группы специалистов, дублируя непрозрачные наименования другими способами внутреннего перевода. Обычной стратегией является дополнение номинации ближайшим аналогом концепта в языке писания (*musketeer* = *strelets*, *artilleryman* = *pushkar*'), в результате чего одна номинация указывает на инокультурный характер концепта, другая же служит для общего, пусть и лишь приблизительного, его осмысления.

Уточненная концептуализация может быть достигнута при введении серии аналогов:

Those were the days of *the skomorokhi*, wandering minstrels and court buffoons, who appear in many Russian operas (Fodor 1989).

Еще более выигрывает в точности описательный перевод, при котором автор не прибегает к адаптирующим, т.е. облегчающим концептуализацию, но уводящим ее при этом в сторону, аналогиям, но вводит в текст своеобразную краткую дефиницию вводимого инокультурного концепта:

The *balalaika*, the triangular stringed instrument now so popular (Fodor's 89).

Таким образом достигается разной степени прозрачность при сохранении точности и обратимости наименования.

Возможны, разумеется, и другие комплексные стратегии концептуализации ксенонима:

«*Blat* isn't really corruption», an actress contended, «it's just *ty mne ya tebe* (you for me and me for you). In other words, I'll scratch your back and you scratch mine!» (Smith: 116).

Ксеноним *blat* вводится методом транскрипции, что делает его непрозрачным для адресата. Т.е. форма заимствуемого слова лишь минимально участвует в первичной концептуализации, давая только указание на инокультурный статус концепта. Дальнейшие шаги автора подкрепляют этот существенный слот с помощью транскрибируемого инокультурного фразеологизма, наиболее полно раскрывающего значение вводимого концепта. Третий шаг ставит своей целью прояснить значение фразеологизма и опосредованно введенного ранее концепта путем **фразеологической кальки* (дословного перевода фразеологизма). И наконец, последним штрихом является соотнесение инокультурного фразеологизма с фразеологизмом-аналогом языка описания.

Таким образом, можно констатировать наличие сформированного репертуара средств концептуализации вводимых при внутреннем переводе ксенонимов, выбор же конкретной стратегии зависит от прагматических факторов, речь о которых пойдет ниже.

Преодоление прагматической непереводаемости при внутреннем переводе

Выбор стратегии введения ксенонимов при внутреннем переводе, как и принятие других решений, касающихся конструирования речевого сообщения, зависит от коммуникативной ситуации, а именно ее целей, формы (жанра), участников (коммуникантов – адресанта и адресата).

По **цели коммуникации** тексты иноязычного описания культуры делятся на **описательные* и **инструктивные* (подробнее см. Кабакчи 2009). Описательные тексты предельно облегчены для понимания и изобилуют переводными и англоязычными вариантами передачи ксенонимов, в то время как инструктивные тяготеют к максимальной близости ксенонима идиониму-прототипу, т.к. являются основой для ориентирования адресата в инокультурной и иноязыковой среде.

Данное деление соответствует основной диаде стратегий традиционного перевода – адаптационная (стратегия доместикации) / острающая (стратегия форенизации). Если раньше предпочтение отдавалось первой, то сейчас в свете формирования нового, более грамотного в культурном отношении адресата, а также изменения параметров (прежде всего, целей) межкультурной коммуникации отмечается тенденция к *ксенонимической реставрации*, т.е. приближению ксенонимов по форме к оригиналу (идиониму-прототипу) (Peace Avenue → Prospekt Mira; Uprising Square → Vosstaniya Square / Vosstaniya Ploshchad' / Pl. Vosstaniya). В то же время следует оговориться, что реставрация – это длительный процесс, т.к. ассимилированные варианты, освященные традицией, отступают неохотно. Многие авторы по-прежнему придерживаются того мнения, озвученного В.С. Виноградовым, что «чрезмерное увлечение транскрибированием иноязычных слов,

называющих реалии, а не так уж редко принимаемых за них, не только не способствует созданию национального колорита, а, наоборот, уничтожает его, загромождая повествование и заставляя читателя спотыкаться на каждом шагу о ненужные экзотизмы» (Виноградов 2001: 117). В этом рассуждении, однако, метафора «спотыкающегося» читателя описывает читателя до наступления эры информации и глобализации. Так же как минимум, спорной является характеристика ксенонимов как «ненужных экзотизмов». Они не являются ни тем, ни другим, т.к. являются при межкультурной коммуникации носителями самой существенной информации, а именно **прецизионной информации*, которая не должна подвергнуться утрате или искажению, что неизбежно при ассимилирующем переводе. Осознание этого приводит к распространению комплексных стратегий введения ксенонимов, основанных на *параллельном подключении* различных средств концептуализации. Эти комплексные стратегии также могут тяготеть к одной из двух стратегий: основанные на подключении аналога являются более адаптирующими, в то время как те, что основаны на описательном, дефиниционном способе концептуализации, более нейтральны. Если в первом случае устанавливаются искусственные соответствия между явлениями разных культур за счет соотнесения номинирующих их культуронимов, то во втором случае описание остается в рамках одной культуры, явления которой описываются с помощью максимально нейтральной, универсальной в культурном отношении лексики — *полионимов*.

Выбор той или иной стратегии внутреннего перевода ксенонимов также демонстрируют зависимость от жанровой формы. Однако эта зависимость во многом сводима к вышеприведенной оппозиции описательных и инструктивных текстов. Так, художественные произведения относятся к первому типу; путеводители, местная пресса для англоязычных читателей и прочие тексты прикладной направленности носят инструктивный характер, преследуя цель облегчить читателю ориентирование на местности. Соответственно в текстах первого типа предпочтение отдается адаптирующим стратегиям, а во вторых доминантой является точность ксенонимической номинации.

Критерий адресата можно понимать по-разному, выделяя разные его параметры (пол, возраст, профессия, конфессия, и т.д.). Для нас, однако, эти параметры по большей части несущественны. Так, можно было бы предположить, что тексты, адресованные читателю-ребенку, должны следовать адаптирующей стратегии внутреннего перевода. Эта гипотеза, однако, не подтверждается текстовым материалом, о чем свидетельствует следующий пример:

The Land. The northernmost part of the Soviet Union is an icy, flat land called the tundra. It stretches all along the Arctic Ocean. South of the tundra is the taiga, a thick forest that grows on swampy ground. South of the taiga are flat grass-covered plains called the steppe (The Soviet Union 1990: 7–8). Early History. In 1462, Ivan III captured the land around Moscow and became king. Ivan III was the first Russian ruler to call himself czar. (The Soviet Union 1990: 21).

Ни по концентрации ксенонимов, ни по способу их концептуализации данный фрагмент из научно-популярного американского детского издания не относим к адаптирующим, доместицирующим, ассимилирующим текстам.

Из всех возможных параметров адресата для нас релевантен только параметр культурной заинтересованности / вовлеченности в описываемую культуру. Но и это деление фактически возвращает нас к первоначальной оппозиции описательных и инструктивных текстов. Чем больше адресат вовлечен в описываемую культуру, тем больше он осведомлен о ней, тем, следовательно, меньше потребность в адаптирующем, ассимилирующем переводе и больше спрос на точное обозначение ключевых для предмета коммуникации концептов.

Выбор стратегии внутреннего перевода также зависит от нужд адресата, как они видятся адресанту. Следует оговориться, что данный критерий, по определению, релевантен лишь для инструктивных текстов, т.к. описательные тексты не предполагают, что адресату придется в дальнейшем самому оперировать ксенонимической лексикой. По данному критерию можно провести деление инструктивных текстов на те, что ориентированы на дальнейшую активную форму коммуникации, т.е. готовят адресата к использованию вводимых ксенонимов в речи, и на те, что ориентированы на пассивную форму коммуникации, т.е. готовят адресата к простому опознанию ксенонимов. В первом случае более вероятна развернутая, комплексная стратегия внутреннего перевода, включающего семантический и формальный перевод, с воспроизведением как графического, так и фонетического облика переводимого идионима:

You may have a «key lady» (дежурная *diZHURnaya*) who sits at a desk on your floor and can provide you with a key (Beyer 2001: 31).

В данном случае адресат должен оказаться во всеоружии – он сможет и опознать нужную номинацию на табличке и озвучить ее при необходимости уточнения.

В случае предполагаемой пассивной коммуникативной роли адресата стратегия внутреннего перевода будет более свернутой:

Should anyone ask if you are getting off at the next stop – Vy vykhodite? – it means that they are, and need to squeeze past (Richardson 2005: 37).

Итак, сравнение и наложение типологий стратегий внутреннего перевода по критериям цели коммуникации, формы коммуникации и адресата показывает, что между этими параметрами коммуникативной ситуации нет противоречия, но во всех случаях речь идет об одной и той оппозиции – адаптирующей / остраивающей стратегий. Это, однако, крайние точки на шкале средств внутреннего перевода, между которыми лежит множество промежуточных стратегий, основанных на сочетании комплекса способов концептуализации вводимого ксенонима, выбор которого основывается на всей совокупности названных факторов коммуникативной ситуации.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расположите следующие понятия по степени близости к языковому стандарту: *мезолект*, *акролект*, *базилект*. С каким из лектов соотносим язык *пиджин*? Соотносимы ли приведенные понятия с «кругами Качру»?

2. Изменилась ли (и если да, то как) ситуация с билингвизмом в России в последние десятилетия? (Проблема имеет более, чем одно измерение.)

3. Нарисуйте схемы и охарактеризуйте различие между (1) базовым коммуникативным актом, (2) коммуникативным актом традиционного перевода, (3) коммуникативным актом автоперевода и (4) коммуникативным актом внутреннего перевода.

4. Выделите элементы внутреннего перевода в следующих фрагментах; охарактеризуйте выбор стратегии внутреннего перевода и факторы, его обуславливающие:

(а) Сперва Madame за ним ходила,

Потом Monsieur ее сменил.

Ребенок был резов, но мил.

Monsieur l'Abbé, француз убогой,

Чтоб не измучилось дитя,

Учил его всему шутя... (Пушкин А.С. Евгений Онегин, 1-iii).

(б) Russians love ice cream, bought anywhere you see the label *morozhenoe*, мороженое ('ma-ROH-zhinah-yuh') (Noble et al. 1996: 146).

(в) Visitors should be aware of the quintessentially St Petersburg distinction between the main entrance stairway (*paradnaya lestnitsa*) of an apartment building, and the subsidiary entrances of the inner courtyard or *dvor*. Traditionally, the *paradnaya lestnitsa* was for show, with handsome mirrors and carpets, while the real life of the apartment revolved around the *dvor*. In Soviet times the grand stairways were gradually reduced to the darkened, shabby stairwells of today, but the *dvor* never lost its role as the spiritual hearth of St

Petersburg life [Richardson D. *The Rough Guide to St.Petersburg*. – Rough Guides Ltd, 2004, с. 33].

5. Предложите различные способы внутреннего перевода следующих идиомов, соответствующие инструктивным и описательным типам текста: *кремль, маршрутка, кутья, рюмка, кикимора, коммуналка*.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica* 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб.: Тригон, 2000. – С. 65-75.

2. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // *Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы*. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 51-70.

3. Кабакчи В.В. Билингвизм и межкультурная коммуникация // *Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже века. Межвузовский сборник научно-методических статей*. – Вып. 8. – Псков: ПГПУ им. С.М. Кирова, 2008. – С. 61-72.

4. Кабакчи В.В. «Инокультурная литература» и «внутренний перевод» // *Проблемы современного переводоведения*. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – С. 78-91.

5. Кабакчи В.В. Кто такие носители языка // *Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Межвузовский сборник научно-методических статей. Вып. 1*. – Псков: Псковский ГПУ им.С.М.Кирова, 2011. – С. 66-74.

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., 2002.

7. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986.

8. Прошина З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка: Учеб. пособие. – Хабаровск: Дальневосточный институт иностранных языков, 2007.

ГЛАВА 4. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ КСЕНОНИМОВ

Предельно упрощая теорию иноязычного описания культуры интерлингвокультурологии, её можно свести к трем основным проблемам: *закономерности образования ксенонимов, специфика построения текста и способы стилизации текста*. Обсуждение этих проблем начнем с рассмотрения особенностей формирования ксенонимической лексики.

У лингвистов не вызывало никаких сомнений то, что ориентация языка на инокультуру непременно сопряжена с существенной перестройкой языкового аппарата:

«Перенесение языкового сообщества в иные жизненные условия неминуемо потребует переприиспособления его языка к новой действительности, дополнения тех его лексико-семантических подсистем, в которых недостает тех или иных элементов. Многим реалиям не удастся найти эквивалентных выражений, их приходится описывать или истолковывать, а в ряде случаев заимствовать названия из другого языка» (Жлуктенко 1974: 127).

Описание любого фрагмента иноязычной культуры неизбежно сопряжено с выделением в этой культуре ключевых культуронимов и поиском их иноязычных соответствий. Практика традиционного перевода в основном полагается на двуязычные словари. К сожалению, в словарях соответствия многих идионимов-русизмов отсутствуют или приводятся неадекватные варианты, предлагаются аналоги, а главное, если словари и предлагают иноязычные соответствия, не оговаривается степень расхождения их значения.

Рекомендации пособий по традиционному переводу художественного текста в основном адресованы тем, кто будет заниматься переводом оригинального текста. Так, например, указывается, что, если условия контекста не позволяют использовать обычные словарные соответствия, прибегают к так называемой контекстуальной замене (Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960: 69). Однако в случае внутреннего перевода ни о какой контекстуальной замене говорить не приходится по той простой причине, что исходного текста, подлежащего переводу, просто нет.

Достаточно беглого взгляда на аутентичные тексты иноязычного описания культуры, чтобы убедиться в том, что они состоят из обычных слов языка описания плюс ксенонимическая лексика, передающая специфические элементы внешней культуры, для наименования которых в языке описания нет готовых наименований (*лакуны иноязычного культурного континуума*). Таким образом, сталкиваясь с исходными идионимами, введение которых в текст описания необходимо, требуется определить соответствующие ксенонимы-корреляты.

Поскольку этот процесс в значительной мере определяется спецификой конкретной коммуникативной ситуации и принципом языковой экономии, в каждом отдельном случае иноязычного наименования (*номинации*) идионима предпринимается попытка использовать весь языковой потенциал, чтобы создать адекватный вариант. Вот почему, как показывает анализ аутентичных текстов, на практике применяются различные способы образования ксенонимов. К числу наиболее продуктивных способов следует отнести следующие.

Способы, обеспечивающие межъязыковую обратимость

(1) *заимствование* (включая аббревиатуры): **царь** → tsar ◇ **борзая** → borzoi ◇ **МХАТ** → MKhAT

(2) *калькирование*, в том числе

лексическое калькирование: **старовер** → Old Believer ◇ **декабрист** → Decembrist

семантическое калькирование: **пионер** → Pioneer

(3) *гибридные образования*: **Большой театр** → Bolshoi Theater ◇ **котлета по-киевски** → chicken Kiev ◇ **окрошка** → okroshka soup

Способы, характеризующиеся неуверенной обратимостью

(4) *описательные обороты*: cabbage soup → **щи?** Russian Revolution → **Февральская/Октябрьская революция?** ◇

(5) *использование полионима* – department → **кафедра/факультет?** ◇

(6) *замена русскоязычного идионима англоязычным аналогом*

accordion → **баян/гармонь?** ◇ glass → **рюмка/стакан?** ◇

(7) *замена русскоязычного идионима родовым понятием* (*«гипонимия»)

(soft) drink → **квас/сок/морс?** ◇ soup → **окрошка/щи/солянка...**?

Точность или доступность ксенонима

Оценивая коммуникативную значимость различных способов иноязычной передачи идионимов, нам необходимо уточнить значение некоторых понятий. Под **ксенонимической номинацией* будем понимать слово или словосочетание, которое используется при образовании ксенонима. При этом под номинацией мы будем понимать как собственно процесс наименования элемента культурного континуума, так и сами ксенонимические наименования.

Авторы иноязычного описания культуры, использующие язык во вторичной культурной ориентации, постоянно стоят перед дилеммой: **номинативная точность или доступность* описания. Попытка добиться номинативной точности приводит к усложнению текста вследствие

введения в него специальных ксенонимов, которые приходится сопровождать (порою протяженными) пояснениями. Такой текст воспринимается неподготовленной широкой аудиторией с трудом. Напротив, стремление сделать текст максимально доступным даже неподготовленной аудитории неизбежно приводит к его упрощению, то есть к потере информации.

Формальная точность ксенонимической номинации

Двусторонний характер языковых единиц, то есть соединение в слове формы и значения определяет то, что, наряду с *формальной точностью* ксенонима, существует и **семантическая точность*, то есть точность значения данной языковой единицы в рамках текста ВКО. Первое относится чисто к *графической* стороне его иноязычного воспроизведения.

Скажем, точная передача латинскими буквами (форма слова) русского культуронима «скоморохи» – *skomorokhi* – сама по себе ничего не сообщит непосвященному англоязычному читателю о *значении* слова, хотя и позволит найти нужную информацию в справочных изданиях. Когда вас просят купить лекарство в аптеке, вам не обязательно знать функцию этого лекарства: достаточно иметь его название на бумаге. Итак, точность иноязычной передачи культуронима *в целом* в идеале должна сочетать в себе *точность и формальную, и семантическую*.

Принцип ксенонимической обратимости

«What's the use of their having names,» the Gnat said, «if they won't answer to them?» (Lewis Carroll. *Through the Looking-Glass*).

В юности я (В.К.) много раз смотрел американский фильм, который в русском варианте назывался «Секрет актрисы», восхищаясь Диной Дурбин. Недавно в магазине я увидел подборку классики зарубежного кинематографа, а в ней и фильмы с участием этой актрисы. Названия были на английском языке, и я никак не мог установить, какое из них соответствует русскоязычному варианту названия фильма «Секрет актрисы». После долгих колебаний я выбрал два фильма, один из них оказался тем, который был мне нужен: *Mad About Music*. Так я на практике столкнулся с тем, что ксеноним должен быть *обратимым* (конвертируемым).

Знакомство с иноязычной культурой, в особенности на профессиональном уровне, требует обращения к различным текстам как на данном ЯМО (языке межкультурного общения), так и на исходном

языке описываемой культуры. Очевидно, что англоязычный русист-профессионал не может обойтись без чтения русскоязычных источников. В результате англоязычная русистика связана с переходами от текста к тексту на обоих языках. Адекватное понимание различных текстов иноязычного описания культуры возможно только в том случае, если используемые в них наименования одного и того же элемента этой культуры достаточно четко коррелируют друг с другом и с идионимом-прототипом, то есть в случае их взаимной *обратимости* (*конвертируемости*).

*Под ксенонимической *обратимостью (конвертируемостью) будем понимать существование связи, которая устанавливается между идионимом-прототипом и его ксенонимом-коррелятом и которая в идеале обеспечивает взаимный переход от одного идиокультуронима к другому (например: «степь» ↔ steppe; «Крым» ↔ Crimea; «Смутное время» ↔ Time of Troubles).*

Итак, исходный идионим по отношению к возникшему ксенониму выступает в качестве **идионима-прототипа* («боярин»), а его англоязычное обозначение (boyar) является ксенонимом-коррелятом этого прототипа. Оба идиокультуронима («боярин» и boyar) будут коррелятами друг по отношению к другу. Корреляция устанавливается между ксенонимами, восходящими к общему идиониму-прототипу, и на уровне вторичной корреляции. Это становится следствием описанного выше ксенонимического изоморфизма. Так, друг с другом будут коррелировать взаимнообратимые ксенонимы: **БОЯРИН** ↔ boyar <АЯ> ↔ Boiar <НемЯ> ↔ Boyardo <ИспЯ> ↔ Boyard <ФрЯ> ↔ Boiardo <ИтЯ>.

Ксенонимическая обратимость обеспечивает правильную идентификацию нужного элемента культуры, «so that further information can be easily found in a modern dictionary of the language in question» (Bliss 1977: 58). В идеале обратимость должна быть *двусторонней*, обеспечивая взаимную конвертируемость ксенонима в его идионим-прототип, то есть переход от идионима к его корреляту-ксенониму и, напротив, от ксенонима к его идиониму-прототипу: Cossack ↔ казак. Иными словами, в случае необходимости мы должны иметь возможность переходить от текстов на русском языке к текстам на английском языке, и наоборот, а также к текстам иноязычного описания русской культуры на иных языках.

Виды ксенонимической обратимости

Существуют различные виды ксенонимической обратимости в зависимости от степени точности наименования элемента иноязычной культуры.

Абсолютная ксенонимическая обратимость

Абсолютная ксенонимическая обратимость обеспечивается посредством *трансплантации* идионима в иноязычный текст. Под **ксенонимической трансплантацией* будем понимать перенесение языковой единицы из исходного языка в текст иноязычного описания культуры без каких-либо изменений.

He turned off down an even smaller forest road, a deserted *voie communale*; and a mile or so along that he came on the promised sign, *Manoir de Coëtminais*. *Chemin privé* (Fowles 1980: 34).

В приведенном примере не составляет никакого труда установить идионимы-прототипы, поскольку представленные здесь ксенонимы равны исходным идионимам: они привнесены в англоязычный текст без каких-либо изменений. Здесь налицо **абсолютная ксенонимическая обратимость*, то есть установление идеального соответствия между идионимом-прототипом и способом его передачи в иноязычном тексте.

В частности, то, что в русском языке мы передаем с помощью гибридного образования «Елисейские поля», в английском языке известно как *Champs Élysée*, то есть налицо **ксеноним-трансплантат*. Обратимость абсолютная.

В практике АЯМО (РК) трансплантация русизмов встречается крайне редко, в последнее время – в путеводителях. Подробнее о трансплантации мы скажем ниже в разделе, посвященном орфографии ксенонимов-заимствований.

Уверенная ксенонимическая обратимость

В приводимом ниже примере ксеноним также заимствуется, однако при этом используется менее точный способ его передачи, чем в случае трансплантации:

Below the boyars stood the group of *okol'nichiy* (EncBr).

Однако нетрудно видеть, что для человека, обладающего элементарными знаниями русского языка, несложно «конвертировать» этот транслитерированный идионим-прототип в его оригинал: «...scholars of Russian will, however, have no difficulty in reconstructing the Cyrillic original» (Binyon 2002: xix). Налицо пусть и не абсолютная, но «уверенная обратимость».

Под **уверенной ксенонимической обратимостью* будем понимать такое иноязычное наименование идионима, которое позволяет с высокой степенью надежности восстановить идионим-прототип. Уверенная обратимость в данном случае обеспечивается с помощью транслитерации. Ксенонимы-транслитераты частотны в АЯМО (РК):

At the *zemskii sobor*, or ‘Assembly of the Land’, the Moscow boyars voted for Boris to become Tsar... (Figes 2003: 184).

Во многих случаях уверенная обратимость обеспечивается кальками: Decembrists, Old Believers, Table of Ranks.

Уверенную обратимость обеспечивают и те наименования элементов иноязычных культур, которые уже закрепились в практике межкультурной коммуникации, даже в тех случаях, когда их орфография значительно расходится с прототипами (Crimea, Siberia, steppe, knout). Это так называемые «традиционные наименования», о которых подробнее будет сказано ниже.

В случае абсолютной и уверенной ксенонимической обратимости мы имеем дело с **автономной обратимостью*, то есть такими наименованиями элемента иноязычной культуры, обратимость которых не нуждается в контексте и/или каких-либо дополнительных объяснениях.

Опосредованная ксенонимическая обратимость

Встретившись в тексте с упоминанием литературного произведения *Virgin Soil*, мы не сможем понять, о чем именно идет речь, даже зная, что речь идет о русской литературе. Только в том случае, если в тексте указан автор произведения (в данном случае – И.С. Тургенев) да еще год написания, оказывается возможным установить, что речь идет о повести «Новь»:

Turgenev's last novels *Smoke* (1867) and *Virgin Soil* (1877)... (CamEnc 1994: 217).

Будем называть этот вид корреляции между идиокультуронимами «опосредованной обратимостью».

**Опосредованная ксенонимическая обратимость наблюдается в тех случаях, когда ксеноним сам по себе недостаточен для определения его прототипа, он номинативно не автономен.*

Опосредованная обратимость, в конечном счете, позволяет установить прототип ксенонима, но не с такой легкостью, как в случае уверенной обратимости, не говоря уже об абсолютной обратимости. В случае опосредованной обратимости требуется выход за рамки конкретного текста. В последнем случае можно говорить о существовании *текстуальной обратимости*:

In this task the tsar was assisted by a group of able advisers known as the **Chosen Council** (CamEnc 1994: 79).

Специалист легко догадается, что под ксенонимом Chosen Council имеется в виду «Избранная Рада» Ивана Грозного. Однако тем, кто слабо знаком с русской культурой, придется обращаться к справочным изданиям, принимая во внимание, что речь в тексте идет о конкретном

русском царе. Вот почему авторам приходится прибегать к уточняющим наименованиям:

A member of the princely house of Smolensk-Yaroslavl, Kurbsky became attached to the special advisory council (**Izbrannaya Rada**, or "**Chosen Council**"), which Ivan formed in 1547 to assist him in the preparation of internal reforms and the formulation of foreign policy (EncBr).

Нет пока и общепринятого англоязычного варианта названия комедии А.С. Грибоедова «**Горе от ума**»; вместо этого множество вариантов:

Gore ot uma ♦ *Wit Works Woe* (EncBr) ♦ *Gore ot Ouma* (N. Bernadaky) ♦ *Woe from Wit* (CamEnc) ♦ *The Mischief of Being Clever* (B. Pares) ♦ *The Misfortune of Being Clever* (S.W. Pring) ♦

Иными словами, налицо *ксенонимическая вариативность*. Однако упоминание этого произведения, как правило, идет с приведением фамилии автора, который так и остался в литературе создателем лишь одной (но гениальной) комедии. Это, безусловно, облегчает идентификацию комедии.

Аналогично в приводимом ниже примере только подготовленный читатель поймет, что речь идет о *Верховном тайном совете* Екатерины Первой:

Under Catherine I, power had been exercised by a **Supreme Privy Council** (CamEnc 1994: 85).

Неуверенная ксенонимическая обратимость

Порою попытка установления идионима-прототипа становится весьма затруднительной:

In her teens during the war Pakhmutova used to play **accordion** in hospitals (MNews, 1985, No.31).

Здесь трудно сказать, на каком конкретно инструменте играла маленькая Саша Пахмутова: на баяне, гармонии или аккордионе. Можно лишь предположить, что, скорее всего, это был баян. Налицо случай «неуверенной обратимости».

**Неуверенная ксенонимическая обратимость существует тогда, когда языковая единица, называющая элемент внешней культуры, не позволяет, даже с помощью контекста, с полной уверенностью установить идионим-прототип.*

В таких случаях мы вынуждены ограничиваться предположениями типа «может быть», «скорее всего». Еще один пример:

[Roi] Medvedev then worked as a secondary-school administrator... (EncBr).

Описательный оборот «a secondary-school administrator» не позволяет нам определить, какую должность Рой Медведев занимал в школе: *возможно*, он был завучем. Перед нами типичный случай неуверенной обратимости. Можно, конечно, разыскать его подробную биографию и выяснить точное наименование должности, но в этом случае уже следует вести речь об *опосредованной обратимости*.

В тех случаях, когда ксенонимическая номинация может создать двусмысленность понимания текста, ее обычно заменяют. В частности, до революции 1917 года белорусов в англоязычных текстах называли White Russians. Появление «белых» во время революции сделало этот вариант двусмысленным, поскольку читателю было неясно, о чем идет речь: о белых или о белорусах. В результате белорусов стали обозначать несколько ассимилированным заимствованием Byelorussians, а после обретения страной независимости – Belarusians.

Следует добавить, что правильное прочтение текста нередко требует определенной подготовки. Например, в предложении «...Alexandra became a boarder in the Catherine Institute for daughters of the nobility. (Binyon 2002: 292)» адресату, знакомому с русской культурой и соответствующей англоязычной ксенонимией, очевидно, что «the Catherine Institute for daughters of the nobility» это «Смольный институт благородных девиц». Между тем неподготовленный читатель поймет лишь приблизительно, о каком учебном заведении идет речь.

Теперь перейдем к рассмотрению различных способов образования ксенонимов, оценивая их с точки зрения обеспечения точности и доступности номинации, включая ее ксенонимическую обратимости.

I. СПОСОБЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВУЮ ОБРАТИМОСТЬ

Заимствование

Заимствование в широком смысле этого слова – это введение в текст иноязычного слова (словосочетания). Заимствование иноязычных слов это неотъемлемая составная часть процесса формирования словарного состава и языкового общения вообще.

Ксенонимы-заимствования привлекли внимание ученых в XX веке в рамках теории художественного перевода. А.А. Реформатский называл такие заимствования «варваризмами», указывая при этом, что они «не только не претендуют на вхождение в основной словарный фонд, но остаются именно «чужими», что, по сути дела, перекликается с мнением Л. Згусты.

Специалисты не могли определить точное место подобной лексики в континууме словарного состава, поскольку она была и по содержанию, а главное и по форме, чужеродной. В результате, как уже отмечалось выше,

у лингвистов заимствования этого типа получали разнообразные наименования: *языковые реалии, безэквивалентная лексика, экзотизмы, варваризмы, ксенизмы, лакуны, транслитерации, транскрипции, ретенды...*

Самостоятельной линией изучения заимствований следует считать выделение в языковом общении *«иноязычных вкраплений (включений)». Этот термин был введен в 1966 г. А.А. Леонтьевым. Двадцать лет спустя Ю.Т. Листрова-Правда констатировала: «...не выяснены принципы отбора вкраплений и способов введения их в текст...». В представлении этого лингвиста иноязычные вкрапления – это очень пестрая группа лексических единиц, в которую входят имена людей, топонимы, наименование достопримечательностей, цитаты, идиоматические и разговорные выражения. И вновь подчеркивается, что такие иноязычные вкрапления используются как стилистическое средство создания местного колорита (Листрова-Правда 1986: 7; 19; 40-41).

Иными словами, иноязычные вкрапления в такой интерпретации занимают промежуточное положение между иностранными словами внутрикультурной коммуникации (типа *de facto, status quo, modus vivendi*) и тем, что мы называем ксенонимами.

**Заимствование в языке межкультурного общения (ЯМО) – это базовый способ образования ксенонимов, который обеспечивает уверенную обратимость.* Не случайно в научном стиле, который во многом схож с ЯМО, всякий раз, когда ученый имеет дело с трудно переводимым термином, в скобках приводится его оригинал. Заимствование – это наиболее частотный и универсальный способ образования ксенонимов:

For the Japanese, the *tanka* is a "long poem": in its common form it has 31 syllables; the *sedoka* has 38; the *dodoitsu*, imitating folk song, has 26. From the 17th century and onward, the most popular poetic form was the *haiku*, which has only 17 syllables (EncBr).

The Bundestag and the Bundesrat (legislative bodies), the *Bundespräsident* (head of state), and the *Bundeskanzler* (head of government) all were located in Bonn during its period as the capital (EncBr).

В приведенных примерах мы видим обилие заимствованных ксенонимов в англоязычном описании японской и немецкой культур. Не менее частотны и заимствованные ксенонимы-русизмы:

The gentry or middle service class (*dvoryane*) also figure in numerous graveside inscriptions. A 1677 **Pskov** memorial, for example, recalls the «**Moscow dvoryanin**» **Evsegneii Nikitin syn Neelov**, while a 1679 inscription remembers another *dvoryanin*, **Grigorii Grigor'ev syn**

Chirikov. Numerous memorial plates from the **Pskov** Caves monastery identify the deceased as «*pomeshchik*,» confirming the fact that the middle class level of **Muscovite** servitors became accustomed to adding social rank to grave markers. Soon *zhiltsy* and others who inhabited the middle levels of the **Muscovite** social order also had their rank recalled in commemorative tablets. Seventeenth-century ceramic memorials commemorate a musketeer (*strelets*), artilleryman (*pushkar*'), and others from the lower reaches of the military service classes (Kaiser 2004: 446).

Причину столь высокой продуктивности этого способа отыскать не трудно: именно заимствование гарантирует уверенную (в случае трансплантации – абсолютную) обратимость, поскольку перенос в текст описания иноязычного наименования гарантирует его *формальную* точность. Не случайно в мировой практике научного стиля все наименования флоры и фауны имеют единые латинские имена наряду с локальными *ромашками*, *лютиками* и *подорожниками*.

Именно в силу этих соображений в строгих академических справочных изданиях даже, казалось бы, привычные англоязычные наименования элементов русской культуры непременно сопровождаются и указанием исходного идионима-прототипа:

Moscow: Russian 'Moskva', city, capital of Russia (EncBr).

Идионим-прототип приводится чаще в виде транслитерации, реже (например, Wikipedia) – с помощью трансплантации.

В этом и заключается преимущество заимствования как способа образования ксенонима: передается *формальная точность* идионима-прототипа. Вместе с тем этот способ имеет и ряд недостатков. Заимствованные *специальные* ксенонимы, то есть те, которые не знакомы рядовому адресату, не понятны, трудны для запоминания и воспроизведения.

Заимствования частотны в текстах иноязычного описания культуры, однако нельзя не заметить, что в большинстве случаев специальные ксенонимы, в отличие от научно-технических терминов, сопровождаются пояснениями:

Like many early medieval towns in the rest of Europe numerous Russian towns developed under the protection of a princely burg (*the kreml*) as a suburb (*the posad*) to which were adjoined some privileged residential quarters ('liberties', *slobody*) (Wittram 1973: 28).

For decades Kobzon has been the king of **Estrada**, the Soviet equivalent of a national lounge singer (Meier 2004: 48).

Продуктивность заимствования в ЯМО объясняется также двуязычием коммуникативной ситуации: «В то время как одноязычный в пополнении своего словаря полагается на исконный лексический материал

и на те заимствования, которые были переданы ему предшественниками, двуязычный индивид имеет в своем распоряжении как постоянно присутствующий источник лексических инноваций еще один язык» (Вайнрайх 1979: 98). Столкнувшись с дефицитом наименований, билингв инстинктивно идет по пути наименьшего сопротивления (принцип языковой экономии) – заимствует недостающее наименование, ликвидируя номинативную лауну, тем более что заимствование гарантирует по крайней мере формальную точность.

В результате значительная, если не большая часть ксенонимов-русизмов, вошедших в АЯМО (РК), это заимствования (см.: Кабакчи В.В. *The Dictionary of Russia*, 2002).

Множественное число ксенонимов-заимствований

Заимствуя иноязычные слова, английский язык редко сохраняет исходное **множественное число*. Обычно это наблюдается в случае греческих и латинских слов да избранного круга современных западноевропейских языков – французского, итальянского, испанского и/или немецкого:

crisis (греч.) – crises; phenomenon (лат.) – phenomena, parenthesis (греч.) – parentheses; graffito (итал.) – graffiti.

Множественное число ксенонимов-русизмов в подавляющем большинстве случаев образуется с использованием англоязычной формы множественного числа – ‘s’: »тройка» → troikas ◇ Cossack → Cossacks ◇ samovar → samovars. Использование исходной формы множественного числа встречается редко и используется либо в научном стиле, либо стилистически:

... a seventeenth-century memorial from Pskov remembers state secretary (*d'yak*) Grigorei Popinskoi, one of the many *d'yaki* immortalized in epitaphs (Kaiser 2004: 446).

Traditional *zakuski* include small open sandwiches, *buterbrody*... (Chamberlain 1988: 32).

This is why pies such as *pirogi*, *pirozhki* and *koulebiaca*, and pancakes such as *blini*, *oladi* and *blinchiki*, play such an important role throughout Russian cuisine (Craig, Novgorodsev 1990: 7).

Колебания возможны в пограничных случаях, когда ксеноним-заимствование завершает стадию ассимиляции. Ср.:

If you squint your eyes and ignore the rattling of *elektrichki* suburban trains passing every few minutes... (*SPbTimes* 28.05.2004).

There are two types of trains that will get you to most of these towns, *elektrichkas* (suburban trains) and normal long-distance trains. *Elektrichkas* have the advantage of running more frequently and are less expensive (Fodor 1999: 141).

Вместе с тем следует признать, что заимствование русскоязычной формы множественного числа является скорее исключением, чем правилом, и чаще всего встречается в случае неассимилированных русизмов.

Избыточное множественное число

Нередко заимствование во множественном числе исходного языка воспринимается как форма единственного числа, после чего ему присваивается «местное» множественное число. Так, в частности, русские поступили с английскими словами *bucks*, *clips*, превратив их в «баксы» и «клипсы».

В АЯМО (РК) такое «избыточное» множественное число наблюдается в случае русизма «блины», который нередко передается в английском языке ксенонимом *blinis*:

Before Alex departed, Nicholas persuaded her parents to give her a special tea dance, followed by a supper of ***blinis*** and fresh caviar (Massie 1967: 54).

Впрочем, в последнее время от этой практики стали отказываться (см. ниже: процесс «реставрации»).

Произношение заимствованных ксенонимов

Прежде всего, следует заметить, что тексты АЯМО (РК) не рассчитаны на устное общение, которое требует предельного упрощения текста, а следовательно, специальные заимствованные ксенонимы здесь маловероятны, если, конечно, речь не идёт об общении специалистов, но в этом случае проблемы произношения подобных заимствований не существуют. Поэтому рассматривается лишь та ситуация, когда необходимо произношение подобных ксенонимов в ориентации на неподготовленного адресата.

Практика межкультурного общения показывает, что произношение заимствованной ксенонимической лексики зависит от целого ряда причин. Существует два основных способа произношения заимствованных ксенонимов: (1) методом *трансплантации*, т.е. стремление воспроизвести оригинальное произношение и (2) с использованием ассимиляции заимствования, то есть его адаптация в соответствии с фонетическими нормами ЯМО.

В первом случае сохраняется фонетический стандарт исходного языка, идионим в его изначальной форме привносится в язык межкультурного общения. В этом отношении в АЯМО в привилегированном положении оказываются французский, итальянский, испанский и немецкий языки: трансплантация произношения в этих случаях наиболее распространена. Характерно, например, что дикторы

World Service of the BBC тщательно проговаривают методом трансплантации («цитации») неассимилированные заимствования именно из этих языков.

Во втором случае фонетика идионима приспосабливается к фонетическим закономерностям языка межкультурного общения (ЯМО), в результате чего возникает несколько измененный, ассимилированный вариант идионима, который и выполняет функцию ксенонима. Такие ассимилированные варианты произношения ксенонимов обычно складываются исторически, зачастую существенно отличаясь от произношения этимонов. Эти ассимилированные варианты мы в дальнейшем будем называть *традиционными ксенонимами*. Как правило, ассимиляция фонетическая тесно связана с ассимиляцией графической – Cossack, Moscow, Siberia, steppe. Если мы имеем дело с неосвоенными заимствованиями, на этапе его освоения возможны колебания в произношении.

В подготовленной аудитории слушателей, интересующихся русской культурой, а значит, в той или иной мере знакомых и с русским языком, не говоря уже об аудитории специалистов, говорящий получает возможность вводить русизмы методом *трансплантации*, то есть сохраняя русское произношение этих слов. И конечно же, трансплантация оригинального произношения заимствованного ксенонима-русизма уместна в тех случаях, когда мы имеем дело с изучающими русский язык. В этом отношении это наиболее благодарная аудитория.

В последнее время в связи с увеличением числа туристов, желающих самостоятельно знакомиться со страной, путеводители и разговорники стали объяснять произношение некоторых русизмов обычно с помощью доморощенной транскрипции:

Russians love ice cream, bought anywhere you see the label *morozhenoe*, мороженое ('*ma-ROH-zhinah-yuh*') (Noble et al. 1996: 146)

Paskha, pronounced 'pass-ha', literally means 'Passover' and it is also the Russian word for Easter (Craig, Novgorodsev 1990: 91).

In the evening you might have a light snack of бутерброды *butirBRODy* (open-faced sandwiches)... (Beyer 2001: 81).

Следует также возразить против неоправданной ассимиляции русизмов. Аудитория иностранцев с пониманием воспринимает правильные варианты произношения тех ксенонимов, которые в традиционном АЯМО (РК) подверглись ассимиляции. В частности, до сих пор еще встречается вариант Mussorgsky, который произносится «Масóгски». Между тем правильное произношение из уст носителя языка и культуры не вызывает возражений.

Заемствования-аббревиатуры

**Аббревиатуры*, или *сложно сокращенные слова* стали особенно продуктивны во всех языках с приходом XX века. Естественно, что аббревиатуры присутствуют и в языке межкультурного общения (ЯМО), включая и АЯМО (РК).

Существует два вида сложносокращенных ксенонимов:

1) аббревиатура англоязычного словосочетания, используемого в качестве ксенонима (the Union of Soviet Socialist Republics → the U.S.S.R.; Commonwealth of Independent States → C.I.S.; ср.: США); в этом случае не приходится говорить о заимствовании;

2) собственно аббревиатура-заимствование (MGU, KGB, FSB; ср.: Би-Би-Си).

Популярность терминов-аббревиатур хорошо видна на следующем примере:

The KGB is the latest acronym for an organization that was founded in 1917 as the Cheka and was successfully known as GPU, OGPU, NKVD and MGB (*Time* 23.06.1980).

Ряд заимствованных аббревиатур вошёл в число базовых ксенонимов, в том числе уже упомянутый KGB, а также аббревиатура идионима «автомат Калашникова»:

In his hands was the AK-47, shiny and new (Meier 2004: 61).

Если в состав заимствованных аббревиатур входят сочетания латинских букв, передающих буквы русского алфавита (например: «х» → kh, «щ» → shch), прописью пишется лишь первая буква (MKhAT; TsUM, VDNKh):

[Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko] founded the Moscow Arts Theatre (MKhAT) (CamEnc 1994: 270).

При введении специальных заимствованных аббревиатур в текст в качестве пояснения, как правило, используется калька полного наименования идионима:

Higher degrees are not awarded by the institutes themselves, but by the ministry's Higher Degrees Commission or VAK (*Vyssshaya Attestatsionnaya Komissiya*) (CamEnc 1982: 402).

The Leningrad Nuclear Power Station, or LAES, is located in the town of Sosnovy Bor... (*SPbTimes* 25.04.2006).

Аббревиатуры особенно распространены при передаче наименований различных учреждений: VTsIOM, Sibneft, Gazprom. Именно аббревиатура нередко выполняет функцию гаранта обратимости, используясь как средство ксенонимической привязки:

Eight helicopters sent by the Emergency Situations Ministry, or MChS, rescued the fishermen... (*SPbTimes* 29.02.2000).

Аббревиатуры позволяют сокращать текст (принцип языковой экономии), а также очень удобны в качестве ксенонимической (номинативной) привязки:

Following the termination of the U.S.S.R. in 1991, Russia joined with other former Soviet republics in forming the Commonwealth of Independent States (CIS) (EncBr).

Moscow State University (*Moskovskiy Gosudarstvenniy Universitet*) – known by its initials as MGU ... – occupies the largest of the city's skyscrapers (Richardson 2005: 196).

Показательно регулярное заимствование в текстах о системе образования аббревиатуры VUZ, хотя для этого, на первый взгляд, нет никаких оснований:

Higher educational institutions (*Vysshie Uchebnye Zavedeniya*, or VUZy) are not clearly divided into universities and others... (CamEnc 1982: 401).

The Soviet system requires most candidates to pick one VUZ (higher educational institution) and one faculty in that VUZ for which to take exams (Smith 1976: 238).

Здесь повторное использование русской аббревиатуры VUZ позволяет автору избежать более протяженного наименования. Любопытно, что в данном случае экономный английский язык не располагает столь удобной аббревиатурой, и авторы нередко прибегают к заимствованию русизма.

Произношение заимствованных ксенонимов-аббревиатур

С точки зрения произношения ксенонимические аббревиатуры-заимствования можно разделить на три группы.

(1) Русскоязычная аббревиатура-этимон состоит из букв, которые коррелируют с соответствующими буквами латинского алфавита, например: КГБ. В этом случае заимствование осуществляется просто: посредством подстановки соответствующих букв – KGB, и ксеноним произносится в полном соответствии с законами произношения сложно-сокращенных слов типа FBI, USA, BBC, то есть в соответствии с произношением соответствующих букв в алфавите английского языка.

(2) Предпринимается попытка передать графически произношение этимона-идионима:

The Soviet authorities transformed that Committee into the Supreme Economic Council ('Vesenkha,' from its Russian initials)... (CamEnc 1994: 392).

Следует признать, что в АЯМО (РК) этот способ образования ксенонимов малопродуктивен.

(3) Особый случай представляют русские аббревиатуры, которые включают в себя буквы, не имеющие монографа-коррелята в латинском алфавите, то есть при передаче которых приходится использовать либо диграф (например: Ц → Ts), либо полиграф (Щ → Shch). Примерами аббревиатур этого типа могут служить ксенонимы MKhAT, VDNKh, TsSU. Англоязычные тексты обычно не содержат в себе указаний на их произношение, а в словарях такие аббревиатуры не отмечены. Впрочем, не трудно понять, что произношение подобных аббревиатур, которое под силу только специалистам, аналогично произношению аббревиатур второго типа (если, конечно, они произносятся), то есть заимствование произношения этимона, например, Vecheka, а не VChK:

Also, on 6 December 1918 the All-Russian Extraordinary Commission of the Council of People's Commissars for Combating Counter-Revolution, Sabotage and Speculation, known as Vecheka, was set up (CamEnc 1994: 103).

Здесь автор заимствует вариант русского произношения этой аббревиатуры – «ВЧК».

Пояснение произношения слова нередко достигается с помощью такого написания слова, которое, по мнению автора, облегчает читателю этот процесс:

«...across from me was that department store, Goom's ...» «Not Goom's,» said Nick. «There isn't anybody named Goom. It isn't like Gimbel's or Macy's.» «Gey-Ou-Em,» said Prescott absently from his preten-o'clock silence» (Wilson 1961: 163).

Небезынтересна смешанная (гибридная) аббревиатура российско-английской компании ТНК-ВР. По-русски название этой компании произносят «Тэ-Эн-Ка-Би-Пи», то есть русскую часть на русский манер, а английскую – на английский. Между тем эта же аббревиатура для англоязычных звучит на английский манер в обеих ее частях:

British energy giant BP said Tuesday it had recalled all 148 staff sent to Russia to work for its TNK-BP venture amid ongoing Russian attempts to end foreign control of major energy assets. (Jackson R., www.cnn.com, дата обращения: 22.06.2008).

В среде лиц, знакомых с русской культурой и в той или иной степени с русским языком, используются ксенонимы со своеобразным произношением:

I have seen how the average *gaishnik* (auto inspector) stands for hours in snow or stifling heat... (SPTimes 19.11.1996).

Nor were drivers convinced that the new scheme will correct the notoriously corrupt ways of the gray-uniformed *GAishniki* (SPTimes 18.02.1997).

Очевидно, что только те, кому знаком идионим «гаишник», способны воспроизвести это слово.

Калькирование

Нередко в англоязычных описаниях русской культуры используются ксенонимы следующего типа:

In 1937 Alla Tarasova became a **People's Artist of the U.S.S.R.**, and in 1973 she was declared a **Hero of Socialist Labour** (EncBr).

Такие образования в лексикологии известны как «кальки»: «Кальками мы называем слова и выражения, образованные путем буквального перевода, по образцу выражений, взятых из иностранного языка» (Балли 1961: 69).

Фактор принципа языковой экономии, который в значительной степени определяет ситуацию билингвизма межкультурной коммуникации, определяет стремление коммуникантов свести к минимуму преодоление двуязычной асимметрии. Поскольку заимствования представляют собой существенные неудобства в общении, в особенности для неподготовленного адресата, наблюдается стремление избегать введения в текст этих инородных образований, столь сложных для произношения, запоминания и семантически непрозрачных.

Уже Г. Пауль заметил, что «те же самые культурные влияния, которые вызывают приток иноязычного словарного материала, всегда приносят с собой также и целый ряд чужеземных представлений, облаченных в форму родного языка» (Пауль 1960: 471). Фактически лингвист имел в виду калькирование:

**Калькирование – это опосредованное заимствование, когда заимствуется не материальный знак, а либо воспроизводится его лексическая модель (лексическая калька) – Old Believer, либо на уже существующее слово распространяется под влиянием иностранного слова значение последнего (семантическая калька) – the Hermitage. Не случайно, в англоязычной лингвистике чаще используется термин «translation loan».*

В основе калькирования лежит возможность снять билингвистическую лексическую асимметрию, связанную с существованием лакуны в языке описания иноязычной культуры, посредством обращения к исторически сложившимся бинарным межъязыковым образованиям. В данном случае имеются в виду не только уже упоминавшиеся выше *бинарные полионимы* («учитель»/teacher; «декабрь»/December); бинарные глаголы («верить»/believe), но также любые *бинарные межъязыковые лексемы*, например, бинарные прилагательные («старый»/old; «белый»/white), бинарные аффиксы («-ист»/-ist), которые регулярно в ходе межкультурной коммуникации

ассоциируются друг с другом, оказываются взаимоконвертируемыми. В результате, если, скажем, возникает необходимость образовать ксенонимы от идионимов «старовер» или «декабрист», наряду с заимствованиями *starover* и *Dekabrist*, возникает возможность «снять с этих прототипов лексические кальки»: Old Believer, Decembrist.

Лексическое калькирование

**Лексическое калькирование* – это механическая замена морфем иноязычной языковой единицы соответствующими морфемами принимающего языка.

В рамках ЯМО калькирование как способ образования ксенонимов это воспроизведение идионима-прототипа с использованием лексических единиц языка общения. Если обратиться к русскоязычному описанию английской культуры периода революции XVII века в Англии, примером лексического калькирования может служить русскоязычный ксеноним «круглоголовые», воспроизводящий таким образом идионим-прототип Roundheads: так называли сторонников Кромвеля. Это и есть лексическая калька: заимствована лишь модель англоязычного идионима, которая, воспроизводит с помощью русских морфем лексическую структуру прототипа.

Множество ксенонимов АЯМО обязано своему происхождению именно калькированию:

Blackfoot: – a member of a North American tribe of Indians of Algonquian stock (RHD).

Black Forest (German **Schwarzwald**): a hilly wooded region of SW Germany (OEED).

Fifth Republic: the republic established in France in 1958, the successor of the Fourth Republic (RHD).

Final Solution: the Nazi program of annihilating the Jews of Europe during the Third Reich. (1945-50; translation of German *endgültige Lösung*) (RHD).

People's commune: a usually rural, Communist Chinese social and administrative unit... (RHD).

Весьма продуктивно лексическое калькирование и в ксенонимии АЯМК (РК):

black earth	↔ чернозём;
Black Hundred	↔ чёрная сотня;
cult of personality	↔ культ личности;
‘enemy of the people’	↔ враг народа;
five-year plan	↔ пятилетний план;
hammer and sickle	↔ серп и молот;
Old Believer	↔ старовер;

overfulfilment	↔ перевыполнение;
peaceful coexistence	↔ мирное сосуществование;
show trial	↔ показательный процесс;
Time of Troubles	↔ смутное время;
War Communism	↔ военный коммунизм.

То, что калька менее точна, чем заимствование, хорошо видно из следующего примера, в котором калька «подстраховывается» заимствованием:

[Rostov's] first and primary product came from its soil, Russia's famed **black earth**, its **chernozem** (Meier 2004: 67).

Хотя лексические кальки и не обеспечивают той формальной точности, которая достигается при заимствовании (в особенности методом трансплантации), зато они обратимы с достаточной степенью уверенности, легко запоминаются и воспроизводятся и несут в себе значение, которое в большей или меньшей степени совпадает со значением идионима-прототипа, ср.:

- «военный коммунизм» / War Communism;
- «социалистический реализм» / Socialist Realism;
- «дворец культуры» / Palace of Culture;
- «Содружество независимых государств» / Commonwealth of Independent States.

Так, появившееся в 1990-х гг. выражение «ближнее зарубежье» немедленно было воспроизведено посредством калькирования на английском языке: Near Abroad (ср.: Nahes Ausland, в немецком языке):

Russian politicians have even coined a new phrase – the Near Abroad – to distinguish between the former republics and the rest of the world (*Time* 07.12.1992).

Интернациональная лексика в калькировании

Межкультурная коммуникация значительно упрощается возможностью обращения к интернациональной лексике. Об этом, в частности, пишет автор книги *Coping with Russia*:

Once you know the alphabet, you will begin to recognize dozens of Russian words that are similar in English and other European languages. Starting from the **аэропóрт** (**airport**), you will collect your **бага́ж** (**baggage**), be met by a **гид** (**guide**), get into an **автóбус** or a **такси** (**bus** or **taxi**), have a meal in a **ресторáн** (**restaurant**) or a **буфéт** (**buffet**), speak on the **телефóн** (**telephone**), go to the **óпера** (**opera**) or **балéт** (**ballet**), and so on (Daglish 1985: 35-36).

Интеронимы широко представлены во всех европейских языках:

армия – army [E] – armée [Fr] – Armee [Ger];

экспорт – export [E] – exportation [Fr] – exportación [Sp] – esportazione [It] – Export [Ger];

география – geography [E] – géographe [Fr] – geografía [Sp/It] – Geographie [Ger];

фотография – photography [E] – photographie [Fr] – fotografía [Sp] – Photographie [Ger];

такси – taxi [E/Fr/Sp] – tassi [It] – Taxi [Ger];

транспорт – transport [E/Fr] – transporte [Sp] – trasporto [It] – Transport [Ger].

Калькирование значительно облегчается наличием гомогенных бинаров, в основе которых лежит *интернациональная лексика*. Они имеют большее или меньшее формальное сходство, поскольку исторически восходят к одному и тому же этимону, чаще всего греческого или латинского языка: «армия»/army, «демократия»/democracy.

Constitutional Democratic Party – a former Russian political party that advocated a right-wing policy in foreign and domestic affairs (RHD).

Socialist Realism – a state approved artistic or literary style in some socialist countries, as the USSR (RHD).

Rodchenko led a wing of artists in the **Constructivist** movement – the **Productivist** group – who wanted to forge closer ties between the arts and industry... (EncBr).

In any Russian city the word *tseñtr* (center) is used to denote the downtown area; throughout the country at large, *tseñtr* also refers to Moscow itself, the center of everything in Russia (Shernoff 75).

Слой интернациональной лексики наилучшим образом подтверждает мысль о том, что в недрах земного многоязычия расширяется лексическая база будущего Всеобщего языка.

Продуктивность лексического калькирования

Кальки-ксенонимы продуктивны в межкультурном общении и в этом отношении уступают лишь заимствованиям. Частотность калек объясняется их удобством в межкультурном общении: неспециалисту кальку запомнить легче, нежели заимствование, поскольку она образована из элементов родного (знакомого) языка, легче воспроизвести. Ср.:

chernozem vs black earth ◇ *blizhnee zarubezh'e* vs Near Abroad.

Удобство кальки заключается также в ее обратимости: поскольку кальки состоят из слов и морфем, коррелирующих с соответствующими словами и морфемами языка внешней культуры. Кальки-ксенонимы почти автоматически возводятся к своим идионимам-прототипам:

black earth	→	чернозем;
Decembrist	→	декабрист;

«Near Abroad» → ближнее зарубежье.

Несмотря на все преимущества лексических калек, они уступают в формальной точности заимствованиям. Неудивительно, что в топонимике, где точность наименования географического названия играет особую роль, кальки, несмотря на предоставляемые ими преимущества, заменяются заимствованиями. «С карты мира стирается одна калька за другой. (...) Кальки не вызывают неудобства, пока их употребление оставалось делом внутренним, теперь международные связи способствуют установлению единого названия» (Никонов 1965: 127).

Добавим, что замаскированность калек как скрытых заимствований проявляется в том, что они сравнительно быстро проходят стадию «натурализации», после чего только специалист может определить, что языковая единица в принципе скалькирована с иноязычного образца. Так, только свидетельство Большого оксфордского словаря позволяет нам убедиться в том, что англоязычный политический термин *peaceful coexistence* – это калька с русскоязычного словосочетания «мирное сосуществование», а не наоборот. Согласно этому словарю, выражение *peaceful coexistence* впервые отмечено в 1920 году в работах В.И. Ленина (OED, 2 изд.). Вот почему приводимое ниже предложение воспринимается англоязычным читателем без труда, тем более что и аббревиатура NEP становится естественным сокращением англоязычного словосочетания *New Economic Policy*:

...I wanted to hear his ideas about Elitification, Collectivization and the NEP (Williams 1973: 60).

Семантическое калькирование

Если снова вернуться к русскоязычному описанию английской революции XVII века, примером иного типа калькирования может служить идиомин *Cavalier*, которым обозначали сторонников монархии. В русскоязычном варианте данному прототипу соответствует ксеноним-коррелят «кавалер». Такие образования называются *«семантическими кальками» (*semantic loans*). Таким образом, *семантическое калькирование* – это появление у слова нового значения под влиянием иностранного языка.

Лексической базой семантического калькирования служат бинарные полионимы: *библиотека/ library*, *больница/ hospital*, *учитель/ teacher*, *правительство/ government*, *дипломат/diplomat*. Семантическое калькирование, в отличие от лексического, не создает новую языковую единицу, а добавляет к уже существующему слову новое значение, фактически новый ЛСВ (*лексико-семантический вариант слова*), на что, в частности, указывает и нумерация значений (*senses*) толкуемого слова в словаре:

department 1677. 3. One of the districts into which **France** is divided for administrative purposes. 1792 (SOED)

Здесь английское слово **department** приобрело дополнительное значение в ориентации на французскую культуру.

В процессе семантического калькирования происходит сужение значения, вплоть до возникновения имени собственного. Не случайно ксенонимы, образованные в АЯМО таким образом, зачастую пишутся с большой буквы:

prophet: 4. (**the Prophet**) Muhammad (OEED)

immortal: 3. (**the Immortal**) a member of the French Academy. (OEED)

resistance: 5. (**the Resistance**) the organized underground movement in a country fighting against a foreign occupying power, a dictatorship, esp., as in France during the Nazi occupation (WNWD)

Аналогичным образом возникают семантические кальки-ксенонимы на материале русского языка и русской культуры. Так, в советское время (по данным OED – в 1929 году) под влиянием русского слова «пионер» у английского слова **PIONEER** появилось (и стало фиксироваться словарями) новое значение: «член советской молодежной организации» – (Young) Pioneer:

Immediately senior to the Young Octobrists, the Pioneers cater for young people aged 10-14/15 years (CamEnc 1982: 301).

Здесь две ксенонимические кальки: лексическая (Octobrist) и семантическая (Pioneer).

Еще одна семантическая калька возникла на базе полионима *thaw*, который традиционно в ходе англо-русских межъязыковых контактов автоматически соотносится с русским словом «оттепель». Образовавшийся ксеноним используется для обозначения понятия «хрущевская оттепель»:

...Russian writing during "the Thaw" allowed by late Soviet leader Nikita S.Khrushchev (*LA Times* 10.10.1996).

В результате семантического калькирования слово приобретает дополнительное значение в ориентации на русскую культуру, которое фактически является отклонением от традиционного употребления этого слова. Пока это новое значение еще не вошло в узус АЯМО (РК), первоначальное употребление этой семантической кальки обычно оговаривается: либо используется вводный лексический оборот *so-called*, либо слово выделяется кавычками; иногда используются оба способа выделения неоксенонима (впрочем, стилисты это не одобряют):

"Assistants", who run practical classes, but do not give lectures... (Ashby 1947: 80).

The party decree of 10 February 1948 accused a number of Soviet composers of «formalism»... (CamEnc 1994: 252).

В английском языке появилось новое значение у слова *hermitage*, которое выделяется прописной буквой и сопровождается определенным артиклем:

hermitage 1. the habitation of a hermit; 2. any secluded place of residence or habitation; retreat; hideaway; 3. (**the H.**) a palace in St Petersburg built by Catherine II and now used as an art museum (RHD)

Иными словами, в случае семантического калькирования идионимарусизма английское слово метафорически переосмысливается в приложении к элементу внешней (русской) культуры. Ср:

Unique in Russian folk-song is the so-called 'lyrical' song... (CamEnc 1994: 256).

Естественно, что интернациональная лексика существенно облегчает и семантическое калькирование. Формальное совпадение слов, нередко сопровождаемое хотя бы частичной общностью значения, облегчает переосмысление слова. Так петровские «**коллегии**» превращаются в АЯМО (РК) в **colleges**; английский военный термин **cadre** принимает на себя функции русского слова «**кадры**»; семантическая калька **apparatus** сосуществует с заимствованием **apparat**.

Ложные друзья переводчика (ЛДП)

Если внимательно изучить перечень интернационализмов, которые перечисляет R. Daglish в приведенном выше отрывке, показывая, насколько они облегчают жизнь иностранцам в России (airport, baggage, guide, taxi, restaurant, buffet), нетрудно заметить, что пара «буфет»/buffet далеко не идеальна в своей эквивалентности: английское слово обозначает, как и в русском языке, место, где можно перекусить, но преимущественно на железнодорожной станции. То есть фактически мы здесь сталкиваемся с одним из представителей той группы лексики, которую принято называть *«*ложными друзьями переводчика*», ЛДП (калька с французского словосочетания *faux amis*), т.е. интернациональные слова, которые, совпадая в рамках двуязычия по форме, различаются своим значением (ср.: «магазин» и magazine, «декада» и decade, «новелла» и novel).

Интернациональная лексика, бесспорно, значительно упрощает межкультурную коммуникацию, в полной мере отвечая *принципу языковой экономии*. Гомогенные бинары (в традиционной отечественной терминологии — интернационализмы) «массово и регулярно отождествляются» двуязычными словарями (Интернациональные элементы 1980: 47). К сожалению, подобные бинары, соотносясь формально, далеко не всегда совпадают по своему значению: «Собственно интернациональные слова, полностью совпадающие по значению,

встречаются сравнительно не часто» (Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960: 89). Попав в язык из другого языка, заимствование начинает свою самостоятельную жизнь, и связанное с ним значение может существенно разойтись со значением исходного слова (этимона). Так возникают ложные друзья переводчика.

Повышенный интерес к этому лексическому явлению наблюдался в 1960-х гг. и в СССР был связан в первую очередь с работами В.В. Акуленко. В частности, можно назвать *Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»*, созданный под его руководством в 1969 году, куда вошла и его статья о ЛДП. Сфера ЛДП достаточно обширна. В частности, В.В. Акуленко пишет о существовании в англо-русскоязычной контактной паре языков нескольких тысяч ЛДП, прежде всего в рамках имени существительного, прилагательного, наречия и глагола.

К ЛДП вернулись в самое последнее время в связи с небывалым масштабом изучения английского языка в качестве второго или иностранного, что неизбежно сталкивает изучающих язык и с проблемой ЛДП. Их уже стали включать в учебные словари, например, *Cambridge International Dictionary of English*. ЛДП встречаются и в практике АЯМО (РК). Рассмотрим несколько характерных примеров.

The **academic** Musin, who was set to be his thesis adviser, says the subject was German corporate law (Jack 2005: 66).

Для современного английского языка более характерно использование слова *academician*. В этом предложении явно ощущается «давление формы». Ср.: **academic**: a teacher or scholar in a university or institute of higher education (OEED).

К ЛДП следует отнести и межъязыковую пару «академический» и «academic». «Академический» в современной русской культуре это прилагательное, используемое в качестве почетного титула творческих коллективов и исполнителей. Для слова «academic» такое значение не характерно:

academic 1.a. scholarly; to do with learning. b. of or relating to a scholarly institution (*academic dress*). 2. abstract; theoretical; not of practical relevance. 3. Art conventional, over-formal (OEED).

Между тем в АЯМО (РК) это английское прилагательное наполняется «русскокультурным» содержанием:

Outstanding among present-day choral ensembles are the **Academic** Russian Choir ... and the **Academic** Kapella and the Kapella Boys' Choir in St Petersburg (CamEnc 1994: 260-61).

Показательно, что в словаре В. Crowe советской культурной терминологии мы находим множество слов, которые должны были бы

причисляться к ЛДП и, следовательно, избегаться в общении, но которые, тем не менее, употребляются в практике межкультурного общения, подвергаясь переосмыслению: **aspirant, brigade, cadre, gastronom, lecturer**, и множество других. Очевидно, что «естественный отбор» языковых единиц идёт в соответствии с законами, которые необходимо установить. Фактически при переориентации этих слов в область русской культуры происходит их переосмысление, их настройка на «волну русской культуры»:

The Russian «romance», the lyrical sentimental or passionate song, also developed with Glinka... (Fodor 1989: 111) ♦ The romance that Nabokov heard his uncle sing... (Field 1986: 37).

Чтобы показать, что слово употреблено в необычном значении, его обычно выделяют кавычками, которые и выполняют функцию маркера-сигнала изменения значения слова:

[Her father] had been arrested during the Stalinist purges and «liquidated», **as the Soviets say** (Smith 1991: 124).

Локалоиды

Изучение английского языка в его вторичной культурной ориентации на материале АЯМО (РК) показывает появление новых тенденций в использовании ЛДП. В частности, в практике описания иноязычной культуры изредка прибегают к языковому приему, который еще мало изучен в лингвистике по той причине, что при переводе художественного произведения он неприемлем и практически не используется:

[He] calls himself a "**fermer**" – borrowing from English to convey the novel and alien concept of owning farmland and working it yourself (SPbTimes 14.05.1996).

Как видим, в текст вводится транслитерированный вариант легко узнаваемого английского слова. Будем такие слова называть «локалоидами».

**Локалоидами* будем называть интеронимы, вводимые в текст в их иноязычной графике. Сделаем оговорку, что в случае АЯМО (РК) локалоид, как правило, приводится в транслитерции. Иными словами, имеются в виду не university, а *universitet*, не taxi, а *taksi*, не businessman, а *biznesmen*, не hooligan, а *khuligan*:

A Russian «**kafe**» is not a café in our sense of the word, but rather a type of cafétéria or snack bar (Baedeker: 157).

Now the crime Lenin called speculation was known as **biznes**... (Meier 2004: 67).

К локалоидам часто прибегают западные авторы, чтобы показать, насколько русский язык насыщен англицизмами (они используют термин Russlish):

Demokratiya, konstitutsiya, parlament and *Prezident* are all foreign additions to the Russian vocabulary (*Time* 27.05.1996).

Введение в текст локалоида, фактически заимствования, обеспечивает уверенную обратимость «малой кровью», поскольку используется семантически и графически прозрачная языковая единица, механически ассоциируемая с соответствующей интернациональной единицей языка описания, например:

Mention should also be made of the newspaper *Argumenty i fakty*, which, as its title implies, specializes in supplying its readers with concrete information... (CamEnc 1994: 241).

Как видим, автор признает прозрачность заимствованного ксенонима («as its title implies»). Введение в текст локалоидов позволяет решить несколько задач. Во-первых, локалоиды позволяют доступно разграничить значения формально соотносимых культуронимов:

Demokratizatsiya – another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent – democratization (*Canadian Tribune* 29.02.1988).

Как видим из приводимого примера, автор сам отмечает расхождение значения русизма (*Demokratizatsiya*) и соответствующего англоязычного интерполионима-коррелята (democratization): «it does not mean the same thing as its English equivalent».

Во-вторых, локалоиды удобны для *нейтрализации двусмысленности ЛДП*, в частности, расхождение значений слов «anecdote» (занимательная история, обычно из жизни замечательных людей) и «анекдот». Ср.:

(1) The princes were brought up in the court at Baghdad and educated in the Qur'an (the holy book of Islam), poetry, music, **anecdotes** about the Prophet Muḥammad, early Islamic history, and current legal practice (EncBr).

(2) Nikita Khrushchev and Leonid Brezhnev were the butt of many popular jokes – referred to by Russians as **anekdoty** (*SPbTimes* 24.03.2000).

Первый пример хорошо показывает неприемлемость русского значения для англоязычного текста. Именно поэтому автор второго примера вводит в описание русской культуры «локалоид» *anekdoty*.

Наконец, локалоиды могут использоваться и в качестве *ксенонимической привязки*:

Students completing the required curriculum, a diploma project and state examinations receive a diploma (**diplom**)... (Rosen 1971: 92).

The term, apparatus (**apparat**) is applied to these full-time Party functionaries (CamEnc 1982: 300).

В тех случаях, когда в транслитерации русизм совпадает с соответствующим англоязычным словом, можно использовать курсив:

[Sakharov] is an inward man, a Russian *intelligent*, an intellectual through and through (Smith 1976: 534).

В отличие от приведенного выше примера, в данном предложении ложные друзья переводчика (ЛДП) «интеллигент» и «intelligent» разграничиваются графически. Аналогичен и следующий пример, в котором идионим «клуб» транслитерируется, и это позволяет автору указать на специфику значения русизма:

The term *klub* can cover anything from an art house café with a spot of live music to a dance warehouse, or a fancy nightclub with a restaurant and casino (Richardson 2005: 351).

Калькируемость идионимов

Под **калькируемостью* будем понимать возможность воспроизведения иноязычной единицы лексическими средствами данного языка. Если бы все идионимы могли воспроизводиться посредством калькирования, проблема образования ксенонимов в значительной степени была бы разрешена. К сожалению, калькирование возможно лишь в тех случаях, когда для этого существует благоприятная лексико-семантическая база, которая позволяла бы в каждом отдельном случае образовать либо лексическую, либо семантическую кальку: «военный коммунизм» → War Communism; «конструктивизм» → Constructivism; «Эрмитаж» → the Hermitage. Однако так происходит далеко не всегда. Например, попытка на базе английских слов воспроизвести русский идионим «**дворянское собрание**» приводит к следующим результатам у различных авторов:

a club for the nobility (Fodor 1989:144) ◇

the Hall of the Nobility (CamEnc 1994: 264) ◇

Assembly of Nobility ◇

the classical Dvoryanskoye Sobraniye (Diet of the Nobles) (Fodor 1989: 224) ◇

a gentlemen's club (Baedeker: 140).

При этом следует учесть, что идионим «дворянство» на английском языке нередко передается также аналогом gentry. Или, скажем, русский идионим «**Бубновый валет**», объединение художников начала XX века, одними передается как the **Knave** of Diamonds, в то время как другие авторы предпочитают вариант the **Jack** of Diamonds. Таким образом, налицо ксенонимическая вариативность.

С учетом сказанного будем говорить о двух видах калькируемости. **Высокая калькируемость* идионимов наблюдается в тех случаях, когда возможно образование одного и только одного ксенонимического варианта, уверенно обратимого в исходный идионим-прототип. Такая калькируемость возможна тогда, когда идионим-прототип состоит из

частей, которым в языке описания есть бесспорные бинарные соответствия, например: «пятилетний план» ↔ five-year plan ◇ «декабрист» ↔ Decembrist. **Низкая калькируемость* наблюдается в тех случаях, когда идионим-прототип не может быть однозначно воспроизведен посредством использования единиц данного языка (см.: «дворянское собрание»). Отсюда и возникновение ксенонимических вариантов при попытке воспроизведения посредством калькирования таких идионимов, как «Слово о полку Игореве» или «Горе от ума».

Реальное и буквальное значение ксенонимов-калек

При использовании ксенонимических калек следует учитывать соотношение **реального* (ksenonimicheskogo) значения кальки и ее **буквального* значения (literal meaning). В первом случае речь идет о значении идионима-прототипа, которое (в идеальном случае) должно переноситься на образованный посредством калькирования ксеноним. Во втором случае мы имеем дело с механическим сложением значений морфем, из которых складывается лексическая калька.

На эту особенность калек указывали специалисты в области перевода: «...калькирование не всегда раскрывает для читателя, незнакомого с иностранным языком, значение переводимого слова или словосочетания. Причина этого в том, что сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется, чаще всего, нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов...» (Бархударов 1975: 99). При этом искажение первоначального значения чаще всего наблюдается в случае калькирования идиоматики. Примером может служить название фильма Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром». Пояснение идиоматической части этого названия можно дать только с помощью целого абзаца. Калька этого названия производит странное впечатление на иностранцев:

«Ironiya sudby, ili s Lyogkim Parom,» or The Irony of Fate, or Light Steam, follows a Muscovite who drinks too much... (MTimes 25.12.1997).

Следует учитывать, что иностранцы в своем стремлении понять незнакомый им ксеноним, как правило, толкуют кальку именно в её буквальном значении. Поэтому интересны свидетельства самих иностранцев о буквальном значении некоторых ксенонимов-калек:

Of course, I haven't told you about the **Park of Culture and Rest** – awful name, isn't it, but it's one of the places we like best (Miller 1958: 67).

...local **Palaces of Culture**, as Russians pompously call their community centers (Smith 1976: 219).

Поскольку неосвоенные кальки – это непривычные читателю языковые образования, совмещающие ксенонимическое значение с буквальным, они также нуждаются в специальном пояснении, по крайней мере при первичном введении их в текст:

Landscape was among the most popular themes introduced by the *Peredvizhniki*, or ‘**Wanderers**’, as members of the Association were called (CamEnc 1982: 168).

Характерно, что довольно часто слово ‘literally’ становится частью пояснения значения:

Lobnoye mesto. The name of the strange, round, white-stone platform in front of St. Basil’s Cathedral **literally** means «place of the forehead»... (Fodor 1999: 25).

Вместо слова literally могут использоваться кавычки:

Near Preobrazhenskoye there was a *nemetskaya sloboda* ("**German colony**") where foreigners were allowed to reside (EncBr).

В 1990 году американский журналист Н. Smith, восхищенный перестройкой и гласностью в ранее закрытом советском обществе, написал книгу *The New Russians*, вкладывая в заглавие только положительный смысл. В то время это было свободное словосочетание. Не прошло и десяти лет, как в постсоветской России возникло ироническое идионимическое словосочетание «новые русские»:

Most of these «New Russians» elite, by all accounts, acquired their money and influence by questionable means in the privatization carve-up... (*SPbTimes* 27.12.1996).

В результате заглавие этой книги стало двусмысленным.

Гибридные ксенонимы

Нередко в практике иноязычного описания культуры при образовании ксенонимов прибегают к языковым единицам смешанного типа: идионим-прототип частично заимствуется, а частично переводится. В результате возникает *гибридный ксеноним, то есть сочетание заимствованного элемента с переводным:

«Большой театр» → Bolshoi Theater ◇ «котлета по-киевски» → Kiev cutlet / chicken Kiev ◇

Подобные образования – это своеобразный симбиоз двух компонентов, каждый из которых выполняет важную коммуникативную функцию: заимствование выступает в качестве гаранта обратимости, в то время как переводной компонент облегчает понимание ксенонима, его запоминание и воспроизведение.

Гибридные образования неоднородны по своей структуре. Одну группу гибридных ксенонимов образуют так называемые *«полукальки»:

часть идионима-прототипа заимствуется, другая – калькируется. Это хорошо видно на примере ксенонимов «третьих культур»:

Bastille Day: July 14, a national holiday of the French Republic, commemorating the fall of the Bastille in 1789 (RHD);

Third Reich: Germany during the Nazi regime 1933-45 (RHD);

Tiananmen Square: a vast open square in central Beijing (RHD).

Характерны случаи параллелизма при образовании ксенонимов в разных языках (ксенонимы-корреляты вторичной корреляции): «Третий Рейх» – в русском языке, Third Reich – в английском языке.

Примерами *полукалек* русских идионимов могут служить: beef Stroganov, Bolshevik Revolution, Stanislavsky method, Soviet Union.

К гибридам-полукалькам следует отнести и ксенонимы типа: «раскулачивание → **dekulakization**»; «отказник → **refusenik**». В таких ксенонимах наблюдается сочетание русских и английских морфем: *starchestvo* («**staretsism**») (EncBr).

Переводная часть гибридных ксенонимов, однако, может и не иметь характер кальки. В частности, гибридный ксеноним *chicken Kiev*, следует скорее рассматривать как попытку описательной передачи русскоязычного кулинарного термина «котлета по-киевски» с включением в ксеноним заимствованного элемента. Поскольку в русском прототипе слово «куриный» отсутствует, полукалькой данный ксеноним признать нельзя. Полукалькой, скорее, следует считать другой вариант передачи данного идионима: *Kiev cutlet*, который также встречается в текстах АЯМО (РК):

I thought I'd try a cutlet Kiev with a cucumber garnish on the side... (Gray 1990: 85).

**Модель «matryoshka doll»*

Разновидностью гибридных ксенонимических образований следует считать ксенонимы такого типа, как *стиль ретро*, *сыр рокфор*, *суп харчо*. В этом случае на помощь заимствуемому компоненту приходит ближайший по значению родовой полионим («гипероним»). Результатом становится наименование-симбиоз: заимствуемый компонент обеспечивает обратимость, а сопровождающий его англоязычный полионим облегчает запоминание, понимание и воспроизведение ксенонима. Например:

This process was closely linked with the increase in the number of *potest'e* estates (land granted in return for military service)... (CamEnc 1994: 80).

Полионим, переводная часть такого гибридного ксенонима, в образованиях этого типа служит своеобразным семантическим «костылём», потребность в котором отпадает, как только заимствование

становится доступным и без этого пояснения. Специалисты в области теории художественного перевода пишут о продуктивности этого способа (Влахов, Флорин 1986: 93-94). Встречаются такие образования и в англоязычном описании русской культуры:

[We] watched a strong-armed farm woman kneading dough for the traditional ***kulich*** Easter cake (Smith 1976: 525).

...the **Hermitage Museum**, a compulsory stop on any itinerary for foreign statesman... (Jack 2005: 72).

Они оказываются достаточно удобными, особенно в популярных текстах:

the *lubok* woodcuts (Figes 2003: 271) ♦ a knout whip (Figes 2003: 199-200) ♦ *streletsy* musketeers (Figes 2003: 186) ♦ a non-filter *papirosa* cigarette (*SPbTimes* 25.05.2001) ♦ *shchi* cabbage soup (*SPbTimes* 22.09.2000) ♦ *solyanka* soup (Smith 1976: 409) ♦ *oblepikha* berries (Griffin: 73) ♦ *producty* store (*SPTimes* 16.05.2003).

Характерно, что в языке-источнике надобности в пояснительном компоненте, как правило, нет, поскольку здесь он представляется избыточным.

Следует отметить возможную вариативность последовательности компонентов в модели этого типа, поскольку заимствование может выступать и в качестве определяемого слова, и в качестве определения. Ср.:

kulich Easter cake = Easter cake *kulich*

Причем оба варианта – это разновидность введения в текст заимствования в целях обеспечения обратимости:

kulich (Easter cake) = Easter cake (*kulich*).

С точки зрения стилистики данная модель, независимо от порядка следования компонентов, менее формальна, нежели просто введение в текст заимствования, а из последних двух вариантов второй представляется наиболее формальным.

Модель "GUM department store"

Эту «тавтологическую» (tautological) модель следует рассматривать как разновидность предыдущей модели – *matreshka* doll. Отличие рассматриваемой модели в том, что заимствуемый компонент идионима-прототипа является *аббревиатурой*. Аналогом модели этого типа в русском языке может служить ксеноним «**Британская радиовещательная корпорация Би-Би-Си**»: в качестве пояснения обычно используется калька развернутого наименования данного элемента культуры. По сути дела, речь идет о тавтологическом обороте, поскольку в исходном языке пояснение аббревиатуры представляется излишним: никто не будет говорить «ГУМ универмаг» или «МГУ

университет». Аналогично англичанам не придет в голову расшифровывать the BBC как the British Broadcasting Corporation BBC.

Обороты типа GUM department store достаточно часто используются в АЯМО (РК):

[Interfax cited] a survey by the **VTsIOM opinion poll group** (*MTimes* 06.01.1998).

Klebanov, formerly the director of the **local optics firm LOMO**, was pushed hard by local liberals... (*SPbTimes* 06.01.1998).

Вот еще несколько примеров из современных аутентичных текстов:

the state-owned savings bank Sberbank ♦ NTV Independent Television ♦ MGU Moscow State University ♦ GAI traffic inspectors ♦

Относительно порядка следования компонентов этой модели можно лишь повторить все то, что было сказано при обсуждении модели *matryoshka doll*.

II. СПОСОБЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ НЕУВЕРЕННОЙ ОБРАТИМОСТЬЮ

До сих пор мы рассматривали способы образования ксенонимов, которые в целом обеспечивали их конвертируемость. Зачастую, особенно в случае заимствований, это достигается ценою усложнения текста. Там, где это нежелательно, используют менее точные способы наименования элементов иноязычной культуры, которые делают сообщение более доступным, зато менее точным.

**Модель «Russian doll»*

Изредка мы называем ксенонимы различных культур посредством уточнения полионима указанием на регион принадлежности этого культуронима (*венский вальс, аргентинское танго, гималайский тигр, французская революция*):

Chinese boxes: a matched set of boxes, usually elaborately decorated and decreasing in size so that each fits the next larger one (RHD) ♦

French Academy, also Académie Française (RHD) ♦

В приложении к АЯМО (РК) мы будем говорить о существовании модели «Russian doll». Поскольку все, что принадлежит русской культуре, может быть описано прилагательным Russian, данная модель имеет ограниченное применение. Её можно использовать только в тех случаях, когда речь идет об уникальных элементах русской культуры (например, Russian Museum). Тем не менее в словарь АЯМО (РК) вошли и ксенонимы этой модели:

Russian ballet/ Baroque/ bath/ bear/ cigarette/ dancer/ doll/ dressing/ (Easter) egg/ Empire/ Federation/ leather/ Museum/ Orthodox (Church)/ Revolution/ sable/ wolfhound.

Далеко не всегда ксенонимы этой модели могут гарантировать точность в описании культуры. Модель, как уже отмечалось выше, оправдывает себя лишь в случае уникальных элементов культуры, когда ксенонимическая обратимость очевидна – Russian Museum, Russian wolfhound (also: ‘borzoi’); Russian ballet:

Mandelshtam founded the Acmeist school of poetry, which rejected the mysticism and abstraction of **Russian Symbolism** and demanded clarity and compactness of form (EncBr).

Там, где эта уникальность отсутствует, снижается точность текста:

Nabokov could smoke up to sixty short Russian cigarettes a day (Field 1986: 42).

Ни один русский не назовет сигарету папиросой. Очевидно, что словосочетание Russian cigarette (кстати, регулярно встречающееся в англоязычных текстах) дает неподготовленному читателю лишь приблизительное представление о папиросе.

Аналогичная номинативная неопределенность наблюдается и в следующем примере:

At night Masha* played Russian ballads on the upright piano between their beds and sang... (Meier 2004: 293; * a blue-eyed girl of fifteen in Sakhalin, a very poor family).

Что в данном случае кроется за номинацией Russian ballads, остается загадкой.

Еще менее точно словосочетание Russian Revolution, поскольку оно не содержит в себе указания, о какой именно из трех революций в России начала XX века идет речь:

As a historian, Roy Medvedev examined Soviet politics and its leading personalities from the period of the **Russian Revolution** to the 1960s (EncBr).

Между тем этот оборот довольно прочно закрепился в АЯМО (РК) в качестве упрощенного наименования революционного периода России начала XX века.

Аналогично неопределенным оказывается и кулинарный термин Russian salad, который может восприниматься и как «винегрет», и как «салат оливье»:

Hence, the dish that we know as Russian salad, the Russians actually call *vinegret*... (Craig, Novgorodsev 1990: 6)

Описательные ксенонимы

**Описательный оборот*, как один из способов наименования иноязычного культуронима, это (более или менее развернутое) словосочетание, которое способно одновременно пояснять значение какого-либо слова, а в случае необходимости выступать в качестве его

субститута (замены). С помощью описательного оборота можно передать значение любого, даже самого специфического культуронима. На эту особенность описательных оборотов уже давно обратили внимание лингвисты: «Когда нет ничего подходящего, то следует сказать, что данное значение непереводимо, и в скобках дать или описательный перевод или какие-либо частичные переводы с объяснениями» (Щерба 1974a: 100).

Как известно, именно описательные обороты используются при составлении словарных дефиниций. **Классическая словарная дефиниция* это определение значения конкретного слова путём подведения его под ближайшее родовое понятие с последующим уточнением этого значения с помощью видового определения. Иными словами, используется классическая формула *genus/ differentia*, восходящая еще к Аристотелю.

При этом сам описательный оборот с лексико-грамматической точки зрения является словосочетанием-субститутом, которое синонимично определяемому существительному и потенциально может использоваться в качестве его лексико-грамматического заместителя: «The classical definition is one that is substitutable for the word being defined» (Workbook on Lexicography 1984: 65; Weinreich 1967: 30).

Например:

balalaika *n* [Russ] (1788): a 3-stringed instrument of Russian origin with a triangular body played by plucking or strumming (EncBrDic).

Теперь используем в этом коротком предложении данную дефиницию-словосочетание вместо определяемого слова:

It's a balalaika. → It's a 3-stringed instrument of Russian origin with a triangular body played by plucking or strumming.

Таким образом, образовать ксенонимический функциональный описательный субститут идионима сравнительно легко. Трудность, однако, заключается в том, что *описательное словосочетание тем точнее, чем оно протяженнее*, но чем длиннее словосочетание, тем сложнее использовать его терминологически. В частности, в приведенной выше словарной дефиниции 15 слов. Использование ее в качестве термина-заместителя делает предложение громоздким.

Если же речь идет о тексте, в котором ксеноним повторяется неоднократно, коммуникация вообще становится затруднительной. Например, в приводимом ниже предложении идионим *tundra* повторяется четыре раза.

The **tundra** passes gradually southward into a zone of transition: the wooded **tundra** or forest **tundra**, where groups of tree species alternate with areas of **tundra** (CamEnc 1982: 42).

Словарная дефиниция этого идионима состоит из 12 слов:

tundra: any of the vast, nearly level, treeless plains of the Arctic regions (WNWD).

Характерно, что объем текста *Encyclopedia Britannica*, посвященного ксенониму **boyar**, 406 слов, в то время как приводимая в начале этой статьи дефиниция, весьма поверхностно характеризующая ксеноним, состоит лишь из 12 слов:

boyar Russian 'boyarin', plural 'boyare', member of the upper stratum of medieval Russian society and state administration.

Очевидно, что попытка замещения заимствования развернутым словосочетанием приведет к возникновению абсолютно неприемлемого громоздкого предложения с ущербной стилистикой.

Впрочем, в принципе такие обороты возможны. В частности, во времена А.С. Пушкина, когда еще не было нумерации домов, поэт так адресовал письмо жене из Болдина: «Милостивой госпоже Наталье Николаевне Пушкиной в С. Петербурге у Цепного моста против Пантелеймона в доме г. Оливье...»

С необходимостью прибегать к описательным оборотам, в частности, сталкиваются лингвисты Ватикана в попытке оградить «библейский» латинский язык, не испорченный «варваризмами», от иноязычных заимствований. Журнал *Time*, описывая вышедший в то время в свет словарь «современного латинского языка», приводит следующие примеры искусственного словотворчества лингвистов Ватикана:

So the Latin for slot-machine is the tongue-twisting *sphaeriludium electricum nomismate actum*. Among the 13,500 other new entries: the not-so-euphonious *orbium phonographicorum theca* for discothèque, *escariorum lavator* for dishwasher and *exterioris pagine puella* for cover girl (*Time* 07.10.1991).

Невольно приходит на память неудавшаяся попытка использования искусственного языка Basic English (не путать с компьютерным языком), в котором, по мысли создателя (Ch.K.Ogden, 1889-1957), предельно ограниченный словарный состав этого языка (850 слов) должен был компенсироваться комбинаторикой слов. Использовать такой язык в реальной практике языкового общения оказалось невозможно.

Краткие описательные обороты удобны в процессе общения, особенно устного, но они редко гарантируют обратимость — конвертируемость наименований иноязычных идионимов:

In the stations, men elbowed one another to board the cars and offer dry fish and vodka... (Meier 2004: 64).

Здесь описательный оборот *dry fish* фактически является гиперонимом. В результате мы лишь можем сказать с определённой

степенью уверенности, что речь идёт о вобле, но для этого надо обладать неплохим знанием культурного фона.

В силу этих особенностей в АЯМО (РК) описательные обороты оказываются удобными не столько для номинации, сколько для осуществления пояснения специального ксенонима, на чем мы остановимся при обсуждении структуры текста.

С учетом всего сказанного становится ясно, почему практика межкультурной коммуникации АЯМО (РК) отбирает лишь краткие описательные словосочетания в качестве ксенонимов:

bast shoes (лапти) ◇ barge haulers (бурлаки) ◇ cabbage soup (щи)
 ◇ open sandwich (бутерброд) ◇ residence permit
 (прописка/регистрация) ◇ internal passport (паспорт, который сейчас
 стали называть «внутренний»).

Только специалист знает, что стоит за этими описательными оборотами. Обычно контекст подсказывает, о чем идет речь:

The government continues to require internal **residency permits** as a means of controlling the number of people living in major cities like Moscow, St. Petersburg and Kiev (*Chicago Tribune* 15.10.1991).

Но даже в этом случае такие описательные ксенонимы без подкрепления заимствованиями используются обычно лишь в текстах, адресуемых неподготовленному читателю: уверенную обратимость такие образования не гарантируют, то есть нельзя вести речь об автономной обратимости.

Важной характеристикой языковой единицы, выступающей в качестве ксенонима, следует считать ее **маркированность, то есть присутствие эксплицитных (явных) указаний на ее внешнекультурную ориентацию*. С этой точки зрения отрицательным моментом в описательном обороте во многих случаях следует считать его «немаркированность», то есть отсутствие указания на то, что перед нами ксеноним:

Sof'ya appointed Golitsyn B.A. as head of the government department that administered the lower Volga region (EncBr).

Только специалист поймет, что здесь под оборотом «the government department» имеется в виду одно из министерств, которые в допетровские времена назывались «приказами». А вот еще один пример:

The boyars formed a seven-man provisional government with the aim of installing a Polish tsar. This government proved unable to settle its affairs and to restore order to the country (EncBr: Time of Troubles).

В данном случае только специалисту понятно, что за словосочетанием «seven-man provisional government» стоит идионим-прототип «семибоярщина».

The shop's first delivery of **black snow boots** had just arrived (Smith E. 1982: 124).

Немаркированность словосочетания *black snow boots* не позволяет читателю, мало знакомому с русской культурой, понять, что речь (*видимо*, поскольку здесь неуверенная обратимость) идет о специфическом виде обуви – «валенках».

Не случайно, там, где описательный оборот все-таки используется в функции ксенонима, авторы в целях обоспечения уверенной обратимости прибегают к введению в текст заимствования:

The first secular portraits (*parsuny*) date from as late as the 1650s. (Figs 2003: 11).

Культуронимы вторичной культурной ориентации

Если бы мы пытались найти англоязычные наименования для всех русскоязычных культуронимов, текст превратился бы в неразрешимую загадку. Подавляющая часть культуронимов в тексте англоязычного описания русской культуры – это английские культуронимы, которые просто переориентируются на иноязычную культуру. В этом мы уже убедились ранее на примере предложения, которое открывает книгу Mike Davidow *Moscow Diary*:

It is early Sunday morning, and I am looking through my Moscow window at the street below (Davidow 1980: 5).

Мы уже показали, что, опустив ксеноним *Moscow*, мы получаем предложение вне какой-либо культуры и вне времени. Только после введения в текст топонима, с учетом даты публикации книги и прочитанного читателем предисловия возникает картина советской столицы 1970-х гг. Однако было бы неверно думать, что полионимы **Sunday**, **morning**, **window** и **street** также вне конкретной культуры и времени. В зависимости от конкретной ориентации они наполняются специфическим содержанием. *Sunday*/воскресенье – в английском языке первый день недели, в то время как в русском языке это последний день. Это день, который христиане посвящают своей религии, а у мусульман это пятница, у иудеев – суббота («шабат»). Утро северной страны не похоже на африканское утро, да и утро в Сахаре не похоже на утро в Гане. Окна также различны по своей форме и назначению: окна в Якутии с тройными рамами совсем не похожи на окна британских домов, в особенности старинных. Наконец, ни один словарь не объясняет, что улица (*street*) в Соединённом королевстве подчиняется правилам левостороннего движения. Все эти нюансы значения культуронима реализуются в условиях конкретной культуры.

Таким образом, наполняя текст культуронимами вторичной культурной ориентации, мы должны отдавать себе отчет в том, что между

полионимами, которые в полной мере можно считать межкультурными эквивалентами (да и то обычно с некоторой натяжкой), и явными идиокультуронимами располагает пространство (континуум), в котором представлены культуронимы промежуточного характера.

Естественно, культуронимы типа *library, university, teacher, party, government, army, war* и тысячи других оказывают существенную помощь в межкультурном общении, являясь результатом действия центростремительных тенденций в развитии земной цивилизации. Однако во многих случаях использование культуронимов *вторичной культурной ориентации* (ВКО) связано с большей или меньшей потерей информации, с искажением описываемой внешней культуры. Ниже мы остановимся на наиболее типичных случаях.

Аналог

Резкой границы между идиокультуронимами и полионимами не существует: между ними располагается область культуронимов, которые на межъязыковом уровне лишь частично совпадают по значению. В этом случае мы имеем дело с межкультурными **аналогами*. Аналогии «лишь приблизительно передают значение исходного слова и в некоторых случаях могут создать не совсем правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления» (Бархударов 1975: 102).

Использование культуронима-аналога в описании иноязычной культуры, естественно, ведет к упрощению текста. Речь идёт лишь о частичном совпадении значения, о том, что в словаре описывается фразой – *a kind of / a sort of*:

пельмени: *pelmeni* (kind of ravioli) (ORED).

Дополнительным отрицательным фактором использования аналогов следует считать то, что это приводит к ассимиляции описываемой культуры. Очевидно, что введение в текст иноязычного описания русской культуры номинаций типа *ginger bread* вместо «пряник», *minstrels* вместо «скоморохи», *cottage* вместо «дача», *whisky* вместо «водка» и т.д. ведет к англоизации русской культуры. К ассимиляции ведёт и появление в тексте английских мер измерения:

Orlov was about to visit the Davydov estate at Kamenka – 160 miles to the south-east of Kiev... (Binyon 2002: 127).

Встретившись в тексте с знакомым словом, читатель обычно склонен наполнять это слово знакомым содержанием, то есть переносить в иноязычную культуру привычные представления.

He was a local, born in the Don **village** of Aksai (Meier 2004: 72).

Для русского читателя этого текста очевидно, что речь идёт о казацкой станице, однако использован аналог *village*. Между тем, для англоязычных *village* – это «a very small town in the countryside» (Longman).

Такой перенос значения внутрикультурного культуронима на иноязычную культуру будем называть **трансфером*. Скажем, общее у культуронимов «обед» и dinner – то, что это главная еда (the principal meal of the day [EncBrDic]). Оба культуронима образуют межъязыковую гетерогенную пару («бинары»), которые прочно закрепляются в практике межкультурного общения и, соответственно, в двуязычных словарях.

В результате в переводах русской классики обычно речь идет именно о dinner. Однако в англо-американской традиции время для dinner ближе к вечеру. Поэтому представление об укладе русской жизни у западного читателя искажается. Не случайно в аутентичных текстах на это обращается внимание:

We sat down to **lunch** (or **dinner**) somewhere about three o'clock – the Russians are accustomed to eating at rather different hours from us (Cusack: 48). ♦ Russian **dinner** hours are earlier than those in Western Europe (Fodor 1989: 19). ♦ Cf.: The delegation has decided to have **dinner** at seven o'clock – American style... (Wilson 1961: 55).

Показательно, что всякий раз, когда текстуально требуется точность описания, на помощь приходит этимон, то есть исходный термин:

The most important Russian meal of the day is *obed* (Chamberlain 1988: 16).

Мне самому (В.К.) довелось убедиться в ненадежности аналогов. Во время пребывания в США с группой студентов я их попросил (по-русски) прийти «после **обеда**» в домик, где я жил. У студентов было трехразовое питание breakfast-lunch-dinner в студенческой столовой. Прошел **обед**, но студенты не появились. Пришли они после **dinner**. Причина недоразумения (сейчас) очевидна: я имел в виду, что они придут после «обеда», то есть после ланча, поскольку русские обедают днем; студенты однозначно связали слово «обед» с английским словом dinner.

Особенно крепко устанавливается связь между гомогенными межъязыковыми бинарами типа «бард» и bard:

Okudzhava himself was last, and perhaps the best loved, of the great **bards** (MTimes 02 March 1999).

...photos of Russia's first generation of **bards**... (MTimes 16.03.1999).

He was fond... of the **bards** of the Soviet underground... (Meier 2004: 85).

Очевидно, что неподготовленный читатель в это английское слово будет вкладывать неверное значение.

На протяжении многих десятилетий такую неразрывную пару составляли слова «паспорт» и passport, и только в постсоветский период стало ясно, что это не одно и то же. Однако в англоязычных текстах всё

ещё наблюдается путаница, и чтобы снять двусмысленность значения (ambiguity), прибегают к пояснению, ср.:

(1) ...maybe he had come out to show his passport (Meier 2004: 111).

(2) In Soviet Russia and the former Soviet republics all citizens were required from their sixteenth birthday to carry an internal passport (CamEnc 1994: 455).

В результате даже в русскоязычном общении стали употреблять термин «внутренний паспорт» в отличие от «загранпаспорта».

Лингвист К. McCauley даже написал статью на эту тему на материале традиционных словарных бинаров «каша»/ porridge, назвав это явление «The *kasha* syndrome»:

...*kasha* is translated in virtually every textbook as 'porridge'. So porridge is the word used by today's English speakers when referring to a particular Russian dish that has little to do with the English/Scottish breakfast food» (McCauley 2005: 457).

Очевидно, что в тех случаях, когда подобный трансфер таит в себе серьёзные ошибки в восприятии текста, его следует предупреждать специальными пояснениями.

В лингвистике общепринятым считается термин «ложные друзья переводчика», к которым, как правило, относят гомогенные межъязыковые бинары типа «магазин»/magazine. Представляется целесообразным ввести также понятие «гетерогенные ложные друзья переводчика»*, к которым следует относить ложные межъязыковые переводческие соответствия типа «каша»/porridge, «обед»/dinner или «деревня»/village.

Вместе с тем аналоги – это удобное средство пояснения значения внешнекультурного термина, но только в тексте, не требующем научной точности, поскольку, как следует из самого понятия «аналогия», значение аналога лишь частично покрывает значение искомого внешнего элемента:

I sat one evening in a *traktir* – a kind of lower-class inn – across the street from the gates of Smolny... (Reed 1967: 281).

Аналоги широко используются в теме «Еда»/Food:

The outstanding dish was and still is *pel'meni*, a version of what the Italians call *ravioli*... (Chamberlain 1988: 227).

Kisel' for me falls into the same category as blancmange (Chamberlain 1988: 287).

Gogol'-mogol'. This strange sounding dessert ... is basically a French *sabayon* or an Italian *zabaglione* (Chamberlain 1988: 288).

Аналоги также удобны в тех случаях, когда оказывается возможным обращение к привычным элементам культуры адресата:

Celebrated in song and verse, the Arbat once stood for Bohemian Moscow in the way that Carnaby Street represented swinging London (Richardson 2005: 159).

GUM is to Moscow what Harrods is to London... (Richardson 2005: 68).

Sadko, after all, was a national myth – as important to the Russians as *Beowulf* is to the English or the *Kalevala* to the Finns (Figs 2003: 399).

This boy has just got a Five Plus (A+) in the algebra examination (Nabokov 1990: 493).

Во всех таких случаях взгляд на русскую культуру со стороны с выделением аналогов в англо-американской (и не только) культуре очень полезен.

При этом в ходе межъязыкового сопоставления используются следующие лексические обороты **Russian/Russia's** equivalent of / answer to / counterpart of:

Elena Molokhovets, Russia's equivalent of Mrs. Beeton (Chamberlain 1988: 13).

Hundreds of fountains and golden statues surround Peter's Palace – Russia's answer to Versailles (*SPbIYP* Dec 2005 – Jan 2006: 36).

...*vobla*, the Russian answer to pretzels, potato chips and salted peanuts (Smith 1976: 153).

В определённых условиях аналог может использоваться и в качестве полноправного ксенонима. Так, английское слово «prince» регулярно используется в значении русского термина «князь». Эта специализация значения многозначного английского слова уже фиксируется составителями словарей (причем в последнем значении толкования данного слова специально указывается на то, что это англоязычное обозначение титула иностранной аристократии):

prince (as a title usually **Prince**)

1. a male member of a royal family other than a reigning king; 2. (in full ~ **of the blood**) a (grand)son of a British monarch;

3. a ruler of a small State, actually or nominally subject to a king or emperor; 4. (as an English rendering of foreign titles) a noble usually ranking next below a duke (OED).

Как видим, первые два значения описывают внутреннюю культуру, в то время как третье и четвертое направлены в область внешних культур. Правда, удобство этого термина сохраняется лишь в тех ситуациях, когда на ограниченном отрезке повествования не сталкиваются два термина – «князь» и «княжич». В этом случае культуроним «prince» становится родовым термином и, следовательно, характеризуется неуверенной

обратимостью. Аналогично, слово «princess» при описании русской культуры теряет свою точность тогда, когда в тексте идёт речь одновременно и о «княгине», и о «княжне» (вспомним Лермонтова: «Княжна Мэри» и «Княгиня Лиговская»).

Гипонимия

Поскольку доступность текста в контакте с неподготовленной аудиторией играет первостепенную роль, становится целесообразным поступиться точностью описания. В этом случае прибегают к замене идионима ближайшим по значению англоязычным родовым полионимом:

On 21 December every year, Yevgeniya Ivanovna respectfully raises a **glass** of vodka... (Jack 2004, 2005: 7).

Слово glass в английском языке – это родовое понятие, которое получает конкретный смысл лишь в сочетании с конкретным напитком:

glass: a container used for drinking made of glass; e.g.: wine/brandy/champagne, etc. glass (Longman).

Общепринятого словосочетания a vodka glass нет, поэтому читатель воспринимает его в зависимости от своей эрудиции, знакомства с русской культурой и его фантазии.

В лингвистике это называется *гипонимией*, то есть замена специализированного, видового наименования (например: «дача» – *гипоним*) более общим, родовым обозначением (cottage – *гипероним*). Таким образом, гипероним («животное») включает в свой объём гипоним («собака», «кошка»).

Между тем замена гипонима ближайшим гиперонимом влечёт за собой значительные потери информации. Не случайно у Н. Smith описание значения ксенонима dacha занимает более страницы (Smith 1976: 55-57). Мы приводим только начало:

Dacha is one of those magical elastic words in Russian that conceals more than it reveals. Above all it signals escape from the crowded city into the calm of the Russian countryside [...].

Однако очевидно, что введение в текст таких пространственных пояснений значительно его усложняет.

Между тем с помощью этого простого приема мы фактически можем заменить любой специфический идионим описываемой культуры на доступное читателю слово на языке описания. В этом случае «квас» превращается просто в (soft) drink, «щи» заменяются словом soup, а «ОМОН» мы, не мудрствуя лукаво, описываем словом police.

Так, в приводимом ниже предложении вместо трудно переводимого идионима «поместный собор» авторы используют полионим Council:

[In the summer of 1917], soon after the February Revolution, the first **Council** of the Russian Orthodox Church for two and a half centuries began its sessions (CamEnc 1994: 58).

Аналогично у Джона Рида:

Upstairs was another **eating place**... (Reed 1967: 60).

Показательно, что в переводе А.И. Ромма приводится конкретный идионим-русизм – «столовая»: «В верхнем этаже имела еще одна **столовая**...» В данном случае переводчик, хорошо знакомый с описываемой культурой и имевший возможность проверить все описываемые факты, знает описываемую культуру лучше, чем автор.

СПОСОБЫ КСЕНОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ И ТРАДИЦИОННЫЙ ПЕРЕВОД

В заключение обзора способов ксенонимической номинации интересно сравнить практику оригинального иноязычного описания культуры с опытом перевода художественного текста. Сопоставление показывает, что в принципе способы наименования специфических элементов культуры совпадают: «...нужно констатировать, что приемы перевода терминов и реалий одни и те же. Грубо их можно подразделить на четыре категории: 1. беспереводное заимствование, 2. калька, 3. трансформационный перевод, 4. описательный перевод (интерпретация)» (Бархударов, Рецкер 1968: 97).

Вместе с тем предпочтения, оказываемые ЯМО различным способам, а главное – то, как они реализуются непосредственно в тексте, существенно расходятся.

Базовым способом образования ксенонимов является заимствование, и даже если оно не является в конкретном случае основным наименованием, оно потенциально может быть включено в текст в качестве гаранта обратимости. Ксеноним-заимствование всегда может найти себе место в тексте, если этого потребует коммуникативная ситуация, по крайней мере в качестве вспомогательной номинации, обеспечивающей уверенную обратимость. В случае АЯМО (РК) обычно используется *заимствование-транслитерат*.

Между тем классики теории перевода более чем сдержанно относятся к заимствованиям («транслитерациям»), полагая, что этот способ «разумеется, имеет ограниченное применение» (Катцер, Кунин 1964: 89), что желательно «уменьшить до возможного минимума паразитический иноязычный элемент» (Флорин 1971: 331). А.А. Реформатский отводил подобной лексике скромную функцию создания «местного колорита» (Реформатский 1967: 137-138).

По мнению М.М. Морозова, «опасно перегружать перевод малопонятными английскому читателю словами, требующими

специальных пояснений: ведь мы должны сделать наш перевод максимально доходчивым до английского читателя» (Морозов 1956:17).

«Если переводчик станет каждый местный предмет называть его местным именем, текст перевода может оказаться до такой степени загроможденным иноязычными словами, что читатель окончательно запутается в них. Поэтому реалии более нейтральные или же поставленные автором, так сказать, на второй план, следовало бы не транскрибировать, а подыскивать для их передачи другой способ» (Флорин 1967: 320)

Аналогично: «Нельзя признать эквивалентами насаждаемые некоторыми зарубежными корреспондентами наших газет иноязычные заимствования путем транскрибирования английских слов. Массовому читателю они непонятны» (Рецкер 1974: 12).

Мнение лингвистов не изменилось и в начале XXI века: «...чрезмерное увлечение транскрибированием иноязычных слов, называющих реалии, а не так уж редко принимаемых за них, не только не способствует созданию национального колорита, а, наоборот, уничтожает его, загромождая повествование и заставляя читателя спотыкаться на каждом шагу о ненужные экзотизмы» (Виноградов 2001: 117).

Резко негативно теория художественного перевода относится и к калькам: «худшего врага у перевода, чем калька, нет» (Реформатский 1967: 19). «К калькированию и описательному переводу следует прибегать только в отдельных случаях, пользуясь этим методом с большой осторожностью» (Катцер, Кунин 1964: 109)

И это понятно, потому что неудачи в случае калькирования в художественном переводе чаще всего связаны с применением этого приема к идиоматике. Так, один из фильмов о мисс Jessica Fletcher, американской мисс Marple, судя по титрам на экране, называется в оригинале *Thicker Than Water*, однако диктор объявляет «Плотнее воды», что, конечно, не имеет ничего общего с английским выражением *blood is thicker than water*, которое приблизительно соответствует русской пословице «своя рубашка ближе к телу». И таких примеров практика традиционного перевода знает множество.

Введение в текст перевода непонятных («варваристических») заимствований разрушает стиль оригинала, а буквальное значение калек искажает его смысл. Именно в силу этих причин практика аутентичного описания иноязычной культуры, то есть прямого межкультурного диалога и реальность перевода художественного текста существенно расходятся.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Заполните таблицу «Способы образования ксенонимов». Приведите примеры для каждой категории.

Способы, обеспечивающие межъязыковую обратимость	Способы, характеризующиеся неуверенной обратимостью

2. Определите способ образования ксенонимов и степень их обратимости: metodichka, the Soviet Union, the State Tretyakov gallery, Barents sea, Novaya Zemlya, dekulakization, ATMs (bankomaty), Aurora cruiser, Field of Mars, steppe, the Mightly Five.

3. Предложите описательный перевод (дефиницию) для следующих идионимов: матрешка, перестройка, распутица, Эрмитаж, русское барокко, расстегай, полдник, тулуп.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998. – Гл. 4-5.
2. Кабакчи В.В. Новое о «ложных друзьях переводчика» // *Studia Linguistica* 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1998. – С. 80-98.
3. Кабакчи В.В. Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.

ГЛАВА 5. ВЫБОР АДЕКВАТНОЙ КСЕНОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

ПОДВИЖНОСТЬ СТЕПЕНИ ДОСТУПНОСТИ КСЕНОНИМОВ

Язык межкультурного общения (ЯМО) находится в постоянном процессе формирования, и то, что сегодня представляется устоявшимся, через некоторое время может претерпеть изменения. Новые ксенонимы пополняют фонд его ксенонимической лексики (Commonwealth of Independent States, the Near Abroad, New Russians), некоторые старые ксенонимы из разряда историзмов возвращаются к активной деятельности (Cossack), другие ксенонимы, напротив, уходят в лексические запасники. Так, в период перестройки 1980-х гг. западному читателю казалось, что русизмы *perestroika* и *glasnost* прочно вошли в фонд базовых ксенонимов-русизмов:

Perestroika and glasnost, glasnost and perestroika. They will still be secure in the vocabularies of all languages of the world long after the children of the Soviet Union and its satellites have begun to ask: «Mummy, who was Lenin?» or for that matter: «Mummy, who was Gorbachev?» (Keith Waterhouse, *Daily Mail* 22.08.1991).

Но вот ушли в прошлое перестройка и гласность, и эти русизмы вошли в разряд историзмов и уже нуждаются в пояснении. При этом многое зависит от характера коммуникативной ситуации. Если речь идет об общении специалистов, то ксенонимы АЯМО (РК) не нуждаются в пояснении, поскольку знание этой лексики является необходимой составной частью подготовки специалистов. Поэтому, если, скажем, лондонская School of Slavonic and East European Studies (SSEES) объявляет весной 2008 года о проведении семинара «After the Thaw, Before Glasnost': Artists and the Soviet State During late Socialism», совершенно очевидно, что используемые в этом коротком объявлении русизмы Thaw и Glasnost' в комментарии не нуждаются, хотя для непосвященной аудитории тема этого семинара звучит загадочно.

Характерной чертой ЯМО следует считать *вялотекущий* характер его формирования. Те процессы формирования словарного состава, которые в рамках внутрикультурного общения осуществляются быстро, в ЯМО занимают более длительное время. Многие элементы внешних культур лишь изредка попадают в поле зрения авторов иноязычных описаний. Именно поэтому в практике иноязычного описания культуры нередко сосуществует два и более ксенонимических варианта, из которых пока еще ни одному не отдано предпочтение.

Когда J.A.H. Murray, редактор OED, отмечал, что некоторые заимствования могут оставаться в статусе «denizens» на протяжении

нескольких веков, он не имел в виду то, что мы называем «ксенонимы», приводя в качестве примеров такие слова как греческий «phenomenon», латинизм «genus» или франкизмы типа «aide-de-camp», однако, как это было показано выше на материале формирования словаря АЯМО (РК), это относится в полной мере и к ксенонимам, которые всегда остаются «инородными» наименованиями и, как правило, встречаются в контексте соответствующих культур, в частности русской: boyar, tsar, steppe, samovar, intelligentsia. Достаточно вспомнить, что ксеноним-русизм balalaika, отмеченный составителями Большого Оксфордского словаря впервые в 1788 году, был включен лишь во второе издание словаря (1989 год).

В тех случаях, когда идионим внешней культуры социально значим и частотен, межкультурное общение достаточно оперативно отбирает какой-либо вариант, которому отдается предпочтение. Так, практически мгновенно возник вариант the Commonwealth of Independent States и его аббревиатура CIS. Зато только во второй половине XX века выделился вариант Time of Troubles: ‘troubles’ – далеко не единственное приблизительное соответствие колоритного русского слова «смута». В частности, еще Джон Рид использовал выражение the Troublous Times of 1612 (Reed 1967: 167). А идионим «заслуженный деятель» довольно редко попадает в поле зрения тех, кто участвует в межкультурном общении, и поэтому продолжают наблюдаться колебания между Honoured и Merited Worker, хотя и компонент «worker» нельзя считать удачным при передаче слова «деятель». Не случайно и явление «лексикографическое отставание» в регистрации ксенонимов, о котором говорилось выше.

Процесс формирования ксенонима можно считать окончательно завершившимся только тогда, когда в качестве обозначения инокультурного элемента используется *трансплантированный* или, по крайней мере, в нашем случае – *транслитерированный* идионим исходной культуры. Поэтому, несмотря на существование традиционных ассимилированных вариантов, всегда можно ожидать появления в тексте и таких номинаций:

The first contact the West had with Russia was under **Ivan Grozny** in 1553... (S.Patterson, *SPbTimes* 12 Nov’99).

The School became the stronghold of the so-called ‘Mighty Five’, the **kuchka**, who pioneered the Russian musical style. The **kuchkists** composers were all young men in 1862 (Figs 2003: 179).

Путь русизмов в словарь АЯМО (РК) был достаточно правильно описан отечественными лингвистами на материале анализа русизмов в Большом Оксфордском словаре (OED): «...в большинстве случаев наиболее ранние источники русских заимствований – географические и

историко-этнографические описания. Затем следуют энциклопедические справочники и публицистические очерки о России, помещенные в периодической печати, и лишь на следующем этапе слово отмечается в оригинальной художественной литературе» (Малаховский, Микулина 1982: 59).

Фактически специалисты в области описания иноязычной культуры владеют специальным языком – АЯМО (РК). И в этой специфической сфере общения, как и в случае других профессиональных языков, знание или, напротив, незнание той «терминологии» ЯМО, которая на данном этапе регулярно используется специалистами, сразу же показывает степень эрудиции (профессионализма) автора описания иноязычной культуры. Вот почему переводчику так важно знать принятые практикой АЯМО (РК) традиционные ксенонимы-русизмы.

СОКРАЩЕНИЕ КСЕНОНИМОВ

Распространенным следствием *принципа языковой экономии* в практике иноязычного описания культуры становится сокращение протяженных ксенонимов. Так, атрибутивные компоненты географических названий сокращаются до соответствующего имени существительного, в частности, так дает названия административных субъектов России энциклопедия *Encyclopaedia Britannica*:

«Смоленская область» → **Smolensk oblast'** (province) ◇ «Амурская область» → **Amur oblast'** (province).

И таким образом осуществляется сокращение многих других географических названий: «Бугульминско-Белебеевская возвышенность» (Башкортостан): **Bugul'ma-Belebey Upland** (EncBr) ◇

Такой подход традиционно установился и в названиях морей: the **Kara / Barents / Laptev / Chikchi / Bering** Sea; the Sea of **Azov/Okhotsk**.

Вот еще характерный пример, «Эвенкийский национальный округ»:

Evenk autonomous *okrug* (district), **Krasnoyarsk kray** (region) in north-central Russia, on the Central Siberian Plateau (EncBr).

Впрочем, сокращение наблюдается при использовании ксенонимов практически во всех сферах культуры, например в случае идионимов «народничество» и «Третьяковская (галерея)»:

Akselrod participated in the **Narodnik** (populist) movement during the 1870s... (EncBr).

His works are to be seen in Moscow at the State **Tretyakov** Gallery... (EncBr).

«Остромирово евангелие» сокращается до *The Ostromir Gospel*; «Владимиرو-Суздальская школа» превращается во «Vladimir-Suzdal School» (EncBr).

Показательно, что составители современных аутентичных путеводителей по России вводят все принятые в русском языке сокращения классификаторов темы «Город» («ул.», «пр.», «пл.»):

The main abbreviations used in St. Petersburg (and in this book) are: **ul.** (for *ulitsa*, street); **nab.** (for *naberezhnaya*, embankment); **pr.** (for *prospekt*, avenue); **per.** (for *pereulok*, lane); and **pl.** (for *ploshchad*, square) (Richardson 1998: 31).

КСЕНОНИМИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ (СОСУЩЕСТВОВАНИЕ КСЕНОНИМИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ)

Как уже отмечалось выше, характерным явлением ксенонимии следует считать сосуществование двух и более вариантов обозначения одного и того же элемента внешней культуры, что становится естественным следствием возможности применения различных способов передачи одного и того же идионима-прототипа. В частности, обилие ксенонимических вариантов наблюдается при передаче идионима «могучая кучка». Вот как, например, этот русизм представлен в Британской энциклопедии:

The Five: also called «**The Russian Five**», or «**The Mighty Five**», Russian ‘**Moguchaya Kuchka**’ (“**Mighty Group**”), group of five composers who, in about 1875, united in their efforts to create a truly national school of Russian music... (EncBr).

К этим вариантам можно еще добавить довольно часто встречающийся вариант **Mighty Handful**, а также менее частотные **Mighty Band** и **Mighty Coterie**.

Такое сосуществование различных наименований одного и того же иноязычного культуронима будем называть **ксенонимической вариативностью*.

Обсуждаемые ксенонимические варианты могут быть как графическими, так и лексическими.

(а) Графические ксенонимические варианты

Например:

borsch: also spelled BORSCHT, BORSHT, OR BORTSCH, beet soup of the Slavic countries. [...] The soup is often eaten with a sour cream garnish and with *pirozhki*, turnovers filled with beef and onions (EncBr).

Bryullov original name Charles Bruleau, Bryullov also spelled BRIULLOV, BRYULOV, BRULOV, BRULLOV, OR BRULOW, Russian painter... (EncBr).

Следует учесть, что чисто с формальной точки зрения наиболее правильный вариант ксенонима – его написание буквами русского

алфавита, т.е. трансплантация (подробнее ниже), что, в частности, регулярно используется в Wikipedia:

A **samovar** (*Russian*: самовар) is a heated metal container traditionally used to heat and boil water in and around Russia (Wkpd).

(б) Лексические ксенонимические варианты

Например:

Decembrist vs Dekabrist ◇ Narodnik vs Populist ◇ collective farm vs *kolkhoz* ◇

В поисках оптимального варианта наименования авторам порою приходится вводить в текст одновременно несколько вариантов:

Landscape was among the most popular themes introduced by the *Peredvizhniki*, or ‘Wanderers’, as members of the Association were called (CamEnc 1994: 180).

Варьирование ксенонимов вообще характерно для языка межкультурного общения (ЯМО), в чем нетрудно убедиться, если сравнить обозначение одних и тех же элементов земной цивилизации в разных языках:

Русский язык	Английский язык	Французский язык
Елисейские поля	Champs Élysée	Champs Élysée
«Отверженные»	<i>Les Misérables</i>	<i>Les Misérables</i>
Шварцвальд	Black Forest	Schwarzwald
«Буря и натиск»	<i>Sturm und Drang</i>	<i>Sturm und Drang</i>

Как видим, английский язык заимствует все идионимы, кроме немецкого Schwarzwald; французский язык заимствует оба немецких идионима; русский язык, напротив, переводит все идионимы, кроме немецкого топонима, который заимствуется.

Чаще всего наблюдается сосуществование заимствования и кальки:

Wanderers & *Peredvizhniki* ◇ Decembrists & *Dekabristy* ◇ collective farm & *kolkhoz* ◇ black earth & chernozem ◇

Вариативность часто порождается идионимами с *низкой калькируемостью*: «чудотворец» → (1) wonder worker; (2) miracle worker ◇ «Кощей Бессмертный» → (1) Koshchei the Immortal; (2) Koshchei the Deathless. Выше уже упоминались такие идионимы с очень низкой калькируемостью, как «Слово о полку Игореве», «дворянское собрание», «Горе от ума».

Ксенонимическую вариативность приходится учитывать в первую очередь составителям словарей и энциклопедий. Вот, например, англоязычная статья из *Encyclopaedia Britannica*. Сначала дается базовое наименование: **Pushkin Fine Arts Museum**. Далее приводится калька («*formally*») идионима: ‘State Fine Arts Museum In The Name of

A.S. Pushkin'. И наконец, приводится транслитерированный вариант идионима («Russian») *Gosudarstvenny Muzei Izobrazitelnykh Iskusstv Imeni A.S. Pushkina*: «collection in Moscow, Russia, of ancient and medieval art and western European painting, sculpture, and graphic arts» (EncBr).

Еще раз заметим, что эталоном наименования элементов русской культуры всегда остается русскоязычный идионим, выступающий в качестве прототипа всех возможных иноязычных вариантов его наименования. Поэтому, в конечном счете, именно **заимствование** (в идеале – методом трансплантации) *всегда остается наиболее надежным способом гарантии уверенной обратимости*, то есть формальной точности (но не семантической доступности).

*СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АЯМО (РК)

Попав в английский язык, русизм начинает жить в соответствии с нормой этого языка. Нередко он становится базой для образования нового слова, принимая английские аффиксы – приставки и суффиксы. В этом случае возникает гибридное образование.

[Nicholas II] tried to **Muscovitize** [St. Petersburg]... (Figs 2003: 200).

At the end of 1929 a campaign to "liquidate the kulaks as a class" ("**dekulakization**") was launched by the government (EncBr).

It had taken a very **un-glasnost-like** 18 days to admit... (Kokker 2002: 17).

Не обходится практика англоязычного описания русской культуры и без юмора. Так, размножившиеся на постсоветском пространстве авиакомпания на Западе стали называть «бэбифлотами»:

...a bunch of smaller regional airlines (often called «babyflots»)... (Fodor 2002: xiii).

В процессе словообразования, как правило, используются обычные продуктивные английские аффиксы:

-an	Kievan ◇ Tolstoyan ◇
-ana	Tolstoyana
-dom	tsardom ◇
-esque	Gogolesque ◇ Pushkinesque ◇
-ian	Varangian ◇ Novgorodian ◇ Polovtsian ◇ Zaporozhian ◇ Nikonian ◇ Chekhovian ◇ Leskovian ◇ Turgenevian ◇ Brezhnevian ◇
-id	(a member of a person's family): Rurikid: From the beginning of the Tatar period, the Rurikid princes displayed much disunity. (EncBr)
-ie/-y	Muscovy ◇ bolshie / bolshy (=Bolshevik) ◇

-ism	Karamazov ism ◇ Tolstoy ism ◇ Decembr ism (Binyon 2002 <i>passim</i>) ◇ <i>starchestvo</i> ("starets ism ") (EncBr: <i>starets</i>) ◇ Brezhnev ism ◇ Cp.: Oblomovshchina came to be regarded as a national disease (Figes 2003: 410)
-ist	Decembr ist ◇ Octobr ist ◇ Lenin ist ◇ Stalin ist ◇ Chek ist ◇
-ite	Muscov ite ◇ Stakhanov ite ◇ Trotsky ite ◇ Brezhnev ite ◇
-ize	Muscovit ize ◇ dekulak ize ◇
-ization	dekulak ization ◇ collectiv ization ◇
-nik	Sputnik → (1) beat nik , peacen ik ◇ (2) refusen ik ◇
-on	«rayon ism » (Billington 1970: 498)
-y → -ie/-y	
cis-	Ciscaucasia
de-	de-Stalinization ◇ dekulakization
post-	post-Soviet
pre-	pre-Petrine
trans-	Trans-Caucasian/Dnestrian/Baikal

В некоторых случаях аффиксация мировой географии переносится и на русскую топонимику:

The land north of the Greater Caucasus is called **Ciscaucasia** (Predkavkazye, or "Hither Caucasus"); that south of it is Transcaucasia (**Zakavkazye**, or "Farther Caucasus") (EncBr).

Заимствованные русские суффиксы в подавляющем большинстве случаев утрачивают свой морфологический статус, поскольку заимствованное слово воспринимается как единое целое: *Bolshevik*, *Khovanshchina*. Исключением стал суффикс –НИК, который вошел в английский язык после запуска первого спутника в 1957 году и дал жизнь таким словам, как *beatnik*, *peacenik*, а позднее – *refusenik*. Впрочем, уже раньше, в первой половине XX века, этот суффикс появился в английском языке через идиш в таких словах, как: *nudnik*, *no-goodnik*. Изредка этот суффикс встречается и сейчас в АЯМО (РК):

I have seen how the average *gaish**nik*** (auto inspector) stands for hours in snow or stifling heat... (*SPbTimes* 19.11.1996).

КСЕНОНИМИЧЕСКАЯ АПРОБАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВАРЯ ЯМО

Наличие различных ксенонимических вариантов вызывает необходимость определения того из них, который представляется наиболее адекватным. Выбор этот осуществляется непосредственно

практикой межкультурного общения, которая и отбирает оптимальный вариант через длительный процесс проб и ошибок (trial-and-error process).

**Ксенонимическая апробация* – это естественный процесс отбора оптимального способа наименования иноязычного элемента культуры в ходе межкультурной коммуникации.

Вот почему изучение закономерностей языка межкультурного общения (ЯМО), в частности его словаря, требуют постоянного **мониторинга* этого процесса, подобного тому, который осуществляется при составлении словарей. По сути дела, речь идет о планомерном контроле формирования ксенонимического слоя лексики как в рамках конкретного языка, так, по крайней мере в идеале, и в рамках ЯМО вообще. Тщательный просмотр аутентичных текстов, регистрация ксенонимических номинаций, определение того варианта, которому практика отдает предпочтение – это необходимая часть изучения ЯМО, в частности его специального словаря.

Каким бы странным ни казался встретившийся в тексте русизм, его следует фиксировать, поскольку в дальнейшем может оказаться, что он используется регулярно. Так, русизм *dezhurnaya*, который нами был отмечен впервые в тексте 1970-х гг., показался столь необычным, что мы его чуть не проигнорировали:

Misha cautioned us not to speak English as we entered the building and slipped past the *dezhurnaya*, the old woman robed in baggy sweaters, sitting by the elevator, watching the building's comings and goings (Smith 1976: 17).

Затем этот русизм стал встречаться в текстах столь регулярно, что стало ясно, что это не авторская причуда, а окказиональный русизм, который в последнее время уже стал часто использоваться в путеводителях:

You may have a «key lady» (**дежурная**) who sits at a desk on your floor and can provide you with a key. She will also bring you tea, wake you up, arrange for minor repairs, and provide extra soap, towels, and the like. In brief, she can do many things to make your life easier (Beyer 2001: 31).

Аналогично шел мониторинг ксенонима-русизма *elektrichka*. Его появление в тексте также сначала показалось нелогичным и излишним:

They will take an **elektrichka**, an electric commuter train, out into the country and simply wander through the high grass... (Smith 1976: 149).

Последующий мониторинг показал регулярное употребление этого слова, в особенности в путеводителях:

Only local trains (**elektrichki**) depart from Baltiisky station (SPbIYP July 2008: 8).

*КСЕНОНИМИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

Выше уже отмечалось, что значительную долю ксенонимов составляют собственные имена. В межкультурном общении такие ксенонимы занимают особое место. Прежде всего, их доля в общей массе ксенонимов столь велика, что о них без преувеличения можно сказать, что это своеобразное ксенонимическое государство в царстве ксенонимов, в частности, в АЯМО (РК) их количество исчисляется тысячами. Например, глоссарий (*Index*) постоянно цитируемой нами *Cambridge Encyclopedia of Russia* (CamEnc; свыше 2500 ксенонимов) включает не менее 80% собственных имён.

Длительное время шли споры относительно правомерности включения собственных имен в толковые словари, проводилась граница между словарями чисто лингвистическими и энциклопедиями: «Многим кажется, что собственным именам нет места в общем словаре, что они составляют основное содержание в энциклопедическом словаре» (Щерба 1958: 278). Подобная «дискриминация» существенно затрудняла работу переводчиков. «Энциклопедизация» лингвистических словарей произошла лишь в последней четверти XX века, однако проблема стандартизации иноязычной передачи собственных имен в рамках АЯМО (РК) до сих пор остается нерешенной.

Современные англоязычные толковые (general purpose) словари, которые в последнее время включают в свой словник всё больше энциклопедической лексики, регистрируют самые разнообразные собственные имена:

Balaklava: a seaport in S. Crimea... (RHD);

Bermuda Triangle: the triangular area in the Atlantic Ocean... (RHD);

Champs Élysées: a boulevard in Paris... (RHD);

Flaminian Way: an ancient Roman road... (RHD);

Il Trovatore: an opera (1853) by Giuseppe Verdi (RHD);

La Rochefoucauld, Françoise (1613-80): French moralist... (RHD).

Ономастическая лексика пронизывает весь пласт ксенонимов. Например, в ксенонимической географии практически вся топонимика — это собственные имена. Исторические ксенонимы тоже в значительной мере относятся к ономастике. Ономастические ксенонимы — это обозначения направлений в искусстве, религиозных объединений, названий спортивных команд, многочисленные антропонимы, урбанонимы и десятки других больших и малых ономастических ксенонимических групп.

Собственные имена характеризуются целым рядом особенностей, которые заставляют нас остановиться на них отдельно и подробно.

***Значение имени собственного**

Языковая единица, выступающая в функции имени собственного, сочетает в себе «идентификационное» и «сопутствующее» значения (ср.: Никонов 1965: 60). Под **идентификационным значением* мы будем понимать то значение, которое позволяет выделять («идентифицировать») данный предмет в ряду ему подобных. Например, Новгород – это «город, центр Новгородской области, пристань на реке Волхов, в 6 км от озера Ильмень» (БЭС). Это основное значение имени собственного.

Под **сопутствующим значением* имени собственного будем понимать то буквальное значение языковой единицы, которое присутствует в данном слове или словосочетании.

Следовательно, на идентификационное значение идионима «Новгород» накладывается *сопутствующее* значение – «новый город». О языковых единицах с сопутствующим значением говорят, что они обладают «внутренней формой»; иногда их называют «говорящие имена». Между *идентификационным* и *сопутствующим* значениями собственного имени устанавливаются сложные взаимоотношения.

Идентификационный компонент значения имени собственного *обязателен*, сопутствующий компонент – *факультативен*. Сопутствующий компонент может полностью отсутствовать. Например, собственные имена *Москва, Нева, Лермонтов, Полтава* не несут (по крайней мере, на синхронном уровне) никаких сопутствующих значений.

В других случаях сопутствующее значение в большей или меньшей степени перекрывает идентификационное значение. Например: газета «Известия», еженедельник «Аргументы и факты», журнал «Вопросы языкознания». Словосочетание, передающее петербургское название «Спортивно-концертный комплекс», по сути дела вообще равно идентификационному значению.

Сопутствующее значение может иметь символическое или идеологическое значение: город «Владивосток», издательство «Академия», «площадь Восстания» в Петербурге.

Встречаются имена с сопутствующим значением, которое либо не имеет прямого отношения к идентификационному значению (Гусь Хрустальный, станция Зима, озеро Щучье), либо вступают в противоречие с ним, например, древнейший русский город «Новгород», который новым городом уже трудно назвать.

Незнание сопутствующего значения не оказывает никакого влияния на возможность пользоваться наименованием. Так, англоязычные в большинстве своем не подозревают о сопутствующем значении русизмов

Novaya Zemlya или Severnaya Zemlya и, тем не менее, пользуются этими топонимами столь же уверенно, как русские, не знакомые с английским языком, используют в межкультурном общении топоним «Ньюфаундленд».

Основной проблемой ономастических ксенонимов, в особенности в случае «говорящих имен», становится выбор между заимствованием идионима и его переводом.

«Говорящие» собственные имена

Однозначного подхода к ономастическим ксенонимам этого типа нет. При упоминании французских, итальянских, испанских или немецких наименований традиция закрепляет как переводные, так и заимствованные варианты:

Les Misérables – a novel (1862) by Victor Hugo (RHD); ср.: *Отверженные*;

La Traviata – an opera (1853) by Giuseppe Verdi (RHD); ср.: *Травиата*;

Mein Kampf – the autobiography (1925-27) of Adolf Hitler (RHD); ср.: *Майн кампф*.

Широкое распространение имеют и переводные ксенонимы:

Divine Comedy (Italian, *Divina Commedia*) – a narrative epic poem (14th c.) by Dante (RHD); ср.: *Божественная комедия*;

Human Comedy, The – (French, *La Comédie Humaine*) a collected edition of tales and novels in 17 volumes (1842-48) by Honoré de Balzac (RHD); ср.: *Человеческая комедия*;

Night Watch, The – a painting (1642) by Rembrandt (RHD); ср.: *Ночной дозор*.

«Говорящие» собственные имена представляют особую проблему и в АЯМО (РК): «Банковский мост», «Черная речка», «Зимняя канавка» – действительно ли такие идионимы нуждаются в переводе? Целесообразность перевода «говорящих» имен решается различным образом в каждом конкретном случае. Скажем, название деревни «Батыево» в контексте русской истории оказывается уместным пояснить:

Batyev (from the name of Batu Khan) recalls the Tatar invasion (Fodor 1989: 224).

Оправдано и пояснение сопутствующего значения городских улиц в приводимом ниже примере:

Povarskaya ulitsa (Cooks' Street) once served the royal household, together with nearby settlements on Khlebnyi (Bread), Stolovyi (Table) and Skatnyi (Tablecloth) lanes (Richardson 2005: 132).

Там, где сопутствующее значение ономастического ксенонима никоим образом не связано с повествованием, в особенности если оно

расходится со значением идентифицирующим, это значение просто игнорируется. В частности, сомнение вызывает в некоторых случаях желание авторов англоязычного описания русской культуры переводить сопутствующее значение собственного имени:

...the field of Kulikovo (the snipefield) on the Upper Don...
(Wittram 1973: 22).

Никому и в голову не придет переводить русские «говорящие» фамилии типа «Толстой», «Пушкин» или «Медведев»: «Для фамилии вопрос о языке-первоисточнике в этимологическом смысле совершенно отпадает. Существует только тот язык, из которого мы заимствуем фамилию» (Суперанская 1962: 40). В то же время редкий петербургский гид упустит возможность остановиться на сопутствующем значении названия «Поцелуев мост».

Впрочем, решение этой задачи во многом зависит от степени знакомства данной лингвокультуры с описываемой внешней лингвокультурой. Хорошо известна практика переводных вариантов имен индейцев времен завоевания американскими колонистами территории этих аборигенов США (например, «Чингачгук Большой Змей»).

Справедливости ради следует заметить, что иностранцы очень интересуются значением многих названий. Вот почему авторы нередко считают целесообразным дать параллельно и заимствованный и переводной варианты:

Vladivostok is... located around Zolotoy Rog ("Golden Horn Bay")... (EncBr).

Tserkov Nikoly v Khamovnikakh (Church of St. Nicholas of the Weavers) (Fodor 1999: 61).

Бывает, что переводной вариант получает распространение, тогда его нередко приводят параллельно заимствованию:

A rising young physicist complained that even at Novosibirsk's *Akademgorodok* (**Academic City**)... this did not go on any more (Smith 1976: 443).

До сих пор переводной вариант сопутствующего значения города Архангельск, **Archangel**, сосуществует с «отреставрированным» вариантом Arkhangel'sk.

Обеспечение межъязыковой номинативной обратимости в тех ситуациях, которые этого требуют, достигается с помощью параллельного введения в текст заимствования:

[N.I.Novikov] published a succession of satirical journals – *The Drone* (*Truten'*) 1769-70, *The Tatler* (*Pustomelya*) 1770, *The Painter* (*Zhivopisets*) 1772, and others (CamEnc 1982: 192).

Moscow filmgoers have been flocking to see a new Mosfilm production *Kalina krasnaya* – ***The Red Snowball Tree*** (Morning Star 16.04.1974).

В заключение отметим, что проблема «говорящих собственных имен» в большей степени принадлежит традиционному переводу и находится в *пограничной области традиционного и внутреннего перевода*. Именно переводчикам приходится думать о вариантах, подобно тем, которые предлагает В.В. Набоков в лекциях о Гоголе при обсуждении имен персонажей «Мертвых душ»: Grigory Doyezhai-ne-doyedesh (Drive-to-where-you-won't-get).

Ономастический классификатор

Основное отличие *нарицательных* имен от *собственных* заключается в *самодостаточности* первых и номинативной ущербности вторых. Так, слова «город», «гостиница», «река», «скульптор» самостоятельны в своём значении и способны обозначать бесконечное количество конкретных объектов. Между тем собственное имя зачастую само по себе неопределённо в своём значении, нуждаясь в уточнении с помощью нарицательного имени, ср.: New York **City** vs New York **State**), **город** «Санкт-Петербург» и **гостиница** «Санкт-Петербург», «**скульптор** Антокольский» и «**поэт** Антокольский».

Нарицательный компонент-спутник имени собственного, который указывает, к какому классу элементов культуры принадлежит данное собственное имя, будем называть **ономастическим классификатором*. Если нет классификатора собственного имени, может быть неясно, о чем идет речь: о городе, реке, ресторане, кафе или гостинице. В отечественной лингвистике для описания слов этого типа использовали также словосочетание **номенклатурный термин* (Реформатский 1964: 20; см. также: Суперанская 1965: 41).

Своеобразие ономастического классификатора заключается в том, что он имеет тенденцию сливаться с собственно ономастическим компонентом. Так, всем известно, что великий сыщик Sherlock Holmes жил на Baker Street, что в русскоязычном варианте передается не «улица Булочника» и даже не «Бэйкер улица», а «Бэйкер-стрит». Иными словами, нарицательный компонент **инкорпорируется* в ономастический комплекс. Образовавшиеся таким образом ксенонимические словосочетания могут войти в узус ЯМО, то есть стать его нормой и уже в такой форме фиксироваться лексикографами:

Wilhelmstrasse: a street in Berlin (RHD);

Place Pigalle: a square in Paris (RHD).

В результате, наиболее частотные классификаторы, склонные к инкорпорации, начинают включать в словник толковых словарей: *Strasse*, *Platz*, *Place*, *Piazza*, *palazzo*.

На процесс «инкорпорации» (то есть включения) классификатора в состав имени собственного уже указывали лингвисты второй половины XX века, приводя примеры «Флит-стрит» и «залив Ферт-оф-Клайд» (Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960, ч.1: 116-117). Поскольку при этом еще нередко добавляется классификатор языка описания, весь комплекс становится тавтологическим, например, известное всему миру «**озеро Лох Нэсс**» («лох» – озеро) или «**город Солт-Лейк-Сити**» (который еще в середине XX века назывался «Город Солёного озера»).

Наиболее интенсивно процесс инкорпорации классификаторов в новейшее время идет в теме «Город» и прослеживается на материале современных аутентичных путеводителей. Классификаторы лексической группы «улица» (*проспект, бульвар, переулок, площадь* и др.) «инкорпорируются» в собственно наименование улицы, превращаясь в *сложный ономастический комплекс*:

Retracing your steps to the **Park Kultury subway stop**, go right when you reach the corner with busy **Zubovsky bulvar**, over the **Krymsky most** (Fodor 1999: 57).

Another festival for first graders and their parents will be held on Sunday on **Solyanoy Pereulok** (*SPb Times* 30.08.1996).

В этой связи следует отметить, что одно и то же слово ведет себя по-разному в тех случаях, когда оно выступает как имя нарицательное и тогда, когда оно превращается в классификатор. В частности, русское слово «театр» значительно шире по своему значению английского слова theater, поскольку последнее означает в первую очередь «драматический театр». Тем не менее, в тех случаях, когда слово «театр» превращается в ономастический классификатор, например «Большой театр», «театр Современник», «Мариинский театр», этот классификатор заимствуется, становясь не столько частью семантической структуры ксенонима, сколько частью идентификационного комплекса: Bolshoi Theatre, Sovremennik Theatre, Mariinsky Theatre.

С ономастическими классификаторами особенно часто приходится сталкиваться в случае топонимов: «Белое **море**», «**река** Лена», «Воробьевы **горы**». Значительная часть русских классификаторов полионимичны и могут автоматически замещаться соответствующими англоязычными классификаторами: **ocean, sea; strait, canal; river; island; archipelago; mountains, desert; peninsula; isthmus**.

Для некоторых классификаторов возможны варианты, и многое решает традиция, например gulf (bay), ср.: the **Gulf** of Finland ◇ the Peter the Great **Bay** ◇

Классификатор «возвышенность» может передаваться терминами hills и upland, поэтому топоним «Валдайская возвышенность» появляется

на картах и в текстах the Valdai **Hills/ Uplands**. Аналогично «Восточно-Европейская низменность»: the East European **Plain/ Lowland**.

Естественно заимствование и топонимических классификаторов-идионимов:

The highest cone, Klyuchevskaya **Sopka**, reaches an elevation of 4,750 m (15,584 ft) (EncEncarta).

The boundary between the two seas runs along a line joining Cape Kanin **Nos** and Cape Svyatoy **Nos** (EncBr).

В практике межкультурной коммуникации нередко приходится встречаться с классификаторами административного деления стран. Наиболее употребительные классификаторы заимствуются и даже входят в слой общеупотребительной лексики (например, швейцарский «**кантон**», французский «**департамент**», немецкая «**земля**», в англоязычном варианте – **Land**). Твердо закрепившихся соответствий классификаторам административного деления России в английском языке нет. Используемые заимствования следует отнести к окказиональным ксенонимам:

Administratively, Russia includes 21 republics; 6 territories known as **krais**; 10 national areas called **okrugs**; 49 regions, or **oblast**; 1 autonomous **oblast**, and 2 cities with federal status (Enc Encarta).

На практике, впрочем, в академических текстах встречается параллельное употребление и заимствованного классификатора, и его аналога:

Russia has small frontages in the northwest on the Baltic Sea at St. Petersburg and at the detached Russian **oblast (province)** of Kaliningrad.

Vladivostok is the major seaport of Russia's Far East on the Pacific coast, administrative center of Primorskiy **krai (territory)**... (EncBr).

В популярных текстах ограничиваются одними аналогами: область – province (region), край – territory, округ – area.

Орфография антропонимов

Орфография **антропонимов* (в английском языке – first, middle, last name) представляет особую трудность. Если в ходе межкультурного общения, скажем, потребуется обсуждать сказки братьев *Гримм*, *Андерсена* или *Шарля Перро*, то даже искушенные преподаватели могут оказаться в затруднении, отыскивая в англоязычных словарях эти ксенонимы «третьих культур». Впрочем, нет и доступных словарей, где мы могли бы найти англоязычные названия основных и неоднократно упоминаемых газет и журналов («Фигаро», «Штерн», «Шпигель»), названия всемирно известных литературных произведений «третьих культур», названия ведущих музеев мира и пр. Между тем потребность в подобных словарях как никогда велика.

Значительные трудности возникают даже при переходе от русскоязычных вариантов ономастических ксенонимов к их англоязычным первоисточникам. Скажем, если нам надо определить англоязычный вариант имен «Дэвид Юм», «Джон Локк» или «Ивлин Во», попытки стихийного установления правильного написания ни к чему не приведут, поскольку в английском языке очень сложные взаимоотношения между произношением слова и его написанием. Если речь идет о латиноалфавитных (в первую очередь – западноевропейских) культурах, на помощь может прийти энциклопедия или энциклопедический словарь, поскольку в подобных справочных изданиях в качестве привязки в скобках приводится идионим-прототип: **Ларошфуко** (La Rochefoucauld) Франсуа де (1613-80), французский писатель-моралист (БЭС); правда, эти справочные издания чаще всего ограничиваются только фамилией: David **Hume**, Evelyn **Waugh**, John **Locke**.

Сложнее дело обстоит с гетерогенными (по отношению к английскому языку) алфавитами – арабским, греческим, ивритом, хинди, китайским, русским, японским. Здесь остается идти только методом проб и ошибок. Ср.: Ксенофан/ Xenophanes; Зенон/ Zeno; Лао-Цзы /Lao-tse. К сожалению, единой системы транслитерации идионимов внешних «третьих» культур в АЯМО пока еще не выработано.

Манера латинизации русских фамилий также определяется разнообразными факторами. В некоторых случаях фамилия состоит из тех русских букв, которые никогда не вызывали сомнений при латинизации, например, Карамзин → Karamzin; Фонвизин → Fonvizin. В других случаях мы стоим перед теми, до сих пор нерешёнными, проблемами, о которых только что было сказано, когда даже известная фамилия всё ещё не получила однозначной латинизации, например: Dostoevsky – Dostoyevsky, Dostoevskiy...

Фамилии известных россиян французского, немецкого, итальянского и испанского происхождения нередко пишутся в их этимологическом варианте в соответствии с нормами соответствующего языка – Schmidt, Eisenstein, etc. Некоторые россияне и/или иностранцы, долго жившие в России, имеют «двойную кодификацию» своей фамилии, и с этим приходится считаться:

...Alexandre **Benois** (**Benua**, 1871-1960), the painter and art critic (CamEnc 1994: 227). Ср.: «Монферран»: Montferrand.

Зато, если речь идет о «простых смертных», используется формальная транслитерация, независимо от доказанной или предполагаемой этимологии: Ро → Ro, Гофман → Gofman, Мюллер → Myuller.

Значительную помощь межкультурная коммуникация получила от современных информационных технологий. Так, набрав в русскоязычной Wikipedia «Александр Бенуа», мы, перейдя на English узнаём: Alexandre Nikolayevich Benois (*Russian* , also spelled Alexander Benois). Впрочем, к данной «народной» энциклопедии следует относиться осторожно, как говорят англичане: We should take it with a pinch/grain of salt.

Наименования литературных произведений

Следует отметить, что традиция АЯМО формируется с небольшими различиями в различных сферах внешней культуры. В случае франкоязычных названий нередко закрепляется заимствование:

His two recognized masterpieces are *Le Rouge et el Noir* (1830) and *La Chartreuse de Parme* (1839), each is remarkable for its political dimension... (OEED Stendhal).

При обсуждении немецкой литературы может использоваться параллельно заимствованное название и переводной вариант.

His early play *Die Räuber* (*The Robbers*, 1781) established him as the leading figure of this period of German literature; *Kabale und Liebe* (*Intrigue and Love*, 1784), on which Verdi based his opera *Luisa Miller*, attacked contemporary society (OEED Schiller).

При упоминании наименований произведений русской литературы в *популярных* текстах неизменно используются переводные варианты:

His series of novels ... includes *Rudin* (1856), *On the Eve* (1860), *Fathers and Sons* (1862) in which in Bazarov he created a Nihilist hero, and *Virgin Soil* (1877) (OEED Turgenev).

Вместе с тем в случае строгого введения в текст наименований произведений русской литературы непременно используется параллельное подключение переводного варианта и транслитерированного (в случае Wikipedia – ещё и трансплантированного, т.е. переданного кириллицей) идионима:

From a literary point of view, the best work of Old Russian literature is the *Slovo o polku Igoreve* (*The Song of Igor's Campaign*)... (EncBr).

Gogol`s "Shinel" (1842; "The Overcoat") is probably the most influential Russian short story (EncBr).

Ruslan i Lyudmila (1820; *Ruslan and Ludmila*) ends with a startlingly sombre epilogue (EncBr).

Наиболее полную информацию (хотя научно и не всегда проверенную) мы получаем опять-таки в Wikipedia:

The Tale of Igor's Campaign (*Old East Slavic* Слово о плъку Игоревѣ, *Russian*: Слово о полку Игореве, *Slovo o polku Igoreve*) is an

anonymous epic poem written in the Old East Slavic language. The title is occasionally translated as *The Song of Igor's Campaign*, *The Lay of Igor's Campaign*, and *The Lay of the Host of Igor*.

В качестве наименования литературного произведения *обычно закрепляется то, которое дано наиболее распространенному переводу*:

Literary works cited in this book are, wherever possible, from an English-language translation available in bookshops (Figs 2003: xvi).

В целом ряде случаев выход на исходный вариант не представляет особых трудностей: *War and Peace* ♦ *Crime and Punishment* ♦ *Boris Godunov* ♦ *Three Sisters*. Случается, что закрепляется спорный вариант: *Fathers and Sons* (такой отход от оригинала может сейчас представляться неполиткорректным). В частности, закрепился переводческий вариант лермонтовского шедевра *A Hero of Our Time*, хотя использование в данном случае неопределенного артикля не бесспорно.

Любопытно, например, что американское издательство Dover Publications выпускает в 2005 г. роман Ф. Достоевского под привычным названием *The Brothers Karamazov*, а издательство Wordsworth Classics в 2007 г. публикует *The Karamazov Brothers*, причем самое примечательное то, что в обоих случаях переводчиком выступает один и тот же человек: Constance Garnett.

В редких случаях переводчик отходит от авторского варианта и дает свое наименование книги, что создает проблемы с межъязыковой обратимостью:

Drawing on this experience he wrote his first important novel, *Razgrom* (1927; *The Nineteen*), which deals with a ragged band of 19 Red guerrilla fighters trapped between the Whites and the Japanese (EncBr: Fadeyev).

Заметим, что во всех обсуждаемых случаях мы имеем дело с *традиционным* переводом: это тот случай прямого межкультурного диалога, где автору приходится использовать готовые переводческие варианты.

Орфография заимствованных русизмов

Mum, How Do You Spell Gorbachof? (the title of an Australian documentary, *Moscow News* 1986, No.50).

«Разноязычие» народов земной цивилизации сопровождается сосуществованием множества письменных систем, что создаёт дополнительные трудности в межкультурной коммуникации. Специфическая национальная форма письменности это еще один способ национально-культурной идентификации. С распадом СССР и выдвижением английского языка в позицию глобального языка

международного общения стало очевидным, что с точки зрения графического оформления лексики в мире преобладает латиница. Этот фактор становится значимым в эпоху «глобанглизации», поскольку ни одно сколько-нибудь серьезное описание русской культуры не может обойтись без включения в него заимствованных латинизированных русизмов:

Moscow Academic Art Theater also called (until 1939) 'Moscow Art Theater', Russian '*Moskovsky akademichesky khudozhestvenny teatr*', or '*Moskovsky khudozhestvenny teatr*', abbreviation MKhAT, outstanding Russian theatre... (EncBr).

Английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры, АЯМО (РК), прошел долгий путь с тех пор, как в 1600 году была воспроизведена Джоном Мерриком «транскрипция латинскими буквами» фразы русского языка того времени:

Me velikoe hospodare schare e velico knaze Buriss Phedorowich seeyaruse samoderzets... (Алексеев 1944: 80).

Никакого научного подхода в латинизации русизмов вплоть до начала XX века не было, поэтому порою просто трудно восстановить, какие именно русизмы-прототипы имелись в виду, в частности и у Байрона, углубившегося в одном из своих произведений в русскую тематику:

... there was **Strongenoff**, and **Strokonoff**,
Meknop, Serge Low, Arsniew of modern Greece,
And **Tschitsshakoff**, and **Roguenoff**, and **Chokenoff**,
And others of twelve consonants apiece...

(G.Byron. *Don Juan*, Canto 7.XV)

В наши дни глобальной компьютеризации особое значение приобретает проблема *стандартизации* АЯМО (РК), в том числе и в плане латинизации заимствований. Фактически в современном мире англоязычное написание наименований элементов культур различных народов можно приравнять к стандартизации терминов флоры и фауны посредством латинского языка. Англоязычный вариант наименования «физических лиц», фирм, произведений литературы и искусства, товаров приобретает особую значимость.

Расхождение в написании одной буквы в фамилии человека может привести к большим проблемам: «Антропонимия порождает многочисленные правовые вопросы и внутренние и международные. У нас они совсем не разработаны» (Никонов 1974: 249). Ситуация с тех пор не изменилась с той разницей, что значительно возросла роль английского языка. По сути дела, англоязычное наименование элементов земной цивилизации в наши дни глобальной компьютеризации и

«глобализации» имеет особую значимость, поскольку носит *юридический характер*.

Не случайно, соперничающие претенденты на монопольное право владением торговой маркой популярной водки «Смирновская» различным образом трактуют её написание по-английски:

Smirnoff, a brand name held by Britain's Grand Metropolitan Plc., has been involved in a long series of legal battles with Russian rival **Smirnov** over rights to the name (*SPbTimes* 09.09.1997).

Между тем приходится с сожалением констатировать, что орфография англоязычных русизмов еще далека от стандартизации. Нередко составителям справочных изданий приходится приводить множество вариантов написания одного и того же русизма. Выше уже приводился пример разнообразных написаний фамилии «Брюллов». Вот еще пример:

shchi, also – tschee, stchi, stchie, stchee, shtchee, shtchi, shtshi, schtschi (OED) .

Проблема эта столь важна, что многие авторы начинают свою работу именно с объяснения системы латинизации русизмов. Так, авторы капитального труда о России, *Cambridge Encyclopedia of Russia*, уже на первых страницах своей работы приводят свою систему транслитерации. Также поступают Джон Рид в своем репортаже об Октябрьской революции, Hedrick Smith во вступлении к своей популярной книге *The Russians*, Orlando Figes (*Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*), T.J. Binyon в своей прекрасной биографии Пушкина и многие другие.

Существует несколько видов передачи орфографии идионима-прототипа в тексте англоязычного описания русской культуры: «трансплантация», традиционный вариант, практическая транскрипция и транслитерация.

*Трансплантация

Проблема орфографии ксенонима-заимствования фактически снимается в тех случаях, когда идионим механически переносится (инкорпорируется) в текст иноязычного описания культуры без каких-либо адаптаций. В этом случае, как уже было показано выше при обсуждении ксенонимической обратимости, мы имеем дело с *трансплантацией*:

Originally this vast area lying to the west of **Place de la Concorde** was swamp land. After its reclamation, **le Nôtre** in 1667 designed the wide avenue called **Grand-Cours** (it became **Champs Élysées** in 1709), reaching from the **Tuileries** as far as **Place dell'Etoile**, today called **Place de Gaulle** (*All Paris*: 93).

Для понимания особенностей процесса включения в текст иноязычной единицы следует обратить внимание на два варианта соотносимости алфавитов контактирующей пары языков. В тех случаях, когда контактирующие языки (например, английский, с одной стороны, и французский, немецкий, испанский и итальянский или любой другой латиноалфавитный язык, с другой стороны) используют в своей письменности одну и ту же алфавитную систему, мы имеем дело с **гомогенной алфавитной парой*. Если контактирующая пара языков использует в своей письменности различные системы письменности (например, латинский алфавит английского языка и кириллица – русского или английский язык, с одной стороны, и арабский язык, иврит или хинди – с другой), мы имеем дело с **гетерогенной алфавитной парой языков*. Иными словами, в первом случае мы имеем дело с парой однородных контактирующих алфавитов, в то время как во втором случае это разнородные алфавиты.

Современный английский язык широко использует трансплантацию в случае гомогенных алфавитов, то есть в случае латиноалфавитных языков описываемых культур, в первую очередь – французского языка. Например:

The *tertulia*, an age-old Madrid custom, brings experts and devotees together for informal discussions about their favourite subjects. Visitors will surely find *tertulias* about theatre or literature at the *Café Gijón*, art at the *Circulo de Bellas Artes* lounge, and bullfighting and breeding at the bar of the *Wellington* hotel, to name a random few (Birnbbaum 1989: 536).

Показательно, что специалисты объясняют предпочтение, отдаваемой трансплантации латиноалфавитных заимствований тем, что она обеспечивает *уверенную обратимость*: «so that further information can be easily found in a modern dictionary of the language in question» (Bliss 1977: 58).

Трансплантация встречается и тогда, когда мы имеем дело с гетерогенными алфавитными парами. В частности, произведения Карамзина, Пушкина, Тургенева, Герцена, Толстого и их современников полны заимствованиями, трансплантированными из французского, немецкого, итальянского, испанского и английского языков, то есть «иноязычными вкраплениями». Достаточно вспомнить «Войну и мир» Л. Толстого. С трансплантированными заимствованиями мы встречаемся и в первой главе «Евгения Онегина»:

К Talon помчался он: уверен... / Пред ним roast-beef
окравоуленный... / Готов охлопать entrechat...

В XIX веке русификация заимствований вообще считалась неграмотностью («лакейством»). При этом литераторы использовали в

качестве стилистического приема манеру передачи иноязычных включений: русификация последних служила показателем дурного образования (см. Листрова-Правда 1986).

Что касается трансплантации в АЯМО (РК), то вплоть до последней четверти XX века к ней прибегали лишь авторы англоязычных пособий по русскому языку и слависты (Slavists):

P.E. Ščeglov develops a different interpretation in *Дуэль и смерть Пушкина* in his analysis of the famous anonymous *насквиль* (*Slavic and East European Journal*, 37 (3), 1993, p.481).

В очень редких случаях, в основном при совпадении формального написания букв, трансплантация использовалась стилистически:

An enormous illuminated sign read: МОСКВА (Cusack 1964: 2).

Начиная с конца XX века трансплантаты-русизмы стали появляться в англоязычных путеводителях по России, когда туристам давались рекомендации, например, при передвижении по городу в общественном транспорте:

Plan your route beforehand and have your destination with you written down *in Russian* to help you spot the station (Fodor 1989: 161).

Traffic police (recognizable by ДПС or ГИБДД or ГАИ) may also fine you... (*SPbIYP* Dec 2005 – Jan 2006: 07).

Традиционное написание русизмов

Естественный отбор практики межкультурной коммуникации иноязычного описания культуры выделяет те из сосуществующих ксенонимических вариантов написания заимствований, которым в текстах отдается предпочтение (так называемые «*the preferred variants*»): Acmeism, *apparat*, beef Stroganov, Catherine the Great, Varangian, commissar. Написание ксенонимов, которые на данном этапе формирования ЯМО приобретают предпочтительное употребление, будем называть *традиционной ксенонимической орфографией*, например: Moscow, Crimea, Siberia.

Обычно именно традиционная орфография используется в подаче базовых единиц словника. Традиционные варианты, как известно, в процессе коммуникативной апробации нередко подвергаются *языковой ассимиляции*, то есть адаптации, идионима-прототипа. В результате идионимы-прототипы «варяг», «Сибирь», «казак», «Россия» и др. превращаются, соответственно, в Varangian, Siberia, Cossack, Russia. Идиониму «славянофил» в английском языке противостоят два варианта: более близкий к прототипу – Slavophil и более адаптированный к нормам английского языка Slavophile; однако оба варианта являются результатом ассимиляции с элементом греческого субстрата ('ph', а не обычное латинское 'f' при передаче русского «ф»).

Практическая транскрипция

В тех случаях, когда традиционный вариант отсутствует, авторы стоят перед выбором: отдать предпочтение передаче произношения заимствования или же осуществить его научную транслитерацию. В частности, журналист John Reed в предисловии к своему репортажу об Октябрьской революции обосновывает предпочтение первого подхода таким образом:

In the spelling of Russian names and words, I have made no attempt to follow any scientific rules for transliteration, but have tried to give the spelling which would lead the English-speaking reader to the simplest approximation of their pronunciation (Reed 1967: 28).

Такой подход в отечественной лингвистике нередко называют «практической транскрипцией» (Суперанская 1962).

**Практическая транскрипция* – это «запись иностранных слов средствами национального алфавита с учётом их произношения» (ЛЭС: 518). Практическая транскрипция дает представление о том, как произносится идионим-прототип, однако не гарантирует однозначности воспроизведения иноязычного слова, а следовательно, порождает варианты прототипа.

Практическая транскрипция основывается на «здравом смысле» (common sense): к ней чаще всего прибегают люди, не располагающие научным подходом к данной проблеме. Результатом становятся самые фантастические написания латиницей русских слов:

Shto Delat'? (Brinkle 1990: 107).

Schastlivavo puti – have a good trip (Walker 1989: 11).

Поскольку взгляды на «здравый смысл» у разных людей разные, итогом такого творчества становится разноречивой орфографии заимствований. В результате, один автор при передаче русизма «ГУМ» выбирает написание «GUM» (наиболее распространенный вариант), другому представляется более подходящим вариант «GOOM», а третьему – «GOUM».

Дотошные лингвисты подсчитали, что фамилию английского писателя Galsworthy можно передать в русском тексте 144 вариантами (Гиляревский, Старостин 1985: 33). «Такое нетрудное название, как *Кызылкум*, писали у нас в 30 различных вариантах» (Никонов 1965: 10).

Вплоть до середины XX века наиболее популярна была именно практическая транскрипция с её неизменным спутником, вариативностью, что и фиксируется словарями:

tovarishch, also – tovarich, tovaristch, tavarich, tavarisch, tavaritch (OED)

verst, also – *werste, werst, worst, wurste, verste, vorst, verse, ferse* (OED).

В частности, в 1947 г. Б. Герни писал о «32 различных способах написания (результат точного подсчета) такой простой фамилии как Тургенев...» (Guerney 1947: 8). Действительно, например, Э. Хемингуэй в своем романе *Fiesta* в главе XIV упоминает писателя «Turgenieff».

Практическая транскрипция может принимать самые разнообразные виды, порою нося «доморощенный» характер. Вот, например, как передает русизмы опытный переводчик, проживший долгое время в России, R. Daglish в своей информативной книге *Coping with Russia. A Beginner's Guide to the USSR* (1985): *spaséebo, neechevó*. А вот еще один пример:

...a Russian merely says *ya puluzhéel róokoo v karmán* (Daglish 1985: 39).

Ориентация на передачу произношения в тексте, адресатом которого становится неподготовленный адресат, в особенности в современных путеводителях, приводит к очень интересным способам транскрипции:

Russians love ice cream, bought anywhere you see the label *morozhenoe*, мороженое (‘*ma-ROH-zhinah-yuh*’) (Noble et al. 1996: 146).

Таким образом, практическую транскрипцию можно охарактеризовать как весьма приблизительный, зачастую любительский способ графической передачи ксенонима. В своем стремлении отразить произношение заимствования практическая транскрипция ориентируется в первую очередь на неподготовленную аудиторию читателей.

Транслитерация. Перейдет ли русский язык на латиницу?

Это может показаться странным, но русский алфавит представляется англоязычным чрезвычайно трудным. Тот факт, что некоторые буквы совпадают и по графике, и (в известной степени) по передаваемому ими произношению (например, «А», «К», «М», «Т» и др.), в то время как другие (например, «В», «Н», «Р») совпадают только по форме, а третьи, наконец, не представлены в латинском алфавите вообще (например, «Г», «Ж», «Ц»), ставит иностранцев в тупик. Не случайно, одно из первых слов, которое зрительно они запоминают, это слово РЕСТОРАН (написанное именно прописью), но произносят они это слово, подставляя латинские буквы: «пектопá». В конце прошлого века в Британском посольстве в Москве даже был кот по имени *Restorah*.

Вот почему в подавляющем большинстве случаев русизмы в тексте англоязычного описания русской культуры передаются посредством латинизации:

In his *Khozhdeniye za tri morya* ("Journey Beyond Three Seas") a merchant, Afanasy Nikitin, describes his travels to India and Persia during 1466-72 (EncBr).

Важность стандартизации латиноалфавитного оформления русизмов уже давно осознана в нашей стране. К сожалению, многие десятилетия, прошедшие с тех пор, как лингвисты стали заниматься этой проблемой, так и не принесли каких-либо результатов. В 2006 г. исполнилось сто лет поискам системы транслитерации русизмов. Этой проблемой занимались такие гиганты отечественной лингвистики, как Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон и А.А. Реформатский. Тем не менее приходится констатировать, что в нашей стране до сих пор не принято решение об унификации латинизации русизмов.

Летом 2007 г. мне (В.К.) довелось плыть на речном круизе в качестве лектора американских туристов. Среди переводчиков были три девушки, у которых на карточках были написаны их имена: *Yulia, Katya, Galja*. Такой разницей в латинизации русизмов, в частности при передаче русской буквы «Я», точно отражает сложившуюся в АЯМО (РК) ситуацию. Между тем, единообразие в латинизации русизмов может быть достигнуто только в случае существования *единой общепринятой системы транслитерации*.

**Транслитерация* – это научно обоснованная система перехода от письменности одного языка к письменности другого языка.

В нашем случае имеется в виду конкретная гетерогенная пара алфавитов: латинский алфавит английского и кирилловский алфавит русского языков. Транслитерация призвана установить однозначное соответствие между двумя системами письменности, и её достоинством является то, что *в результате транслитерации иноязычного слова возникает один и только один вариант его написания*.

Основной проблемой при переходе от кириллицы к латинице, как известно, является *дефицит букв латинского алфавита*. 44 фонемы русского языка передаются 32 буквами (плюс факультативное «Ё») русского алфавита. Между тем в алфавите современного английского языка 26 букв, причем часть из них в транслитерации не задействована. В частности, не используются, как правило, буквы *C ♦ J ♦ Q ♦ W ♦ X*.

С проблемой дефицита латинских букв столкнулись все народы, к которым латинская письменность пришла вместе с христианством. Исторически сложились два пути решения этой проблемы. В первом случае (его условно называют *польским*) дефицит снимается использованием комбинации латинских букв: *sz = ш, cz = ч, szcz = щ*. Во втором случае («чешский») на помощь приходят надстрочно-подстрочные знаки (**диакритика*) и «лигатура» (написание двух и более букв одним знаком):

Ё ♦ ä ♦ à ♦ á ♦ å ♦ ç ♦ î ♦ ñ ♦ þ ♦ ð ♦

Всякий, кому приходилось прибегать к диакритике, знает, насколько это неудобно. Трудности возникают обычно в связи с отсутствием в

арсенале доступных необходимых знаков диакритики. Появление компьютера не только не сняло эту проблему, но еще более обнажило неудобство диакритики. Дело в том, что знаки диакритики, которые нелегко набирать и на компьютере, нередко исчезают в ходе работы с текстом (например, при переносе отрывков из одного файла в другой). Не случайно англоязычный мир с большим нежеланием воспринимает диакритику, и при ассимиляции заимствований она первая становится жертвой упрощения написания слова.

Вопрос латинизации русизмов при внесении их в латиноалфавитный текст рассматривается с начала XX века с ориентацией либо на французский, либо на английский язык. В последней четверти XX века все системы транслитерации русизмов рассматриваются исключительно с привязкой к английскому языку. При этом одни авторы используют в своих проектах диакритику (преимущественно в академических текстах), другие – идут по пути передачи отсутствующих букв сочетанием имеющихся графем.

**Конкурирующие системы транслитерации*

Пристальное внимание Запада к России, в особенности в годы «холодной» войны, заставило западных специалистов-русистов разработать свою систему транслитерации. К сожалению, появилось несколько конкурирующих друг с другом систем, среди наиболее распространённых – Британский стандарт (*British Standard*) и система Библиотеки Конгресса (*Library of Congress*) США. Однако и в отношении этих систем следует признать, что их применение ограничивается соответствующими регионами и рамками научных стилей. Системы, созданные в России и СССР, прежде всего *система ИЯ АН СССР*, а также система СЭВ распространения не получили.

Длительный опыт апробирования различных способов транслитерации показывает, что *практика англоязычного описания русской культуры предпочитает избегать диакритику*. Заметим, кстати, что виртуально существующая система транслитерации ИЯ АН СССР использует диакритику: *Vysšaja škola; Ščerba*. Это делает ее малопривлекательной для межкультурного общения. Представляется странным поэтому, что именно эту систему по какой-то причине реанимировали, дав на российских почтовых марках параллельно имени страны «РОССИЯ» и латиноалфавитный вариант ROSSIJA.

Разнобой в латинизации русизмов дополняется еще тем, что различные ведомства используют свои системы транслитерации, хотя лингвисты уже давно отмечали, что не может быть различных систем транслитерации для представителей различных специальностей (Реформатский 1960: 9).

В условиях отсутствия общепринятой системы латинизации русизмов авторам нередко приходится указывать, в какой системе транслитерации осуществлено написание:

Russian names are spelled in this book according to the standard (**Library of Congress**) system of transliteration... (Figs 2003: xv).

Prokofiev ('Prokofjev' in the transliteration system of the *Akademiya Nauk*)... (EncBr).

Вот почему специалисты вынуждены прибегать к так называемой **House Style*, т.е. той системе транслитерации, которой отдает предпочтение конкретный издатель или автор публикации:

House style, a particular printer's or publisher's etc. preferred way of presentation (OEED).

Выбор системы транслитерации

При работе над англоязычным текстом описания русской культуры переводчику следует чётко определиться с используемой им системой транслитерации. В тех случаях, когда автор работает на солидное издательство, он должен следовать линии, избранной издателем, то есть соблюдать издательский «House Style». Если по каким-то причинам издательство не диктует систему транслитерации, автор любого более или менее серьезного описания русской культуры непременно в начале работы должен оговорить избранную им систему.

Приводимая ниже таблица наглядно иллюстрирует отсутствие стандартизации в латинизации русизмов даже в авторитетных изданиях (*Cambridge Encyclopedia of Russia; Reference Guide to Russian Literature, Encyclopaedia Britannica*):

CamEnc (1994)	Ref. Guide (1998)	EncBr 2001
Arkhangel'sk	Archangel	Arkhangelsk (Archangel)
Batyushkov	Batiushkov	Batyushkov
Dostoevsky, Fyodor	Dostoevskii, Fedor	Dostoyevsky, Fyodor
Yevgeny	Evgenii	Yevgeny
Sevastopol' (Sebastopol)	Sebastopol	Sevastopol
Tchaikovsky	Tchaikovskii	Tchaikovsky
Tolstoy L.N.	Tolstoi, Lev	Tolstoy, Leo

Ниже приводится система транслитерации, которая чаще всего используется в популярных публикациях. В ее основе лежит British Standard и те межалфавитные соответствия, которые сложились в ходе длительной практики англо-русских письменных контактов. Нетрудно

видеть, что в случае большей части букв русского алфавита (точнее – 24) разногласий при транслитерации не возникает. Трудности связаны лишь с теми буквами, которые в приводимой ниже системе сопровождаются вопросительными знаками.

Таблица . Транслитерация русизмов de facto в англоязычных текстах

А=A	Б=B	В=V	Г=G
Д=D	Е=??	Ё=??	Ж=Zh
З=Z	И=I	Й=?	К=K
Л=L	М=M	Н=N	О=O
П=P	Р=R	С=C	Т=T
У=U	Ф=F	Х=Kh	Ц=Ts
Ч=Ch	Ш=Sh	Щ=Shch	Ъ= « ? / Ь= ' ?
Ы=Y	Э= ?	Ю=Yu?	Я=Ya?

Проблематичные буквы нуждаются в комментарии.

«Ее»: В большинстве случаев эта русская буква передается соответствующей латинской буквой: *perestroika*. Диграф «Ye» часто используется в тех случаях, когда (1) слово начинается с буквы «Е» (*Yesenin*), (2) когда идут подряд две буквы «Е» (*Mendeleyev*) или (3) когда буква «Е» следует за гласной (*Griboyedov*).

«Ёё»: Это факультативная буква русского алфавита. Она либо передается с помощью латинской «Е», либо используется диграф «Yo»: (*yolka*; *Beryozka*; в американской системе транслитерации используется диграф «Io»: *Beriozka Ensemble*). Иногда русскую диакритику оставляют: *Potëmkin*.

«Йй»: Наименее стандартизированная буква. Хорошо известны традиционные заимствования, где используется латинская буква «I»: *troika*, *perestroika*. Разногласия в передаче наблюдаются в случае распространенного в русском языке окончания «-ский», которое часто в англоязычном тексте ассимилируется в «-SKY»: *Dostoevsky*. Причем нередко такой ассимиляции подвергается и окончание «-ый»: *Grozny*. На практике можно встретить варианты *Olimpiiskii/ Olimpiyskiy* и так далее.

«Ц=Ts»: В настоящее время русская буква «Ц» довольно последовательно передается с помощью диграфа «Ts», правда при таком подходе диграф *Ts* потенциально соответствует как букве «Ц» (*Vysotsky*), так и буквенному сочетанию «ТС» (*Sovetskaya Gavan'*). К счастью, такая проблема в АЯМО (РК) возникает редко.

«Ъ» (hard sign): Эта низкочастотная буква русского алфавита нередко опускается, а передается она посредством использования *двойных кавычек*: *S»ezdovskaya ulitsa*.

«Ь» (soft sign): Частотный мягкий знак чаще всего опускается. Для его передачи, в частности в системе British Standard (так поступает и CamEnc), используются одинарные кавычки: **Arkhangel'sk**. Неудобство такого решения, однако, становится очевидным, когда мягкий знак стоит в конце слова, где знак, передающий «Ь», может накладываться как на английский притяжательный падеж, так и на выделение одинарными кавычками текста, например: «произведения Гоголя» = **Gogol's works**.

«Э»: Чаще всего эта буква передаётся с помощью «Е», а это значит, что в транслитерированной форме две русские буквы «Е» и «Э» сливаются в одну, что затрудняет обратимость ксенонимов-русизмов. Впрочем, трудности это не вызывает. Во-первых, буква «Э» не очень часто встречается. Во-вторых, передача с помощью «Е» приблизительно передает исходное звучание, а поскольку эта буква обычно встречается в интернационализмах, достигается графическое сходство с англоязычным коррелятом этого интернационализма (ср.: *elektrichestvo* – electricity).

«Ю=Yu» и «Я=Ya»: Эти британские варианты при использовании американской системы транслитерации (Library of Congress) превращаются, соответственно, в **Iu** и **Ia**. Предпочтительное распространение британского варианта закрепилось в названии крымского города Yalta, вошедшего в историю после прошедшей там конференции 1945 года.

Избрав ту или иную систему, следует последовательно ее использовать, прибегая, таким образом, к «формальной транслитерации». Под **формальной транслитерацией* будем понимать механическую замену букв русского алфавита буквами латинского алфавита в соответствии с избранной системой, например:

...secondary general and polytechnical labour schools with production training (*srednyaya obshcheobrazovatel'naya trudovaya politekhnicheskaya shkola s proizvodstvennym obucheniem*)... (EncBr).

А вот, например, как американский русист оформляет **сноску* в своей статье:

Sergei Z. Chernov. «Sel'skie nekropoli XIV-XVI vv. na severo-vostoke Moskovskogo kniazhestva,» *Moskovskii nekropol'. Istoriia, arkheologii, iskusstvo, okhrana*, eds. V. F. Kozlov et al. (Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury, 1991). (Kaiser, Discovering Individualism... 2004: 90).

В заключение следует признать, что выработка единой общепризнанной системы латинизации русизмов в международных контактах более чем назрела. Показательно, что западные авторы англоязычных описаний русской культуры сетуют на то, что Россия не предлагает какой-либо одной системы латинизации русизмов (выделение наше. – В.В.К.):

Although we have tried to be consistent about the spelling of Russian names in this book, we find **the Russian authorities are not consistent about transliteration of the Cyrillic alphabet into our familiar Latin letters** (Fodor 1999: 229).

Грустно, что и в установлении единой системы транслитерации китайцы нас обогнали, приняв на государственном уровне в 1980 г. систему Pinyin латинизации китайских иероглифов. Это сделало необходимым для англо-американских картографов заново переписать четыре миллиона топонимов (*Time* 27.09.1982, p.24). В результате привычный «Пекин»/Peking превратился в английском языке в Beijing.

Между тем в нашей стране на самом высоком академическом уровне обсуждается идея полного отказа от кирилловского алфавита с переходом на латинский алфавит:

«По моим прогнозам, в течение этого столетия русский язык перейдет на латиницу. Декретов не будет – жизнь все определит. Сначала на латиницу перейдет компьютерная переписка, потом печать на принтере, малотиражная и техническая литература. Родная кириллица сохранится как памятник истории. Ей будут пользоваться поэты, на ней будут писаться церковные тексты» (Сергей Арутюнов, чл.-корр. РАН; «Известия», Битва вокруг алфавита, 25.08.2001).

Не трудно представить, к какому расколу в обществе такая идея может привести. Между тем нет никакой необходимости в столь радикальной ломке русской традиции. Достаточно только, подобно КНР, принять на государственном уровне *«Вспомогательный латинский алфавит русского языка» (*ВЛАРЯ)*. ВЛАРЯ должен быть полностью подчинен основному, кирилловскому алфавиту и использоваться лишь в международных контактах, где стандартизация написания русизмов так необходима. Идея отказа от кирилловского алфавита не только несостоятельна, но и опасна, чревата непредсказуемыми последствиями. Трудно представить, чтобы в обозримом будущем русская культура отказалась от своего алфавита.

Реставрация ономастических ксенонимов

Отсутствие стандартизации в написании ксенонимов препятствует межкультурной коммуникации, затрудняя идентификацию элементов культуры. Такой разноречивой вступает в противоречие с центростремительным развитием земной цивилизации.

Вот почему в ходе формирования языка межкультурного общения (ЯМО) наблюдается стремление приблизить ксенонимы к их прототипам, например: *сореck* → *кореck* → *кореk*; *моуjик* → *музhик*.

Постепенный процесс «деассимиляции», приближения написания ксенонима к его прототипу будем называть **ксенонимической реставрацией*.

Ксенонимическая реставрация особенно активно идет в сфере ксенонимической ономастики, и это естественно, поскольку идентификационная функция особенно ярко проявляется именно в именах собственных.

В своем руководстве по употреблению современного нормативного английского языка авторы В. Greenbaum и R. Quirk отмечают, что в прошлом наблюдалась ассимиляция собственных имен. «Но сейчас это, судя по всему, эта тенденция претерпевает изменения... мы теперь стремимся произнести Marselles и Rheims приблизительно так, как это делают жители этих городов, в то время как наши предки рифмовали их с Wales и dreams».

А вот и русская ономастика: Sebastopol → Sevastopol' ◇ Archangel → Arkhangel'sk ◇ Kronstadt → Kronshtadt ◇

Характерно, что словари начинают включать в свой словник идионимы-прототипы даже в тех случаях, когда они еще не вошли в широкое обращение. Это является свидетельством того, что эти самоназвания (self-appellations) достаточно регулярно встречаются в текстах:

Sibir': Russian name of Siberia (RHD);

Rossiia: Russian name of Russia (RHD).

Представляется показательным сравнение двух ксенонимических вариантов прототипа «Сибирь» в этом примере:

A third domestic airline that will take you into the heart of **Siberia** (and elsewhere) is **Sibir**... (Fodor 2002: xiii) ◇

Традиционно имена русских царей, начиная с Петра Первого, англизируются: Peter, Catherine, Elizabeth... Тем не менее в последнее время встречается и формальная транслитерация, уже привычная в случае имен «простых» русских:

Then she shows them the menu for the banquet given in honour of the visit of Tsar Nikolai II and his wife Alexandra on their visit to France in 1896... (Gillespie 2012: 798).

Между тем еще в публикациях середины XX века можно встретить упоминание Nicholas Gogol' и Michael Lermontov. Архаичным стало и окончание русских фамилий на –OFF, встречающееся сейчас разве в наименовании водки Smirnoff или блюда beef Stroganoff, да в традиционных ксенонимах, сохраняющих ещё архаичную форму:

...the spectacular Orloff diamond (Brinkle 1990: 101) ◇ Orlov diamond (EncBr).

Длительный процесс противостояния ксенонимов *prospect* и *prospekt* при передаче русского классификатора «проспект» в последнее время явно решается в пользу последнего, и не только в путеводителях, где это уже *a must*:

Kutuzovsky **Prospekt** may well be the broadest street in Moscow (Meier 2004: 28).

Причём в путеводителях этот классификатор уже обычно пишется «по-русски», то есть со строчной буквы: Kutuzovsky *prospekt*, а в SPbIYP, например, это вообще Kutuzovsky *pr*.

Ксенонимы, отражающие бытовые реалии, постоянно фигурируют в современных описаниях русской культуры:

Then suddenly a black Volga, an illuminated *migalka* fixed to its roof, speeds down the middle of the *prospekt* (Meier 2004: 29).

Процессу реставрации способствует также то, что в случае «вторичного использования собственных имен», то есть перенесения уже известных названий на имена гостиниц, ресторанов, фирм и пр., они обычно не переводятся, а заимствуются.

Показателен пример идионима «Санкт-Петербург», реставрация которого задержалась в связи с тем, что город в XX веке носил имя «Ленинград». После того как городу было возвращено имя, данное ему Петром Великим, Северную столицу, естественно, стали называть традиционным в АЯМО (РК) именем St. Petersburg (изредка Saint-Petersburg). Однако практика межкультурной коммуникации сейчас работает на реставрацию этого ксенонима. В частности, гостиница «Санкт-Петербург» фигурирует в англоязычных текстах как the Sankt-Peterburg Hotel. Аналогично гостиница «Москва» непременно появляется в тексте как the Hotel Moskva.

Традиция в межкультурной коммуникации играет большую роль, поэтому, видимо, можно ожидать, что в обозримом будущем русские будут продолжать произносить «Техас». Однако трудно согласиться с мнением авторитетных лингвистов, высказанным во второй половине XX века: «...можно быть уверенным, что, поскольку Англией правили два Карла, когда нынешний принц Уэльский вступит на престол, он будет Карлом, а не Чарльзом Третьим» (Бархударов, Рецкер 1968: 77). Безусловно, *God save the Queen*, и тем не менее когда/если на трон вступит тот, кого мы уже сейчас называем «принцем Чарльзом», а не «принцем Карлом», трудно представить, что в русском языке межкультурного общения будет фигурировать «король Соединенного Королевства Карл III». Скорее всего мы все-таки будем говорить о короле Чарльзе III. Вступит в силу механизм ксенонимической реставрации.

Формирование АЯМО (РК)

Процесс отбора оптимальных ксенонимических вариантов осуществляется медленно. АЯМО (РК) к началу 2000 года прошел длительный путь формирования, который мы подытожили на обширном материале аутентичных текстов и наиболее авторитетных английских словарей в словаре *The Dictionary of Russia*. В этом словаре зафиксированы *традиционные ксенонимические варианты*, которым языковая практика отдает предпочтение (the preferred variants). В случаях сосуществования равноправных вариантов объясняются ситуации предпочтительного использования того или другого варианта. Так, в практике АЯМО (РК) принята калька hammer and sickle (прототип: «серп и молот»), хотя, следуя логике калькирования, казалось бы, следовало бы поменять компоненты местами. Фамилия Петра Ильича Чайковского традиционно начинается с латинской буквы Т: Tchaikovsky. Слово «степь» в англоязычном варианте оканчивается на «-pe»: steppe.

Следует внимательно отслеживать ксенонимы на стадии окказионализмов, не отбрасывая ни один случай употребления, каким бы странным он ни казался, поскольку со временем они могут стать частью словарного состава (later become naturalized)» (EncBr: Dictionaries).

Текущее состояние АЯМО (РК), его синхронию, необходимо учитывать, и не имеет смысла ее ломать. Можно изучить этимологию слова Varangian (прототип: «варяг»), но «исправлять» его орфографию можно только с учетом того, что транслитерация прототипа (Varyag) хотя и будет более правильной, но не будет понята без одновременного указания на то, что речь идет о том, что традиционно принято называть «Varangian»: those were *Varyaqi* (better known as Varangians). Однако для сравнения:

Varyag (also spelled *Variag*; see Varangian for the meaning of the name) (*Russian* Варяг) (Wikipedia).

Можно иметь свое мнение о том, как надо передавать идионим «Могучая кучка», но нецелесообразно игнорировать тот факт, что в музыкальных кругах англоязычного мира эти композиторы известны под именем The Five. Остается лишь констатировать, что сегодня предпочитаемый (традиционный) вариант передачи идионима «Жалованная грамота дворянству» – Charter to the Nobility; что «великих князей» средневековой Руси называют Great/Grand **princes**, а в приложении к дореволюционной царской семье используют ксеноним Grand **Dukes**. Красную площадь традиционно именуют Red Square, хотя и приходится пояснять, что к революционным событиям сопутствующее значение этого собственного имени не имеет никакого отношения:

The name Krasnaya ploshchad – Red Square – has nothing to do with Communism... (Richardson 2005: 63).

А вот в тех случаях, когда «исправление» ассимилированных вариантов не препятствует доступности текста, они не только возможны, но и целесообразны, например: **Lev** Tolstoi (а не **Leo**), Modest Musorgsky (а не Mussorgsky).

Фамилию Tchaikovsky пока лучше не исправлять на Chaikovsky, поскольку читатель (а то и компьютер) может не понять, о ком идет речь. Если же ситуация требует использования «реставрированного варианта», придется параллельно дать привычный вариант: P.I. Chaikovsky (better known in the West as 'Tchaikovsky').

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы факторы, определяющие выбор способа передачи ксенонима? Каков выбор автора текста АЯМО, осуществляющего внутренний перевод? Составьте сводную таблицу способов передачи ксенонимов, уточните их достоинства и недостатки.

2. Сравните сложившиеся системы транслитерации кирилловского письма средствами латинского алфавита. Передайте с их помощью следующие идионимы: Щеглов, царь Алексей Михайлович Тишайший, борщ, подъезд, уезд, тройка, Емеля, жар-птица, власяница, Шитиков, Джигарханян, Фрейндлих.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. – М.: Высшая школа, 1985.

2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р-Валент, 2001.

3. Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г. Транслитерация русизмов в англоязычном описании русской культуры (к столетию поисков системы транслитерации русизмов) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2007. – № 3 (15). – С. 115 – 124.

4. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998.

Глава 6. ПОСТРОЕНИЕ ТЕКСТА ИНОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРЫ

«Do not forget that it is much easier to write in English than to speak English, because you can *write* without a foreign accent» (Mikes: 34).

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ПОДКЛЮЧЕНИЕ

Мы уже имели возможность убедиться, что основным существенным отличием текста иноязычного описания культуры следует считать включение в этот текст *специальных* ксенонимов, что накладывает заметный отпечаток на все построение текста. При этом уместно напомнить, что автор описания иноязычной культуры создает оригинальный текст, то есть автор не связан с необходимостью воспроизводить канву чужого текста. Построение иноязычного описания культуры обусловлено исключительно конкретной языковой ситуацией. Введение в текст незнакомой ксенонимической лексики обычно сопровождается языковой операцией, которую мы будем называть «параллельным подключением».

**Параллельное подключение* – это введение в текст целого комплекса однородных членов предложения и вводных оборотов, которые в своей совокупности осуществляют ксенонимическую номинацию, то есть называют элемент описываемой (внешней) культуры. Например:

The years between the death of Boris Godunov and the accession of Mikhail Romanov are usually known as the *Smutnoe vremya* (Time of Troubles) (CamEnc 1994: 80).

Все это предложение, по сути дела, знакомит читателя с ксенонимом-русизмом *Smutnoe vremya*, представляя сложный лексико-грамматический комплекс. Налицо и заимствование, и его калька (Time of Troubles), и специальные слова, предваряющие ксеноним (known as), и, наконец, описательный оборот, поясняющий незнакомый ксеноним: The years between the death of Boris Godunov and the accession of Mikhail Romanov.

Таким образом, ксенонимический комплекс параллельно подключенных компонентов включает следующие части:

1) *собственно ксенонимическая номинация*, которая может осуществляться с введением в текст двух, реже – более, ксенонимических вариантов; в данном случае в качестве ксенонимических номинаций выступают заимствование *Smutnoe vremya* и калька Time of Troubles;

2) *пояснение специального ксенонима*, в данном случае это начальная часть предложения – The years between the death of Boris

Godunov and the accession of Mikhail Romanov; в известной степени функцию пояснения выполняет и калька Time of Troubles; напомним, что базовый ксеноним в пояснении не нуждается;

3) (факультативный компонент) *вводный лексический оборот, который мы видим в этом примере (known as), используется нередко, но далеко не всегда.

В качестве вводного оборота могут выступать следующие выражения: CALLED ♦ KNOWN AS ♦ REFERRED TO AS ♦ WHAT IS CALLED /WHAT THEY CALL/ WHAT RUSSIANS CALL ♦

The popular penny prints or broadsides **called** *lubki* were first made by using wood blocks (S. Massie 1980: 191).

Beginning about 1860, Russian culture was dominated by a group **known as** the "intelligentsia"... (EncBr Russian Literature).

[When the Germans officially began] **what the Russians refer to as** the Great Patriotic War... (Kokker 2002: 167).

Несколько особняком в ряду вводных оборотов стоит оборот so-called (так называемый), который может нести негативную окраску, о чем свидетельствует это объяснение словаря:

so-called (*often derogatory*) (used to suggest that the words used to describe somebody or something are not appropriate): *Where are your so-called friends now? Our so-called villa by the sea was a small bungalow two miles from the coast* [OALD: so].

Впрочем, этот оборот может использоваться автором просто с целью дистанцироваться от данного обозначения.

Almost three centuries of the **so-called Tatar Yoke** effectively walled off the country from foreign influence... (*Time* 15.07.1991).

...Peter, in 1697, went with the **so-called** Grand Embassy to Western Europe (EncBr).

Авторы этих предложений «снимают с себя ответственность» за подобные наименования, давая понять, что такие наименования приняты в русской культуре.

Рассмотрим теперь специфику организации текста иноязычного описания культуры на примере более протяженного отрывка. Это отрывок из путеводителя по России. Мы разбили этот небольшой отрывок на более мелкие кусочки и пронумеровали их для удобства объяснения.

<1> Kievan Rus' was closely linked with Byzantium and absorbed much ecclesiastical and secular culture. Music played an important ceremonial and entertaining role in court life. <2> Those were the days of the *skomorokhi*, wandering minstrels and court buffoons, who appear in many Russian operas (Rimsky-Korsakov's *Snow Maiden* is an example). <3> The balalaika, the triangular stringed instrument now so popular,

only dates back to the 19th c., while the guitar and accordion used widely today were introduced even later. <4> Early Russian folk music employed a whole range of bowed, plucked and wind instruments, some of them were of oriental provenance like the 16th-c. *domra*, a forerunner of the balalaika, which is still played today in India and elsewhere. <5> A very ancient stringed instrument often mentioned in folk epics and ballads is the *gusli*, which the minstrels used to accompany their songs. <6> Sadko, the 12th-c. merchant from Novgorod, celebrated in a medieval ballad (*bylina*), reputedly played his *gusli* for three days and three nights to placate the Sea King when a storm threatened to wreck his 30 red ships laden with rich wares.

<7> With the growth of the Muscovite state in the period between the 14th and 17th cs. Moscow was hailed as the «Third Rome» and the Church became the dominant influence. <8> In the mid-17th c., the Patriarch of Moscow even ordered the destruction of all folk instruments that could be found in the city. <9> The *skomorokhi*, now regarded as an evil, pagan influence, were forced to flee into the countryside (Fodor 1989: 79).

Как видим, в текст вводится целый ряд ксенонимов-русизмов. Часть этих ксенонимов можно отнести к базовым, они достаточно хорошо известны рядовому адресату и не нуждаются в пояснении: Russian, Rimsky-Korsakov, Novgorod, Moscow (кстати, к базовым следует отнести и ксеноним «третьей культуры» – Byzantium). Однако целый ряд ксенонимов носит специальный характер; они без пояснения непонятны адресату: Kievan Rus'; *skomorokhi*, *domra*, *gusli*, Sadko, *bylina*, the Muscovite state, «Third Rome», the Patriarch of Moscow. В тексте им даются пояснения, в одних случаях пространные, в других – краткие.

Пояснение специального ксенонима

Введение в текст специального ксенонима обычно сопровождается пояснением.

В качестве пояснения могут использоваться аналоги:

<2> Those were the days of the *skomorokhi*, wandering minstrels and court buffoons.

Название оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» вводится в общий ряд опер, где присутствуют скоморохи:

<2> Russian operas (Rimsky-Korsakov's *Snow Maiden* is an example).

«Балалайка» поясняется кратким словосочетанием (фактически сжатая дефиниция), параллельно подключенным к заимствованию в качестве однородного члена предложения.

<3> The balalaika, the triangular stringed instrument.

Пояснение ксенонима *domra* разбито на две части: краткое определение в препозиции дает хронологическую характеристику, а основная часть пояснения следует в постпозиции.

<4> the 16th-c. *domra*, a forerunner of the balalaika, which is still played today in India and elsewhere.

Весьма неформально, полностью в препозиции, подано пояснение ксенонима *gusli*:

<5> A very ancient stringed instrument often mentioned in folk epics and ballads is the *gusli*.

Транслитерированные идионимы «Садко» и «былина» сопровождаются определениями в постпозиции, но в первом случае неформальное определение следует за ксенонимом, а во втором случае заимствованный ксеноним, представленный вводным членом предложения, получает определение в препозиции:

<6> Sadko, the 12th-c. merchant from Novgorod ◇ a medieval ballad (*bylina*).

Характерно, что пояснение специальных ксенонимов при введении их в текст используется уже в переводах Библии (причем в сопровождении вводного оборота *known as*):

Now the Festival of Unleavened Bread, known as **Passover**, was approaching [Luke 22:1]. = Приближался праздник опресноков, называемый Пасхою.

Первичное и повторное употребление ксенонима

При **первичном употреблении специального ксенонима* это, как правило, не знакомое читателю слово или словосочетание сопровождается пояснением. При **повторном упоминании* уже объясненного ксенонима потребность в пояснении отпадает. Так, при первичном употреблении <2> ксеноним *skomorokhi* поясняется посредством соотнесения его с аналогом *wandering minstrels*. Ниже, в <5>, автор уже пользуется этим аналогом (*the minstrels*), и предполагается, что читатель помнит данное выше пояснение, либо вернется к нему в случае необходимости. В конце текста, <9>, автор, возвращаясь к теме скоморохов, использует введенное ранее заимствование уже без пояснения. Аналогично, ксеноним *gusli*, введенный в <5>, в следующей части текста используется без повторного пояснения.

Такой подход вообще характерен для текста иноязычного описания культуры. Вот примеры из других текстов:

[Novgorod] The next building on the kremlin-wall side is the 17th-c. Prikaz (Law Court); between the Prikaz and the section of the castle wall lying to the north was the archiepiscopal farmyard (Fodor 1989: 230).

It was during his imprisonment in Pustozersk that he wrote most of his works, the greatest of which is considered to be his *Zhitiye* ("Life"),

the first Russian autobiography. Distinguished for its lively description and for its original, colourful style, the *Zhitiye* is one of the great works of early Russian literature (EncBr: Avvakum).

Как видим, упомянув ксенонимы *Prikaz* и *Zhitiye* и дав им пояснение, авторы в дальнейшем уже используют их как знакомые наименования.

The lineage of the mayor's blueprint was Stalin's Dvoretz Sovetov, the Palace of Soviets. [...] In 1931 Stalin detonated the world's largest Russian Orthodox Church, the Cathedral of Christ the Savior. The Dvoretz Sovetov, however, was never built (Meier 2004: 23).

Объяснение может повториться, если между первичным введением ксенонима и его последующим появлением большое расстояние в тексте. Впрочем, в западных публикациях, особенно академического типа, в конце книги нередко даётся Index появления ксенонимов с указанием страниц.

Ксенонимическая привязка

Введение в текст сразу двух ксенонимических номинаций (см. выше: *Smutnoe vremya* и Time of Troubles) на первый взгляд может показаться избыточным, тем более что ксеноним Time of Troubles уже в достаточной мере закрепился в практике АЯМО (РК). Между тем речь идет о распространенном в языке межкультурного общения (ЯМО) приеме своеобразной «подстраховки»: заимствование *Smutnoe vremya* выполняет функцию «ksenonimicheskoy privyazki», которая призвана обеспечить точность наименования – уверенную обратимость.

**Ксенонимическая привязка* – это введение в текст (чаще всего) заимствованного ксенонима с целью обеспечения уверенной обратимости.

Фактически осуществляется «терминологизация» параллельно подключаемой ксенонимической номинации. Подобная «привязка» широко распространена в научных текстах, в справочных изданиях.

В приводимом примере без терминологической привязки было бы трудно определить точно, о ком именно идёт речь:

The young Peter had a wet-nurse (*kormilitsa*), nurse (*mama*), and nanny (*niania*) (Hughes 1998: 195).

Во многих случаях снятие номинативной двусмысленности требуется и в СМИ:

«Ведомости» (СПб) 29.04.2003: (Алиев) Окончил магистратуру Лондонского университета (**London Business School**). ◇

Привязка особенно уместна и тогда, когда альтернативные варианты не гарантируют обратимость:

The gentry or middle service class (*dvoryane*) also figure in numerous graveside inscriptions (Kaiser 2004: 446).

Здесь автор вводит в текст сразу два варианта обозначения внешнекультурного элемента – аналог (gentry) и описательный оборот

(middle service class), но для полной уверенности подкрепляет их заимствованным русизмом *dvoryane*, который и выполняет функцию привязки.

В рассмотренном нами выше тексте о Киевской Руси терминологическая привязка осуществляется посредством введения в текст заимствований *skomorokhi*, *gusli*, *bylina*.

Поскольку пояснения чаще всего осуществляются предельно краткими описательными оборотами, без ксенонимической привязки описание теряет свою точность:

...tourists who get invited into any Soviet home will find a variety of dishes on the table: solid vegetable soup (*shchi*), savoury pasties (*pirozhenki*), buckwheat porridge (*kasha*), hors d'oeuvres (*zakuski*) and salads with smoked fish of various kinds... (Fodor 1989: 54).

Без привязки-заимствования *shchi* приблизительный описательный оборот solid vegetable soup не смог бы обеспечить обратимость (кстати, чаще для доступной передачи этого ксенонима используется описательный оборот cabbage soup). Столь же неопределенным оказывается в приложении к русской кухне и аналог «pasty».

Англоязычное слово porridge, как уже отмечалось выше, традиционно ассоциируется с идионимом-русизмом «каша», но и в этом случае, без ксенонимической привязки, мы смогли бы только сказать, что, скорее всего, речь идет о каше. То же самое наблюдается и в паре «закуски»/hors d'oeuvre: последняя номинация, заимствованная английским языком из французского, очень часто используется в качестве экспликации русизма *zakuski*, параллельно заимствованию.

Поскольку заимствованный ксеноним наилучшим образом обеспечивает формальную точность обозначения (т.е. уверенную обратимость), иногда он вводится в текст исключительно в функции обеспечения гарантии однозначности понимания описания (терминологическая привязка). В дальнейшем автор нередко уже к нему не возвращается:

The old Russian staples were tvorog (curd cheese), smetana (sour cream), and other forms of curdled and soured milk (Chamberlain 1988: 13).

Нетрудно убедиться, что в приводимом ниже примере напрашивается привязка *praporshchik*, ср.:

The son of an ensign, Makarov graduated from the Maritime Academy in 1865 and was commissioned an ensign in the Russian navy in 1869. (EncBr) → The son of an ensign (*praporshchik*), Makarov graduated...

Явно напрашивается ксенонимическая привязка и в этом примере:

In 1955 Feoktistov earned the equivalent of a Ph.D. ... (EncBr).

Поскольку нет стандартизации в соответствии российских ученых степеней и западных *advanced academic degree*, мы здесь можем лишь приблизительно говорить о том, что речь, *скорее всего*, идет об идиониме «кандидат наук». Все сомнения отпали бы, если бы текст был представлен так:

Postgraduate study can lead to the Candidate of Sciences degree (*kandidat nauk*), roughly equivalent to a Western Ph.D., or to the higher D.Sc. (*doktor nauk*) (CamEnc 1982: 402).

Нередко параллельно вводится две и более ксенонимические номинации, причем каждая выполняет свою функцию:

Higher degrees are not awarded by the institutions themselves, but by the ministry's Higher Degrees Commission or VAK (*Vysshaya Attestatsionnaya Komissiya*) (CamEnc 1982: 402).

Итак, перед нами три параллельно подключенных ксенонима: (1) VAK; (2) *Vysshaya Attestatsionnaya Komissiya*; (3) Higher Degrees Commission. Словосочетание *Vysshaya Attestatsionnaya Komissiya* выполняет функцию гаранта обратимости (подробнее ниже). Заимствованная аббревиатура VAK фактически дублирует функцию гаранта обратимости, однако смысл введения этой аббревиатуры заключается в том, чтобы в дальнейшем использовать этот предельно краткий ксеноним в целях экономии места (принцип языковой экономии). Наконец, приблизительная калька Higher Degrees Commission выполняет функцию краткого пояснения; к тому же это словосочетание удобно для запоминания и воспроизведения.

Ксенонимическая привязка нужна также для маркирования номинации, то есть для явного указания на то, что речь идёт о ксенониме. Например, словосочетание *middle service class* не несет в себе указания на то, что в русской культуре оно обозначает важный социальный элемент. Подкрепление его с помощью привязки к заимствованию *dvoryane* снимает такую неопределенность: *middle service class (dvoryane)*.

Ксенонимическая номинация типа *ad hoc*

Иногда оказывается возможным ввести в текст иноязычного описания культуры в качестве ксенонима языковую единицу, которая адекватна лишь в рамках данного текста. Для этого требуется обосновать «легальность» такого приема посредством параллельного употребления ксенонимической привязки. Такой способ введения в текст ксенонима **ad hoc* (Latin, «для данного случая»). Подключенное параллельно к привязке слово или словосочетание обретает статус полноправного ксенонима, правда в рамках только этого текста:

Day-care centres. Pre-school education (doshkol'noe obrazovanie) has been differently available as the day nursery or crèche (*yasli*) for

children aged six months to three years, and the nursery school or kindergarten (*detsky sad*) for those aged three to six or seven. These institutions are increasingly combined (*yasli-sad*) (CamEnc 1994: 472-3).

Соположение аналогов и заимствованных (посредством транслитерации) ксенонимов 1. *crèches* (*yasli*) и 2. *kindergartens* (*detskie sady*) делает первые текстуальными ксенонимами. В последнем случае описательный, к тому же весьма приблизительный оборот *single institutions* (*yasli-sady*) лишь поверхностно поясняет ксеноним-привязку и не может использоваться терминологически вне привязки к заимствованию. Аналогично в приведённом выше примере, в котором упоминаются *skomorokhi*, функцию *ad hoc* номинации выполняет параллельно подключённый аналог *minstrel*.

Компонент-гарант обратимости

Нередко лишь одна часть ксенонимической привязки обеспечивает уверенную обратимость.

Под **компонентом-гарантом* обратимости мы понимаем ту часть комплекса параллельно подключенных компонентов, которая обеспечивает уверенную обратимость.

Заимствование наилучшим образом выполняет функцию гаранта обратимости, однако это не единственный способ обеспечить точность, к тому же заимствование словосочетания, тем более протяженного, не всегда целесообразно из стилистических соображений. Вот почему нередко в качестве компонента-гаранта выступает не полностью заимствованный идионим-прототип, а лишь его часть.

Компонент-гарант чаще всего встречается в гибридных ксенонимических образованиях типа *chicken Kiev* или *Kiev cutlet*, где компонент **Kiev** оказывается достаточным для обеспечения уверенной обратимости под давлением принципа языковой экономии, хотя, безусловно, полное заимствование *kotleta po-kievski* значительно точнее выполняет функцию передачи *формальной* точности идионима-прототипа.

Нередко приходится восстанавливать идионим-прототип по его отдельным фрагментам. Так, популярный у туристов петербургский «Храм Воскресения Христова», известный в народе как «Спас-на-Крови», получил в путеводителях не менее дюжины различных вариантов номинации, которые для гидов становятся осмысленными чаще всего благодаря присутствию в них слова **Blood**. Один из распространенных вариантов – *The Church on the Spilled Blood*. В полном смысле слово **Blood** компонентом-гарантом трудно назвать, но известную помощь оно оказывает.

Аналогично с помощью «дедуктивного метода», приходится «вычислять» и название шедевра древнерусской литературы – «Слово о

полку Игореве». В практике АЯМО (РК) используются различные номинации: *The Lay of Igor`'s Campaign*; *The Tale of Igor`'s Campaign*; *The Lay of the Host of Igor`*; и наконец, набоковский вариант *The Song of Igor's Campaign*. Присутствующий во всех вариантах наименование компонент-гарант **Igor`** оказывается достаточным для тех, кто знаком с ксенонимией АЯМО (РК), чтобы понять, о чем идет речь. Безусловно, введение в текст ксенонимической привязки позволяет полностью снять возможную неопределенность номинации.

В приведенном ниже примере компонент *Bezhin* выполняет функцию гаранта обратимости, поскольку с легкостью позволяет восстановить тургеневский идионим-прототип «Бежин луг»:

After his return to Moscow in 1933, Eisenstein undertook **Bezhin Meadow** (EncBr).

Введение в текст заимствования в качестве гаранта обратимости в значительной мере зависит от характера текста, ср.:

(1) The **World of Art** turned attention away from the large historical and social canvases of the Academy and the **Wanderers** to a smaller, more intimate genre... (CamEnc 1994: 182).

(2) From the last third of the 19th century onward, the history of Russian art is the history of a series of school struggles: the Slavophiles against the Westerners; the Academy against the **Peredvizhniki** ("Wanderers"); and later the joint effort of the last two against a new movement, born in the 1890s and directed by the art review **Mir Iskusstva** ("The World of Art") (EncBr).

Ксенонимы *World of Art* и *Wanderers* хорошо известны в АЯМО (РК), и авторы первого примера не считают нужным подкреплять их заимствованиями, как это, в частности, делают авторы *Encyclopaedia Britannica*, стремясь обеспечить максимальную точность описания.

Порядок следования компонентов

Невольно напрашивается вопрос, в каком порядке следует располагать параллельно подключенные компоненты ксенонимического комплекса, в особенности заимствование и другие способы наименования при их параллельном подключении. В частности, какой вариант предпочтительнее: (1) The son of an ensign (*praporshchik*) или (2) The son of a *praporshchik* (ensign)?

Если мы вернемся к нашему тексту о Киевской Руси, то убедимся, что авторы используют оба варианта: в одних случаях заимствование предшествует параллельному наименованию, в других – следует за ним; в одних случаях это однородные члены, в других – использование вводного оборота:

<2> Those were the days of the *skomorokhi*, wandering minstrels...

<3> The balalaika, the triangular stringed instrument...

<4> *domra*, a forerunner of the balalaika...

<5> A very ancient stringed instrument... is the *gusli*

<6> Sadko, the 12th-c. merchant from Novgorod ◇ a medieval ballad (*bylina*).

Очевидно, что в большинстве случаев авторы руководствуются исключительно стилистическими соображениями:

Hence, Rurik came with his two brothers and a large retinue (*druzhina*) and became ruler of the city and region of Novgorod (EncBr).

[Sophia Alekseyevna] promoted Golovin to the rank of *okolnichii* (court official) in 1685 (EncBr: Golovin F.A.).

В целом, однако, следует заметить, что *Encyclopaedia Britannica*, например, большей частью сначала вводит заимствование, а затем поясняет его тем или иным способом. Впрочем, нередки и случаи обратного порядка.

Чередование альтернативных ксенонимических вариантов

Сосуществование двух и более вариантов наименования одного и того же элемента внешней культуры позволяют чередовать эти *альтернативные варианты чисто в стилистических целях. Выше мы уже видели в тексте о Киевской Руси чередование заимствованного ксенонима *skomorokhi* и параллельно подключённого аналога (wandering) minstrels. В принципе параллельно подключёнными оказываются три номинации: (1) the *skomorokhi*; (2) wandering minstrels; (3) court buffoons. Реально в тексте используется лишь вторая в качестве альтернативного наименования, но автор мог бы использовать и третью.

Приемом альтернативного чередования номинаций постоянно пользуются авторы, поскольку он позволяет стилистически варьировать построение текста. Вот, например, письмо в редакцию журнала:

Dear Sir:

My wife and I are not only **Dekabristy** buffs, but we have visited the site portrayed in your article. [...] We found a major part of Eastern Siberia – including the sites of **Decembrists** exile – handsome terrain, much like New England (*Smithsonian* Aug 1991).

Здесь при упоминании *декабристов* используется сначала заимствование (кстати, как ни странно, в Большом Оксфордском словаре это базовое слово), а потом – калька.

В статье о земском соборе *Encyclopaedia Britannica* в качестве опорной номинации использует заимствование *zemsky sobor*, в скобках приводит кальку и лишь затем приводит развернутое пояснение:

zemsky sobor: ("assembly of the land"), in 16th- and 17th-century Russia, an advisory **assembly** convened by the tsar or the highest civil authority in power whenever necessary (EncBr).

Характерно, что в дальнейшем тексте автор ограничивается лишь компонентом кальки, словом **assembly**, чередуя его с заимствованием:

Zemskie sobory were first called by Ivan IV the Terrible, and the **assemblies** met often during his reign; the most important one (1566) considered the Livonian War against Poland. After a *zemsky sobor* confirmed the accession of Fyodor I in 1584, none was called until the **assembly** that elected Boris Godunov tsar in 1598. During the Time of Troubles (1598-1613), the **assemblies** were again convened frequently and were highly influential; the *zemsky sobor* that assembled in 1613 elected Michael Romanov tsar. Several others subsequently assisted with internal reforms, but after 1622 the *zemsky sobor* declined in importance; the last one was convened in 1653 (EncBr).

Насыщенность текста специальными ксенонимами

Конечно, построение текста во многом зависит от его жанра, от конкретной установки и индивидуальности автора. Введение в текст специальных ксенонимов, непонятных рядовому читателю и нуждающихся в пояснении, неизбежно усложняет текст. Естественно, наиболее насыщены специальными ксенонимами научные тексты. В этом нетрудно убедиться, познакомившись еще с двумя отрывками. Первый отрывок – из статьи русиста-историка США Даниэля Кайзера, второй из *Encyclopaedia Britannica*:

(1) Mikhail Bogoslovskii's *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.* became central to any subsequent history of the North, and Aleksandr Kizevetter's *Russkii Sever: rol' severnogo kraia evropeiskoi Rossii v istorii russkogo gosudarstva*, though hardly more than a booklet, pointed to important historical connections between central Russia and the North. Sergei Platonov's *Proshloe russkogo Severa: Ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ia* drew attention to the important role that population movements had played in making the North. (Kaizer 2007: 68).

(2) The *Vsesoyuznyi Gosudarstvennyi Institut Kinematografii* (VGIK; "All-Union State Institute of Cinematography") was the first such school in the world and is still among the most respected. Initially, it trained people in the production of *agitki*, existing newsreels reedited for the purpose of agitation and propaganda (*agitprop*). The *agitki* were transported on specially equipped *agit-trains* and *agit-steamers* to the provinces, where they were exhibited to generate support for the Revolution (EncBr).

В отдельных случаях научные тексты приобретают просто эзотерический характер и способны отпугнуть рядового читателя, например, этот отрывок из статьи британского «советологического» журнала:

The category 'workers by occupation' (*rabochie po rodu zanyatii*) includes landless peasants and 'agricultural workers' (*batraki i sel'skokhozyaistvennye rabochie*), minor service personnel in production (*mladshii obsluzhivayushchii personal na proizvodstve*), and other wage workers (*prochie nayomnye rabochie*), as well as transport workers (*transportnye rabochie*) and factory workers (*fabrichno-zavodskie rabochie*). The category 'production workers' (*rabochie ot proizvodstva*) to which the decree refers includes all of the above except 'landless peasants and agricultural workers' (*Soviet Studies*, 1983, vol. XXXV, No.4, pp.505-6).

Впрочем, это специальный журнал, в котором русисты обсуждают только им известные проблемы. В целом же анализ текстов англоязычного описания культуры показывает, что отрывки с большим скоплением специальных ксенонимов редки, хотя включение специальных ксенонимов наблюдается иногда даже в популярных текстах. Например, приводимый ниже отрывок – это комментарий к фотографии в богато иллюстрированной книге о традиционном русском жилье:

Russian cities comprised not only palaces and tenements, but substantial houses built of wood and stone. A specific vocabulary identified the different types of dwellings. Most basic was the ***dvor***, a wooden house more capacious than the ***izba***, or "peasant cottage," but still distinctly modest, even rude. ***Khoromy*** described a larger house constructed of wood and closer to a mansion, while a house of similar size made of brick or stone and inhabited by a member of the nobility was called ***palaty***, or "chambers." The now standard word for house, ***dom***, was used for the masonry houses of prosperous merchants. Varied as these residences were, stylistically they all had much in common with the ***izba***, built upon a half-story, sporting extravagant ornamentation, and laid out in the characteristic pattern of add-ons (Gaynor, Haavisto 1994: caption).

Как видим, короткий текст (131 слово) содержит шесть неосвоенных (на это указывает выделение курсивом) ксенонимов-русизмов – *dvor*, *izba*, *khoromy*, *palaty*, *dom*, *izba*. Ср.:

Women of the street-trading, artisan, and peasant classes – *baby*, *zhenki* and *devki*, as opposed to *damy* and *devitsy* – had never been confined to the *terem* (Hughes L. *Sophia. Regent of Russia. 1657-1704*. Yale Un. Press. 1990: 195).

Чрезмерное насыщение популярных текстов специальными ксенонимами-заимствованиями встречается редко. Чаще всего автор при этом стремится достичь какого-либо стилистического эффекта:

We sent for the ***starosta***. He was an old, white bearded ***mujik*** dressed in an ***armiak*** of embroidered velvet, which gave him an

appearance as of an old **Boyar**, or Russian nobleman, come down in life... (Newby 1978: 149).

Базовые ксенонимы понятны рядовому читателю и поэтому не нуждаются в пояснении:

In the traditional Russian *bylina*, or folk epic, a dashing warrior in shining armor rescues the good Czar from the evil influence of his scheming boyars (*Time* 01 Jan 1996; the opening line).

Объяснение (экспликация) значения может принимать различные формы и зависит в первую очередь от сложности значения. Последнее имеет три вида. В первом случае это «**микроразначение**», которое в классическом виде представлено в дефинициях толковых словарей. (О них мы уже говорили выше при знакомстве с описательными оборотами.) Вот ещё один пример словарного толкования посредством классической дефиниции:

(EncBrDic) **boyar** also **bo.yard** *n* [Russ *boyarin*] (1591): a member of a Russian aristocratic order next in rank below the ruling princes until its abolition by Peter the Great <21 words>

Словарная дефиниция – это словосочетание, которое может использоваться в качестве потенциального субститута толкуемого слова. Значение распадается на компоненты, и точность дефиниции зависит как от её протяжённости, так и от включения в неё коммуникативно значимых компонентов.

Описательные обороты, не говоря уже об односложных пояснениях, далеко не всегда дают полное представление о значении ксенонима. Обратимся к конкретным примерам пояснения ксенонима *boyar*:

1. Yet what really brought about Nikon's downfall was the hostility of the tsar's family and the powerful boyar (aristocratic) families, who resented the high-handed manner in which he exercised authority in the tsar's absence (EncBr: Nikon) <1>

2. [Andrew Bogolyubsky] also tried to reduce the traditional political powers of the boyars (i.e., the upper nobility) within his hereditary lands (EncBr: Andrew) <2>

3. In 1690 he was made a boyar (next in rank to the ruling princes) and subsequently was closely associated with the major achievements of the early period of Peter's reign... (EncBr: Golitsyn B.A.) <7>

4. When Golovin returned to Moscow, he was rewarded with the rank of boyar (next in rank below the ruling princes) by Peter, who had displaced Sophia in 1689 (EncBr: Golovin F.A.) <7>

5. ...in 1565 Ivan IV's morbid suspicion of all those around him, especially the boyars (representatives of the titled and non-titled senior nobility and aristocracy), caused him to divide the country into two parts... (CamEnc 1994: 79) <10>

Как видим, авторы различным образом поясняют незнакомое читателю слово. В первом примере это всего лишь одно слово, во втором – словосочетание из двух слов; в третьем и четвёртом примерах – по семь слов, а словосочетание в последнем примере состоит из десяти слов. Между тем приведённая выше словарная дефиниция включает в себя 21 слово, то есть наиболее полно эксплицирует значение.

Второй вид экспликации значения – это **мини-значение** или **энциклопедическое расширение**. Мини-значение представлено в энциклопедиях и энциклопедических словарях, при этом протяженность мини-значения может значительно колебаться в зависимости от значимости толкуемого слова и объёма справочного издания.

Мини-значение ксенонима **boyar** в *Encyclopedia Britannica* представлено 408 словами. Причем оно открывается также краткой дефиницией: member of the upper stratum of medieval Russian society and state administration (12 слов), а далее идёт более подробное объяснение значения, из которого мы приводим лишь первый абзац (их четыре различной протяженности):

In **Kievan Rus** during the 10th-12th century, the **boyars** constituted the senior group in the prince's retinue (**druzhina**) and occupied the higher posts in the armed forces and in the civil administration. They also formed a **boyar** council, or **duma**, which advised the prince in important matters of state. In the 13th and 14th centuries, in the northeastern Russian principalities, the **boyars** were a privileged class of rich landowners; they served the prince as his aides and councillors but retained the right to leave his service and enter that of another prince without losing their estates (EncBr).

К мини-значениям прибегают и в текстах языка вторичной культурной ориентации:

...the zeks, the prisoners who suffered in Stalin's labor camps. «Zek» was camp slang, a word that grew out of the Gulag architects' bureaucratic shorthand; z/k stood for *zaklyuchennyi*, a prisoner (Meier 2004: 44).

Словосочетание дефинитивного типа представлено уже в первом предложении (the prisoners who suffered in Stalin's labor camps). Однако автор считает нужным за рамками предложения расширить толкование значения.

И наконец, самый полный вид значения – **макрозначение**, которое включает в себя весь объём знаний человечества о данном объекте. Очевидно, что макрозначение не может быть представлено в достаточно конечном тексте и может интересовать нас чисто теоретически.

В реальных текстах, как мы видели выше, экспликация обычно ограничивается одним словом, гиперонимом, или аналогом, или более или

менее протяжённым словосочетанием. Впрочем, иногда авторы выходят за рамки одного предложения. Так, Н. Smith в своей книге *The Russians* неоднократно обращается к теме *dacha* (266 496 526 53-63 и далее). А глава третья, озаглавленная *Living Na Levo*, собственно целиком посвящена ксенониму *na levo*, то есть жизнь не по закону.

Затекстовые пояснения

Характерной особенностью западных англоязычных описаний русской культуры как научного, так и научно-популярного стиля следует считать широкое использование разнообразных способов *затекстового комментария. Пояснения в помощь читателю могут быть даны и во вступительной части, и в виде многочисленных приложений.

Во вступительной части к популярной книге *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia* ее автор, Orlando Figes, кратко объясняет написание географических названий, русских имен и дат (в связи с различиями Юлианского и Григорианского календарей). В обширном приложении дается подробная таблица исторической хронологии, рекомендуется литература для дополнительного чтения ('A Guide to Further Reading') и практически обязательный для большинства книг этого рода *Index, с помощью которого читатель может найти непонятный ему ксеноним с указанием страницы первого употребления, где он обычно поясняется. Очень часто разъясняется петровская Табель о рангах.

Джон Рид в начале своего репортажа (Preface) сжато описывает общую обстановку в России в канун Октябрьской революции. Далее, в разделе Notes and Explanations, автор дает разъяснения в отношении многочисленных партий, особенностях ведения парламентских заседаний (Parliamentary Procedure), описывает различные общественные организации, а также объясняет свой подход к латинизации русизмов. В приложениях (Appendixes) Джон Рид включает дополнительно целый ряд документальных текстов.

Показательно, что, когда в России вышел перевод книги Massie R.K. *Nicholas and Alexandra* о последнем русском императоре (Р. Масси. Николай и Александра. – Петрозаводск/С.-Петербург, пер. В.В. Кузнецов, 1995), в котором переводчик В.В. Кузнецов (а может, издатель?) опустил все приложения, Suzanne Massie (жена автора) поместила в начале русского издания в Библиотеке Голицына (СПб.) резкую критику такого самоуправства, обвинив переводчика в нарушении авторских прав.

Выделение ксенонимов

Своеобразие языковых единиц, выступающих в качестве ксенонима, может ввести в заблуждение или вызвать недоумение у неподготовленного читателя. В одних случаях это непонятные

заимствования, которые можно принять за опечатку, например, русское слово «Бог» (ср.: «bog» – «болото») или название романа М. Горького «Мать». В других случаях – это кальки, состоящие из знакомых слов и аффиксов, но несущие в себе совсем иное значение. Так, слово **intelligent**, которое англоязычные словари (академические и учебные, для иностранцев) сопровождают пометой *adjective*, странно выглядит в позиции дополнения:

Turgenev is celebrated for his novels about **intelligents** and ideology... (EncBr).

Специалисту ясно, что за этим английским словом стоит русизм «интеллигент», но для непосвященной аудитории это далеко не очевидно. Вот почему языковые единицы, выступающие в качестве специальных ксенонимов, нередко нуждаются в **выделении*, то есть в графическом сигнале необычности значения и функции.

Важной функцией выделения ксенонимов в тексте следует считать также то, что таким образом осуществляется «терминологизация» языковой единицы, выступающей в качестве ксенонима, то есть указание на то, что данная языковая единица именует элемент описываемой иноязычной культуры. Сравним приведённый выше пример с этим:

[Sakharov] is an inward man, a Russian *intelligent*, an intellectual through and through (Smith 1976: 534).

Выделение может осуществляться как лексически, так и графически. В последнем случае – с помощью *кавычек*, *курсива* и/или *прописной буквы*).

Лексическое выделение ксенонимов

В этом случае речь идет об использовании уже знакомых нам по операции «параллельное подключение» *вводных оборотов*:

Material from the **so-called** ‘frozen tombs’ of Pazyryk in Siberia has proved even more valuable (CamEnc 1982: 79).

The ancient Russian towns north and east of Moscow which make up **what is commonly called** «The Golden Ring» seem quite unassuming in comparison to the sprawling, bustling capital (Fodor 1999: 120).

В каждом отдельном случае, как мы видим, лексические вводные обороты сигнализируют читателю о том, что вводимые с их помощью языковые единицы используются для обозначения элементов описываемой культуры.

Графические способы выделения ксенонимов

Гораздо более распространенным способом выделения ксенонимов следует считать различные графические средства выделения ксенонимов: *курсив*, *кавычки* и *прописная буква*.

Курсив

**Курсив* – это разновидность типографского шрифта, близкая по рисунку к наклонному рукописному письму, используемая для выделения слова или большей части текста, который обычно набирается прямым шрифтом. Одной из основных функций курсива является выделение неосвоенных (обычно нарицательных) заимствований, включая и ксенонимы:

...one of the accepted uses of italic type is for distinguishing words in foreign languages, and it is true that a word which is invariably printed in italics can safely be regarded as ‘foreign’ (Bliss 1977: 8-9).

Поскольку неосвоенное заимствование «варваристично» по форме и иногда лишь незначительно отличается от уже существующего в английском языке слова, подобный ксеноним может быть принят за опечатку. Курсив служит сигналом того, что данное непривычное и незнакомое слово – это иноязычное образование, что и объясняет его необычную форму. Само выделение слова курсивом уже относит его в категорию неосвоенных заимствованных языковых единиц:

I prefer cappuccino to regular coffee. (The Italian word *cappuccino* is now considered English and is thus not italicized) (WNWD: 1565).

Этот приём распространён в АЯМО (РК):

This is the basic element of control – the residential permit in the passport, known as the *propiska* (Smith 1976: 327).

«Of the three stringed instruments important are *gusli*, the *domra*, the *balalaika* and the *gudok* (CamEnc 1994: 266)».

Характерно, что в последнем примере не выделяется курсивом лишь ксеноним «*balalaika*», вошедший в группу общеупотребительной лексики.

А вот еще характерный пример, в котором представлены ксенонимы *boyar* и *okolnichy*, но лишь последний выделяется, поскольку еще не воспринимается в качестве освоенного заимствования:

The boyars and *okolnichy* generally served as heads of government offices, provincial governors, and military commanders (EncBr).

Заимствованный ксеноним, таким образом, самим фактом выделения курсивом становится маркированным, поскольку выделение курсивом служит указанием на то, что данный ксеноним еще не прошел стадию освоения («натурализации»). В частности, ставший в последнее время частотным в АЯМО (РК) ксеноним ‘*dacha*’ нередко по-прежнему выделяется курсивом:

[In August] Muscovites leave in droves for their *dachas* in the countryside (Richardson 2005: viii).

Такие колебания в выделении указывают на то, что данный ксеноним проходит стадию «натурализации», то есть вхождения в слой общеупотребительной лексики, по крайней мере ксенонимической.

Вместе с тем следует помнить, что в английском языке курсивом выделяются также крупные литературные и музыкальные произведения, названия художественных полотен, газет и журналов, в отличие от русского языка, где с этой целью используются кавычки. Ср.: «Война и мир», но *War and Peace*. Интересен в этом отношении еще один пример:

The Cossacks (1862)... sets its retrospective hero Olenin amidst a **Cossack** tribe who live by purest instincts (CamEnc 1982: 204).

Применение курсива в первом случае объясняется тем, что речь идет о названии литературного произведения, в то время как во втором случае ксеноним используется в его обычном значении. Аналогично:

However, **Baby Yar** came to world attention with the publication in September 1961 of Yevgeny A. Yevtushenko's moving poem *Baby Yar*, written in protest against plans to build a sports stadium on the site (EncBr).

В первом случае ксеноним *Baby Yar* не выделяется, потому что это имя собственное, а во втором случае применяется курсив, чтобы выделить название литературного произведения.

Следовательно, выделение ксенонима курсивом следует считать опосредованным указанием на инородность данного слова, которое, будучи заимствованием, еще не прошло стадию «натурализации» и воспринимается как слово иноязычное. В приводимом ниже примере это относится к русизму «*feministka*» (кстати, это локалоид):

In Russian, the word *feministka* is pejorative, meaning a bossy man-hater rather than a woman who wants equality in the workplace (*New York Times International* 25.11.1991).

Вместе с тем не следует забывать, что самое варваристичное заимствование остается без выделения курсивом, если это имя собственное, например фамилия или топоним:

Yasnaya Polyana was acquired in 1763 by C.F. **Volkonsky**, Leo **Tolstoy's** great grandfather (EncBr).

В заключение добавим, что в рукописном и машинописном тексте курсив заменяется подчеркиванием (In traditional typewritten materials, italics have to be replaced by underlining...) (Crystal 1994: italic).

Кавычки

Кавычки* – это парный знак препинания, употребляющийся для выделения в тексте прямой речи, цитат, заглавий, а также **слов, употребленных в условном, несобственном смысле. Английский язык использует, наряду с привычными для нас «двойными кавычками» (double quotation marks), также «одинарные кавычки» (single quotations), причем последние используются для выделения части текста внутри отрывка, выделенного двойными кавычками.

Что касается выделения ксенонимической номинации с помощью кавычек, то сюда относится последнее замечание относительно кавычек: выделение с целью подчеркнуть необычность употребления слова. Так, *Webster's New World Dictionary* (WNWD), поясняя использование кавычек, приводит, в частности, следующий пример, где речь идет не об обычном «dish» (блюдо), а о спутниковой антенне:

«Dishes» are fast becoming a familiar part of the American landscape (WNWD: 1564).

В ксенонимии «необычность употребления слова» чаще всего относится к *семантическому* калькированию: либо в результате лексического калькирования возникает непривычное слово или словосочетание, либо семантическое калькирование добавляет к значению английского слова еще одно значение, ориентированное на внешнюю культуру. Требуется объяснение или, по крайней мере, подтверждение необычности значения языковой единицы. Здесь на помощь и приходит выделение кавычками:

The Khrushchev «**thaw**» had brought an end to the Zhdanovite campaign against the so-called «**formalists**»... (Figs 2003 579).

В этом примере в первом случае английское слово *thaw* используется в ксенонимическом значении: короткий период либерализации советского режима времён Н.С. Хрущёва. Во втором случае в английское слово *formalist* вкладывается содержание советизма того периода, когда деятели культуры (например, Д.Д. Шостакович) критиковались за формализм их искусства.

[Saltykov-Shchedrin's works] suffer from an excess of topical allusions and an «**Aesopic**» language, devised to foil the censorship... (CamEnc 1982: 206).

Прилагательное от имени *Aesop*, хорошо известного, естественно, в английском языке, образуется ксенонимический неологизм, который встречается, как правило, только в контексте русской культуры.

In the aging dictator's last years the stultifying effect of what his successors would call «**the cult of the personality**» became more and more obvious... (CamEnc 1982: 119).

Данное словосочетание – калька с русского идионима «культ личности», и кавычки сигнализируют читателю, что это элемент описываемой русской культуры.

Кавычки, таким образом, служат для читателя сигналом (маркером), указывающим на то, что слово употреблено в необычном значении:

Some of the *byliny* were taken over by the «**historical**» songs, of which the subjects were more concerned with specific historical events (CamEnc 1994: 256).

Курсив в первом случае (*byliny*) сигнализирует о том, что этот заимствованный ксеноним не прошел еще стадию натурализации, а выделение кавычками слова *historical* объясняется тем, что такое употребление его в сочетании со словом *song* необычно. Кстати, небезынтересно обратить внимание на заключительные два слова предложения (*historical events*), где повторяется слово *historical*, но уже без выделения кавычками, потому что в данном случае оно употребляется в обычном значении.

И в случае кавычек выделение ксенонима сигнализирует читателю о *«терминологичности» данной языковой единицы, об ее *терминизации*, то есть указывает на то, что данная языковая единица выступает в качестве ксенонима:

In 1834 Pushkin was appointed a «**gentleman of the chamber**»... (CamEnc 1994: 212).

[Pushkin's *Eugene Onegin*] tells the story of Onegin, a "**superfluous man**", that is, a man with no core or purpose to his life... (EncBr).

Употребление языковых единиц в условном, несобственном смысле возникает и в случае введения в текст «ложных друзей переводчика». Кавычки выполняют функцию передачи читателю сигнала о необычности значения слова:

The Russian «**romance**», the lyrical sentimental or passionate song, also developed with Glinka... (Fodor 1989: 111).

Ср.: **romance: 1 a (1):** a medieval tale based on legend, chivalric love and adventure, or the supernatural **(2):** a prose narrative treating imaginary characters involved in events remote in time or place and usu. heroic, adventurous, or mysterious **(3):** a love story (EncBrDic).

Кавычки указывают читателю на существование определённых различий в значении бинарных гомогенных полионимов, в частности, в случае «кооператив»/cooperative: безусловно, кооперативы периода перестройки были мало похожи на западные cooperatives:

Back in Rostov, he moved into the new world, «cooperatives,» the Soviet last-ditch experiment at small semiprivate enterprise (Meier 2004: 63).

На функцию графического выделения терминов-калек накладывается использование последних для выделения наименований «малых» произведений литературы и искусства. Вот, например, как передаются названия рассказов Чехова (обратите, кстати, внимание на приводимые параллельно переводные варианты:

Especially noteworthy are "Skuchnaya istoriya" (written 1889; "A Dreary Story"), "Duel" (written 1891; "The Duel"), "Palata No. 6"

(written 1892; "Ward Number Six"), "Kryzhovnik" (written 1898; "Gooseberries"), "Dushechka" (written 1899; "The Darling"), "Dama s sobachkoy" (written 1899; "The Lady with the Lap Dog"), "Arkhiyerey" (written 1902; "The Bishop"), and "Nevesta" (written 1903; "The Betrothed") (EncBr).

Кстати, задумайтесь над тем, как англоязычные читают эту часть текста: «"Palata No. 6" (written 1892; "Ward Number Six")».

По своей функции вводный лексический оборот «so-called» синонимичен выделению кавычками, и по этой причине даже иногда даются рекомендации не использовать одновременно и этот оборот и кавычки. На практике, впрочем, это требование зачастую не соблюдается, и авторы прибегают к комбинации лексического и графического выделения:

Couples with no children have to pay six percent of their earnings in the so-called "**childless**" tax... (Fodor 1989: 53).

Напомним, что в случае такого выделения ксенонима автор словно говорит о том, что именно так называют это в описываемой культуре, словно снимая с себя ответственность за такое использование слова.

Прописная буква

**Прописная* (заглавная, «большая») буква и в русском и в английском языках употребляется для выделения начала предложения и собственных имен. Вместе с тем в разных языках прописная буква выполняет различные функции, и в частности практика английского языка отличается от функции прописной буквы в русском языке. Нас, естественно, интересует, в какой мере прописная буква может служить маркером ксенонима.

С этой точки зрения для нас существенно то, что прописная буква в английском языке служит средством выделения целого ряда групп слов, которые в русском языке пишутся со строчной буквы. В силу этого многие ксенонимы-русизмы получают выделение не потому, что они ксенонимы, а просто в силу нормы английского языка, в том числе:

- наименования общественных и религиозных движений, направлений в искусстве и их членов (Old Believers, Molokans, Constructivism, Democrats, Liberals, Socialist Realism, Stakhanovite);

- топонимические классификаторы: the Neva **River**, the Crimean **Peninsula**, the Black **Sea**, **Lake** Ladoga, the **Strait** of Bering, the Ural **Mountains**;

- наименование исторических событий (the Battle on the Ice, the Time of Troubles, the Bloody Sunday, Yalta Conference, Doctors' Plot);

- наименование титулов, официальных постов, предшествующих фамилии (**Prince** Igor', **Count** Sheremet'ev, **Grand Duke** Vladimir, **President** Dmitry Medvedev);

- учёные звания, степени, почётные звания, следующие за фамилией человека (M. Mironova, **People's Artist of Russia**);
- термины родства, предшествующие фамилии (**Uncle Vanya**);
- прилагательные и имена существительные, образованные от имён собственных (Chekhovian, Oblomovism, Pavlovian, Petrine Reforms, Trotskyite);
- существительные, фактически подвергшиеся *ономастизации*: a civil war → the Civil **War**, a hermitage → the Hermitage, resistance → the (French) Resistance.

Естественно, что подобное правило облегчает межкультурную коммуникацию, поскольку выделение распространяется и на ксенонимическую лексику. Например:

Some of these eventually broke away and formed a schismatic group known as the **Old Believers** (CamEnc 1982: 91).

...Oleg's successor Igor was killed in battle by a tribe known as the **Drevlians**... (Time 02 March 1990).

The **Doctors' Plot** it was called, and it became one of the final landmarks along Stalin's last road... (Shipler 1989: 148).

В первом случае ксеноним попадает в группу разнообразных объединений; во втором случае выделению подвергаются этнонимы; в последнем случае речь идёт о наименованиях исторических событий.

В следующем примере прописная буква выделяет названия почетных званий и ордена:

Many titles for meritorious service to the state (for example, **Hero of the Soviet Union, Hero of Socialist Labour, Honoured Artist**) and a number of orders (such as **Order of Lenin**) have been established... (CamEnc 1982: 377).

Прописная буква также может выделять полионим при ориентации на конкретное использование его, при одновременном *сужении значения*: the **Prophet(s)**, the **Resistance**, the **Hermitage**.

Такие случаи нередко фиксируются словарями – the **War**, the Civil War, the Revolution, the Party:

war 2. (as **the War**) a war in progress or recently ended; the most recent major war (OED)

«The word 'Party', spelt with a capital letter, should be taken to mean 'the Communist Party of the Soviet Union' (Crowe 1969: viii).

В то же время использование прописной буквы исключительно для того, чтобы выделить ксеноним, встречается очень редко, в частности, иногда выделяются словосочетания Black Earth (*chernozem*), White Nights. Вот свежий пример:

The so-called *Noviye Russkie* – a deliberate play in Russian on «nouveau riche» were those who had managed to grab a slice of the spoils

and grown preposterously rich overnight. Most Russians, being Old Russians, naturally hated the New Russians. In the jokes the Russians addictively tell each other, they had replaced the Chukchi, a desperately poor native people of the Russian north who had long suffered as the favored butt of Soviet jokes (Meier 2004: 25).

При выделении знаменательных слов в наименованиях произведений литературы и искусства, периодических изданий, газет и пр. возникает конфликт нормы английского и русского языков. В первом случае, как известно, выделяются *все* знаменательные слова, в то время как нормой русского языка является выделение только первого слова. Еще совсем недавно в АЯМО (РК) предпочтение отдавалось норме английского языка, в последнее время наблюдается компромисс: в переводных вариантах используется выделение прописной буквой всех знаменательных слов, а в заимствованном варианте – только первого слова. Иными словами лермонтовский «Герой нашего времени» в англоязычном варианте будет: Lermontov's *Geroy nashego vremeni* (1840; *A Hero of Our Time*) (EncBr).

Подводя итог нашему краткому изложению различных способов выделения ксенонимов, отметим, что в выборе конкретного способа выделения иногда наблюдаются колебания. В результате такие ксенонимы, как Thaw или White Nights, в одних случаях выделяются кавычками, в других – прописной буквой, а иногда не получают выделения вообще:

...the liberalizing thaw that followed Khrushchev's secret speech of 1956... (Meier 2004: 79).

Впрочем, что касается идионима «белые ночи», то в англоязычных текстах в последнее время, особенно в путеводителях, предпочтение отдаётся прописной букве.

В последние годы получила распространение практика *ошибочного выделения курсивом только первичного употребления ксенонима-заимствования*, а в последующих случаях выделение не производится. В приводимом ниже примере это происходит с ксенонимом *dezhurnaya*:

In most hotels except the cheapest and the expensive new foreign ones each floor has a floor lady (**dezhurnaya**) to keep an eye on it. They're well worth making friends with. Often the **dezhurnaya** and the room cleaners are the nicest people in the place, almost always able to supply you with snacks, bottled drinks or boiled water (Noble et al. 1996: 67).

С такой практикой трудно согласиться, поскольку, во-первых, она противоречит норме английского языка. Во-вторых, курсив действительно помогает читателю ориентироваться в тексте.

Все это может служить иллюстрацией отсутствия стандартизации в АЯМО вообще и в АЯМО (РК) в частности. Впрочем, идеальной стандартизации нет и в General English, как и ни в одном другом языке.

Адекватность восприятия иноязычного описания культуры

Нам не дано предугадать / Как
слово наше отзовется... (Ф. Тютчев)

Somehow it seems to fill my
head with ideas – only I don't exactly
know what they are! (Carroll L.
Through the Looking-Glass: 50)

Восприятие текста зависит от целого ряда факторов: эрудиции автора и адресата, баланса доступности текста и его точности, влияния стереотипа описываемой культуры на адресата. Существенную роль играет то, что значительное число культуронимов выступает в рамках вторичной культурной ориентации. Локальный колорит, «инокультурность» вносится в текст отдельными, эксплицитно выделенными в тексте (курсив, кавычки, прописная буква) ксенонимами. Это отдельные штрихи, «фигуры» на «фоне» нейтральной лексики – полионимов. Автор сталкивается здесь с дилеммой: с одной стороны, увлечение ксенонимами-заимствованиями снижает читабельность текста, его доступность адресату, с другой стороны, полионимы не всегда могут служить полноценной контекстуальной заменой, но фактически становятся порою ложными друзьями, приводя к «семантическому трансферу», т.е. переносу внутрикультурного значения на почву внешней культуры.

Билингвизм межкультурного общения создаёт условия, при которых сильна тенденция к установлению межъязыковой симметрии. На практике это приводит к возникновению так называемых межъязыковых «бинаров», т.е. культуронимов контактирующих языков, которые выступают как взаимные субституты и в качестве таковых фиксируются лексикографами. «Симметричность» некоторых подобных бинаров критично оценивает, в частности, В.И. Карасик, отмечая, что многие слова, имеющие, разумеется, переводные эквиваленты в словаре, фактически не имеют полноценных коррелятов в других языках, т.к. за ними стоят культурно-специфические концепты. В качестве примеров автор приводит такие слова русского языка, как «чиновник», «купец», «интеллигент», американский «superman», именуемых им «лингвокультурными типажам». К таким типажам можно отнести и русского «юродивого», который не сводится к английскому «(God's) fool», американского

«businessman», имеющего очень мало общего с русским бизнесменом, и т.д. Фактически область культурно-специфического значительно выходит за рамки собственно «этно-специфических концептов», т.к. различия в ценностной составляющей могут демонстрировать и прочие виды концептов – институциональные, регулятивные и др. (Карасик 2009).

Далеко не все пары «переводческих эквивалентов», сложившиеся в практике межкультурной коммуникации, действительно реализуют отношение эквивалентности. Одну из таких пар ложных эквивалентов отмечает К. McCauley, характеризуя сложившуюся ситуацию как «*kasha syndrome*» (синдром каши). Автор пишет:

«*kasha* is translated in virtually every textbook as ‘porridge’. So porridge is the word used by today’s English speakers when referring to a particular Russian dish that has little to do with the English/Scottish breakfast food» (McCauley 2005: 457).

L. Chamberlain демонстрирует редкое единодушие с McCauley:

«The English word ‘porridge’ is no good for translating *kasha*. It deters those who do not share my early morning tastes and suggest sticky mush, whereas *kasha* covers almost all ways of cooking all grains in water, milk, stock and cream to a variety of consistencies ranging from dry (like rice) to set (like Italian *polenta*) to a thick purée» (Chamberlain 1988: 174).

Процитированные выше исследователи обращают наше внимание на игнорировавшийся ранее вид переводческой неточности, если не сказать ошибки, возведенной масштабной практикой в ранг нормы. Несовпадение семантики сходных по форме, т.е. «гомогенных» бинаров имеет долгую историю изучения в рамках и частной теории перевода, и методики обучения иностранным языкам, и лексикологии, и лексикографии, результаты которой сведены в таблицы «ложных друзей переводчика» для каждой пары языков. В то же время «гетерогенные» бинары продолжают сеять хаос и смуту в переводных текстах. Фактически же пары типа «деревня»/village; «обед»/dinner; «стакан»/glass следует также относить к ложным друзьям переводчика.

Так, англ. **village** и рус. «деревня» уподобляются на основании одного лишь критерия – они меньше, чем «город» / **city (town)**, при полном игнорировании различий в административном статусе, инфраструктуре (обязательное наличие церкви, магазинов и проч. в village), типе застройки, занятости населения и др. Тем не менее сила традиции столь велика, что до сих пор мало кто задумывается о неправомерности такого отождествления. Так, в корпусе текстов British National Corpus (<http://bncweb.lancs.ac.uk>; дата обращения: 07.08.2012) –

крупнейшем англоязычном корпусе текстов – заимствование «деревня» встречается лишь в одном случае в рамках топонима *Novaya Derevnya*, описываемого как *village (nearby village of Novaya Derevnya)*. Заимствование «поселок» не встречается вовсе, в то время как словосочетание **Russian village** фигурирует еще в четырех текстах, датированных последней четвертью XX века. *Corpus of Contemporary American English* (<http://corpus.byu.edu/coca>, дата обращения: 07.08.2012) содержит 16 упоминаний **Russian village** и ни одного заимствованного ксенонима данного лексико-семантического поля.

Вышесказанное указывает на значительно бóльшую ограниченность лексического класса полионимов, чем может показаться на первый взгляд. Межъязыковая симметрия, как ее отражают основанные на традициях переводческой практики двуязычные словари, оказывается сильно преувеличенной, что связано с недооценкой или полным отказом от учета культурной составляющей стоящих за отождествляемыми межъязыковыми бинарами концептов. Подобная традиция восходит к практике адаптирующего перевода, перевода снисходящего до адресата в его культурной непосвященности, что совершенно неоправдано в нашу эру информации и глобализации, когда нюансы культурных различий приобретают неожиданную значимость. Нередко же речь идет не о нюансах значения, а о стоящих за подобными «аналогами» культурных стереотипах.

Деформирующий эффект стереотипа наглядно иллюстрирует и нижеприводимый фрагмент описания Якутска 1970-х гг., данного Н. Smith:

It was a greedy, confident Siberian wintriness, devouring the hardy folk who labored along the sidewalks and chasing indoors those whose energies it had already eaten away. The day before, in one café, I had seen people banging through the door steadily, taking refuge over piping hot tea and lingering as long as possible in the stale communal warmth. I watched one worker chug-a-lug a half-tumbler of brandy like a dose of antifreeze before having another go at the elements. Outside, people had surrendered any semblance of fashion to the all-consuming struggle to keep warm. They hobbled along in clumsy, black-felt *valenki* boots or animal skin, legs wrapped in woolen leggings, heads buried in fur. Coat collars were raised to hide every last inch of flesh from the merciless wind (Smith 1976: 400-401).

Описание предельно адаптировано к нерусскоязычной аудитории: в нем нет ничего, на чем мог бы «споткнуться» среднестатистический американский читатель. Единственными ксенонимами являются *Siberia* и *valenki*. Оба уже прочно вошли в англоязычный речевой обиход, обросли мифами и превратились в культурные стереотипы.

Анализ корпуса текстов BNC позволяет выделить следующие основные составляющие стереотипа «Siberia»:

(1) Сибирь = тюрьма («**convicts** in Siberia», «**arrested** and whisked off to Siberia», «**sent off** to distant Siberia», «I'd be **arrested** and sent back to Siberia», «**exiled** to Siberia», «years of **penal servitude** in Siberia», «**labour camps, slavery** in Siberia», «**banished** to Siberia», etc.) (BNC, запрос – «Siberia», дата обращения – 10.09.2012).

(2) Сибирь = холод. Устойчивой парафразой для Siberia является **icy wasteland**. Суровый климат обуславливает особый стиль одежды, прежде всего отличающийся мехами:

dressed in a **fur-trimmed** David Fielden gown ... (suitable for Siberia) (BNC, запрос – «Siberia», дата обращения – 10.09.2012)

В очень сходных выражениях описывает стереотип «Siberia» A. Wood в «The History of Siberia: from Russian Conquest to Revolution»:

It is, of course, both a name and a concept which readily stimulates knee jerk responses, stereotyped visions and hackneyed images in most people's minds – images which will almost invariably feature great **frozen wildernesses, blinding blizzards**, steel-shattering **frosts**, and, of course, legions **of fur-wrapped**, fettered **convicts** and political **prisoners** – ‘**exiled** to Siberia’, in the chilling cliché – by the autocratic Russian state (Wood 1991: 1).

Другой американский автор описания Сибири I. Frazier также не может не отметить мифологизированность данного концепта:

For most people, Siberia is not the place itself but a **figure of speech, a metaphor** for **cold, remoteness** and **exile** (Frazier 2010).

В Dictionary of Russia также отмечается, что данный русизм трактуется в западной лексикографии «не столько как географический термин, сколько как метафора» (DR 2002: 392-393). С учетом данного негативного стереотипа, который на Западе устойчиво держится в отношении Сибири, следует выразить сомнение в возможности воссоздания западным читателем при чтении этого описания объективной картины жизни сибиряков – не заключенных, не ссыльных, не каторжных, а простых граждан.

Valenki, традиционная обувь сибирских татар (**Siberian** Tatars), – важная черта в рисуемом автором образе сибирского быта. Примечательно, что Wikipedia помещает *Valenki* в один ряд с Telogreika и Ushanka (<http://en.wikipedia.org/wiki/Valenki>; дата обращения 10.09.2012) – принадлежности крайне невзыскательного стиля в одежде.

Трудно представить, как охарактеризованный выше стереотип сочетается в голове у читателя с такими культуронимами, как *sidewalks*, *café*, *leggings*. Следует отдать должное попыткам автора указать на их

трансформацию в описываемом культурном окружении: по пешеходным дорожкам (sidewalks) люди пробираются с усилием (labored); атмосфера café описывается оборотом stale communal warmth. Горячительный напиток вводится через аналогию с brandy, но не отождествляется с последним; на отличия указывают такие особенности употребления, как выпивание залпом (chug-a-lug), форма сосуда – tumbler вместо характерного для бренди коньячного бокала. Но, видимо, самой точной характеристикой напитка является то, что автор расценивал как метафору – antifreeze.

Результатом такого описания может быть достаточно фантастическая картина неизвестного, конструируемого с опорой на мифы, мира. Опыт знакомства с западными экранизациями русских сюжетов показывает, что «heads buried in fur» или «coat collars» порождают в воображении инокультурного интерпретатора образы, весьма далекие от описываемой реальности. Восприятие подобных культуронимов в значительной степени определяется существующим стереотипом внешней культуры.

Вышесказанное свидетельствует о неоптимальности использования культуронимов вторичной культурной ориентации, отягощенных стереотипами своей первичной культуры. В то же время адекватность описания культуры посредством только лишь специальных ксенонимов также спорна, т.к. подобный текст рискует быть недоступным для адресата.

Большей семантической прозрачностью характеризуются кальки, но и они могут иметь деформирующий эффект. Так, русизмы «ударная (бригада)» и «шоковая терапия» в калькированной передаче на английский язык содержат элемент shock (DR 2008: 388-389), что придает им ложную видимость семантической близости, а также вызывает не всегда уместные параллели с shock troops.

Решением проблемы является комплексный способ введения ксенонимов с параллельным подключением элементов, облегчающих их концептуализацию, но не влияющих на точность и обратимость номинации. Пояснение (экспликация) специальных ксенонимов – это именно та часть иноязычного описания культуры, от которой зависит адекватность восприятия текста читателем. Однако следует иметь в виду, что автор, вводя пояснение, может и исказить плохо знакомую ему описываемую культуру или внести в описание элемент субъективизма.

Так, очевидно, что слово vacationist дает лишь самое общее представление о таком колоритном явлении в дореволюционной русской культуре, как «дачники»:

The barn was full of *dachniki* (vacationists) and disabled soldiers from a nearby hospital (Nabokov 1990: 494).

Вышесказанное свидетельствует о сложности проблемы адекватного описания внешней культуры – предельно точного, т.е. лишённого интерферирующих искажений со стороны внутренней культуры, но в то же время и достаточно доступного для инокультурного адресата. Речь идет о трудно достижимом балансе, требующем учета всего комплекса факторов, определяющих успешность коммуникативного процесса.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каким образом положение ксенонима в тексте, тип текста влияют на способ введения ксенонима?
2. От каких факторов зависит насыщенность текста специальными ксенонимами?
3. За счет чего становится возможным чередование альтернативных ксенонимических вариантов?
4. Какие факторы определяют порядок следования параллельно подключенных компонентов ксенонимического комплекса?
5. Предложите варианты параллельно подключенных пояснений следующих идионимов: *старовер, большевик, Кровавое воскресенье, социалистический реализм, самовар, Волга, Великая отечественная война, колхоз, татарское иго, терем.*
6. От каких факторов зависит адекватность восприятия читателем иноязычного описания культуры?

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998.
2. Кабакчи В.В. Новое о «ложных друзьях переводчика» // *Linguistica* 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1998. – С. 80-98.
3. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 51-70.

Глава 7. *СТИЛИЗАЦИЯ (ЛОКАЛИЗАЦИЯ) ТЕКСТА

Тексты иноязычного описания культуры могут быть чисто *утилитарно-информативными*, когда на первый план выдвигается прагматическая сторона описания иноязычной культуры, и *художественными*, когда первостепенным является воздействие автора на эмоции адресата. До сих пор в центре нашего внимания были преимущественно информативные тексты. Теперь остановимся на особенностях художественного текста иноязычного описания культуры.

Проблему передачи специфики иноязычной культуры в традиционной лингвистике обычно описывают термином «*национальный колорит*» (local color, Fr. *couleur locale*): «Особое свойство литературного произведения, речевой характеристики персонажа и т.п., обуславливаемое наличием в них слов и выражений, заимствуемых из определенной диалектной среды или языка какой-либо эпохи, отражающих специфические черты какого-либо языка, реалии какой-либо страны, местности и т.п.; ср.: стилизация» (СЛТ 1969).

Национальный колорит обычно рассматривали в рамках *перевода* (обычно художественного) произведения. Попытки переводчика воспроизвести инолингвокультурный национальный колорит затрудняются тем, что при этом не должен нарушаться стиль оригинала. Иначе обстоит дело с «беспереводным межкультурным общением» аутентичных текстов *прямого межкультурного диалога*. Здесь источник информации изначально строит текст с расчетом на адресата, руководствуясь конкретной коммуникативной ситуацией, не будучи связан стилистикой оригинального текста. В частности, это было выше показано на примере отрывка из М. Булгакова.

«ИНОКУЛЬТУРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА

В XX веке большой популярностью стало пользоваться то, что мы называем «инокультурная литература», в которой авторы описывают в художественной форме иноязычную культуру. Можно выделить два типа «инокультурной литературы». В первом случае автор на родном языке описывает иноязычную культуру – «родноязычная» инокультурная литература. В качестве примера можно назвать роман Р. Киплинга *Kim*, многочисленные произведения плодовитого долгожителя франкоязычного выходца из России Анри Труайя. Примером блестящего иноязычного описания культуры следует считать гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки». Правда, в последнем случае речь идет о близкородственных языках (русском и украинском), что существенно раздвигает границы

доступных стилистических приемов передачи специфики описываемой культуры.

Во второй половине XX века специалисты стали говорить о возникновении нового типа литературы, которому до сих пор так и не найдено единого общепризнанного наименования. Литераторы с удивлением и подозрением обнаружили, что у них появились неожиданные конкуренты: иностранцы, которые пишут на их родном языке, – это «второязычная» инокультурная литература.

В 1974 г. выходит работа Б. Кинга с характерным заглавием *Literature of the World in English*. В 1983 г. A.L. Weir признает, что исследования того, что он называет New English Literatures, остаются на периферии традиционных областей изучения английского языка (Weir 1983: 307). Почти одновременно с ним аналогичное мнение высказывается и в СССР: «Мы имеем дело с литературой, которая выходит за рамки общепринятых норм», причем автор с горечью указывает на умышленное, с его точки зрения, умалчивание и непризнание русскоязычной литературы, созданной «национальными писателями» (Мазанаев 1984: 12, 29).

Литературу этого типа чаще всего называют «второязычной литературой», поскольку в основном здесь речь идет о писателях «третьего мира», которые в поисках широкой аудитории читателей пишут не на родном, а на втором, обычно европейском языке.

Десять лет спустя Pico Iyer пишет об этом пространную статью в журнале *Time* под характерным заглавием "The Empire Writes Back". Он отмечает, что в конце XX века в преподавании английской литературы произошли радикальные изменения. Вместо знакомых многим поколениям студентов фамилий писателей Graham Greene, Evelyn Waugh и Aldous Huxley стали мелькать далеко не англо-саксонские имена: Salmon Rushdie, Kazuo Ishiguro, Vikram Seth, Michael Ondaatje, Ben Okri, Keri Hulme; кстати, имена, «более привычные студентам, для многих из которых родным языком были такие языки как Cantonese или Urdu» (Iyer 1993: 50).

Нобелевскими лауреатами стали Czeslaw Milosz, Wole Soyinka, Иосиф Бродский, Isaac Singer, Saul Bellow. Букеровскую премию получает выходец из Индии Salmon Rushdie (заочно приговоренный фанатиками-мусульманами к смерти за его книгу *Satanic Verses*), писатель из Новой Зеландии Keri Hulme, а также нигериец Ben Okri.

Естественно, что это новое явление в развитии английского языка немедленно привлекло внимание лингвистов (смотри работы В. Kachru; J. Platt et al; R. Bailey и другие).

К «второязычным» писателям следует отнести и наших соотечественников: русско-английского писателя В. Набокова и русско-французского писателя А. Макина (Andreï Makine).

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ВТОРОЯЗЫЧНЫХ» ПИСАТЕЛЕЙ

Опыт использования английского языка в приложении к иноязычным культурам народов Азии, Африки и островных государств показывает, что воссоздание национального колорита в языке межкультурного общения (ЯМО) осуществляется в условиях противостояния двух противоборствующих тенденций: *«деанглизация» и «нативизация» (Weir 1983: 330).

Под **деанглизацией* текста понимается стремление избегать использования в англоязычном описании русской культуры всех тех языковых элементов, которые маркированы своей ориентацией исключительно на внутреннюю культуру английского языка. Характерно, что, по признанию исследователей англоязычной литературы США, Канады и Австралии, становление национальной литературы в этих регионах долгое время было сковано психологическим давлением традиций британской литературы и стремлением этих авторов подражать классикам этой литературы.

Противоположной тенденцией следует считать процесс **нативизации*, под которой понимается адаптация языка в соответствии со спецификой описываемой инолингвокультуры (Kachru 1986: 130). Английский язык, по мнению лингвиста, вступая в контакт с внешней культурой, неизбежно «нативизируется» (it becomes 'localized' or 'nativized') фонетически, лексически, грамматически. Возникают новые языковые закономерности (Platt *et al* 1984: 2).

Исследователи «второязычной литературы» выделяют следующие основные приемы стилизации текста: введение в текст иноязычных заимствований; использование заимствований с их параллельным переводом; передача диалога на языке описываемой культуры (Platt *et al* 1984: 183).

Практика АЯМО (РК) показывает, что палитра стилистических средств наиболее ярко использована В. Набоковым, и это неудивительно, поскольку, по его собственному признанию «I learned to read English before I could read Russian» (Nabokov 1966: 79). Поэтому мы часто будем пользоваться примерами из его романа *Pnin*.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Наиболее распространенным приемом стилизации являются заимствованные ксенонимы-русизмы, которые выполняют в тексте функцию **ксенонимических маркеров* культурной ориентации.

Стилистические ксенонимы обычно не несут собственно назывной функции: они лишь создают орнамент национального колорита. Достаточно сравнить эти два примера:

(1) Of the stringed instruments important are *gusli*, the *domra*, the balalaika and the *gudok* (CamEnc 1994: 266).

(2) Certainly, it is not the Russia of *izbi* and *babushkas*, of earthy proverbs by peasants in bast shoes (Massie S. 1990: 215).

Если в первом случае все используемые заимствованные ксенонимы-русизмы несут исключительно информативно-назывную функцию, то во втором примере русизмы *izbi* и *babushkas* введены в текст из стилистических соображений: по мнению автора их присутствие должно подчеркнуть «русскость» описания, передать национальный колорит культуры.

В принципе любой ксеноним несёт в себе элемент иноязычной внешней культуры, создавая эффект национального колорита:

From our table we could see the frosty Prospekt, with Friday night crowds crossing to the new Gastronom food store next door... (*Morning Star* 14.02.1968).

Заимствования Prospekt и Gastronom информативны, поскольку это локалоиды, и одновременно вносят элемент специфики внешней культуры.

К заимствованиям западные авторы иногда прибегают, чтобы подчеркнуть появление в постсоветский период того, что на Западе давно считается общепринятым, особенно если англоязычный термин заимствуется:

It was also ... an *ofshornaya zona*, a new term in post-Soviet jurisprudence that denotes a realm known in the West as an offshore tax haven (Meier 2004: 81).

К стилистическим заимствованиям обычно относятся те, без которых можно было бы легко обойтись:

So now to business. The *vipivka* has been procured. The *zakuski* have been laid out on the table. Three or four *sobutylniki*, drinking partners, stand at their marks – experienced, well-rested veterans of the bottle, ready to give of their best (Nicolson 1994: 32).

Вместе с тем следует признать, что любой русизм, вводимый в текст, уже самой «инородной» формой содержит в себе экзотическую окраску, что, в частности, подтверждается мнением одного из персонажей Агаты Кристи:

«This is **vodka**,» Mrs Allcock regarded her glass suspiciously. «Mr Rudd asked if I'd like to try it. **Sounds very Russian** (Christie 1967: 167).

В качестве косвенных маркеров обычно выступают наиболее известные элементы внешних культур, т.е. та самая верхушка ксенонимического айсберга, о которой мы говорили при обсуждении Базового словаря. Это наиболее известные географические названия,

денежные единицы, общеизвестные фамилии деятелей истории и культуры, нередко знакомые читателям еще по занятиям в школе и вузе.

Так, в романе американского писателя J. Michener есть эпизодическое упоминание выходца из России, и это подчеркивается введением в текст русизма:

Never earned a **kopek** in his life (Michener 1971: 201).

Характерно, что такой прием используется ниже в переводе (Л. Толстой. «Детство»). В отрывке, где автор описывает своего отца, переводчик вводит в текст русизм, отсутствующий в оригинале:

The two chief passions of his life were cards and women; he had won several million **roubles** in the course of his life and had had affairs with innumerable women of all classes.

Этот текст с успехом можно использовать для иллюстрации культурной переориентации лексики. Уберите русизм *roubles*, и текст станет космополитическим: описываемая ситуация возможна в традициях многих культур. Вводя в текст русизм-*маркер*, который содержит в себе инокультурную коннотацию, переводчик стремится лишней раз напомнить читателю, что речь идет об иноязычной культуре. Показательно, что в оригинале упоминания идионима «рубель» нет: речь идет просто о миллионах. Переводчик, таким образом, идет сознательно на «вольность», желая подчеркнуть русско-культурный фон данного произведения.

Функцию маркера культурной ориентации часто выполняет русизм *tsar*:

Kulebyaka is the Tsar of Russian pies (Craig, Novgorodsev 1990: 42).

При описании других культур будут использоваться иные наименования монархов: *caesar, khan, shah, kaiser, sultan, mikado*.

Распространенным способом ориентации внешнекультурного текста становится имя-символ, т.е. то имя, которое для землян ассоциируется с какой-то конкретной нацией. Такой способ культурной ориентации, кстати, очень популярен в русских анекдотах: Джон – англичанин, Жан – француз, Ганс (в период Второй мировой войны – Фриц) – немец, Абрам – еврей. В английском языке для русских таким символом служит имя *Ivan*:

Ivan – Russian, especially a Russian soldier (W3).

It's a hard life for **Ivan** (*Time* 08.03.1976) ♦

The Soviets hurry to bring **Ivan** home (Of the war in Afghanistan; *Time* 22.02.1988).

Нередко ксенонимы, которые, строго говоря, русизмами называть некорректно, иностранцами воспринимаются как таковые по той простой причине, что в английский язык они пришли через русский язык.

В частности, развернутая метафора из приводимого ниже примера основана на ксенониме *shashlyk*, который, как ни странно, выполняет функцию создания колорита русской культуры:

A huge strategic *shashlyk* is on the fire in the Caspian Sea area, cooking in the Caucasus and Central Asia, with eager diners in Russia, the United States, and Britain waiting for the first bite... (*ChrScM* Oct 6-12, 1995).

В тексте речь на самом деле не идет о кулинарии: обсуждается проблема нефтепровода через Каспийское море. Введение в текст ксенонима *shashlyk* вносит элемент национального колорита в повествование, указывая на переплетение интересов различных стран в районе Каспия в ранний постсоветский период.

Отражая более свободное отношение общества в постсоветский период к нецензурной лексике, западные авторы охотно включают такие русизмы в свои тексты:

Mozdok, he said, was a *bardak*, a complete and utter mess, where SNAFU's, in their original U.S.Army sense, were the norm (Meier 2004: 155).

[Pelevin's *Generation «P»*] The title was meant as a pun on generation X and the Pepsi Generation. *P* stands for *pizdets*, a crude, but beloved swearword that ends the sentences of young Russians everywhere. It means alternately. «the absolute best» or «the absolute worst» (Meier 2004: 47).

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КСЕНОНИМИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Выше уже отмечалось, что фактически любое заимствование в той или иной степени несет в себе элемент внешнекультурной окраски и в этом отношении, помимо чисто утилитарной функции наименования конкретного элемента культуры, способно выполнять функцию стилизации текста. К *эмоциональным ксенонимам* следует отнести те из них, которые лишь в своей коннотации являются специфически внешнекультурными элементами, например, такие слова, как «родина», «простор», «глубинка». В своей основе это полионимы, но в русской культуре такие слова наполнены такой самобытной окраской, что авторы англоязычных описаний России часто считают целесообразным их заимствовать:

An exciting sense of *rodina*, «motherland», was for the first time organically mingled with the comfortably creaking snow... (Nabokov 1966: 96). ♦ The emotional force of that word *rodina*... (Smith 1976: 373).

В текст внешнекультурного общения регулярно включаются и те заимствованные ксенонимы, которые, с чисто объективной точки зрения,

с лёгкостью могли бы быть переданы с помощью эквивалентных англоязычных полионимов, но которые выполняют столь значимую функцию во внешней культуре, что приобретают необычный коммуникативный статус и стилистическую окраску. На это обращают внимание и экспатрианты:

Also, I am not speaking of those great Russian words like *toska* (anguish) or *remont* (repairs) that so concisely sum up a wealth of associations that their English equivalents cannot (*SPbTimes* 23.05.1997).

[Of *migalki* in Moscow] It is the essence of power, Moscow style. It is *naglost*. In general, *naglost* is an unseemly blend of arrogance, shamelessness, and rudeness. In this instance it is the contemptuous disdain of the rights of ordinary Russians (Meier 2004: 29).

Мастерски использует стилистические заимствования В. Набоков, не ограничиваясь узкими рамками банальных базовых заимствований. Так, в романе *Pnin* герой, Тимофей Павлович, тоскуя по родине, продолжает мыслить русскими категориями. Он отправляется читать лекцию "some two hundred *versts* west of Waindell». В его восприятии паровозный гудок звучит "afar as mournfully as in the *steppes*,» хотя в действительности Тимофей Павлович едет не по милой ему степи, а по прерии. Возраст студентов он переводит на summers – "a plump maternal girl of some twenty-nine *summers*" – в полном соответствии с нормами русского, а не английского языка, а фасад дома измеряет аршинами:

The green plot on which it stood had a frontage of about fifty *arshins*... (Nabokov 1990: 471).

В другом случае в поисках нужного слова Пнин прибегает к ложному другу переводчика, хватаясь за него, как за соломинку:

‘*Quittance*?’ queried Pnin, Englishizing the Russian for receipt’ (*kvitantsiya*) (Nabokov 1990: 382) ◇

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОКАЛОИДОВ

Функцию маркеров культурной ориентации могут выполнять и *локалоиды*, о которых мы уже говорили выше, то есть заимствования типа *universitet*, *bufet*, *kafe*, *biznes*. В этом случае введение в текст заимствования с целью передачи внешнекультурного колорита осуществляется «малой кровью»: прозрачность формы, общность (большая или меньшая) значения позволяют адресату мгновенно ассоциировать даже окказиональное заимствование с соответствующим словом языка описания:

Still have the stomach for *biznes*? (Caption; *US News*... 04.06.1990)

Like most Moscow *taksisty*, he doubles as paid listener and anonymous confessor (*Time* 15.12.1993).

It was the road that bore the city's richest and mightiest into town from their fortified *cottedgi*, cosy five-story affairs nestled in the birches just beyond the city limit (Meier 2004: 26).

Нелишне обратить внимание на их неумение правильно транслитерировать русизмы: обычная ущербность аутентичных текстов.

Начиная с 1990-х гг., когда в России начались экономические реформы и в русский язык стал наполняться англицизмами, западные авторы не перестают включать в свои тексты о России локалоиды:

Repeatedly heard in political discussions are words like *konsensus*, *privatizatsia*, *korruptsia*, *plyuralizm* and *konsolidatsia* (*Chicago Tribune* 04.10.1992).

...the *demokraty* will still have a substantial presence in the Duma. (*MTimes* 15.12.95).

...Lazarev was asked by a friend to design a *kottedzh*, or private house, in the country (Margaret Henri, *Real Estate* 1996: 13).

After briefly attending a local school for Greek boys, Chekhov entered the town *gimnaziya* (high school), where he remained for 10 years (EncBr).

Там, где транслитерированный локалоид совпадает по написанию с английским словом, на помощь приходит курсив:

[Sakharov] is an inward man, a Russian *intelligent*, an intellectual through and through (Smith 1976: 534).

К локалоидам охотно прибегает и В. Набоков:

'*Huligani*,' fumed Pnin, shaking his head... (Nabokov 1990: 421).

ИНКОРПОРАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Включение в текст элементов иноязычного диалога является распространенным стилистическим приемом в межкультурной коммуникации вообще. Обычно параллельно дается и перевод:

«No more Government,» one answered with a grin, «*Slava Bogu! Glory to God!*» (Reed: 96).

His principal conviction – *Ran'she bylo luchshe* («Things were better before») – had become the motto of his generation (Meier 2004: 31).

К подобным включениям прибегает и В. Набоков:

It was there, *slava Bogu* (Thank God)! (Nabokov 1990: 383).

'What a gruesome place, *kakoy zhutkiy dom*,' she said... (Nabokov 1990: 407).

Русскоязычные включения у В. Набокова могут выполнять функцию передачи внутренней речи героя, например, в его рассказе о прибытии в США:

How Pnin came to the *Soedinyonnië Shtati* (the United States) (Nabokov 1990: 377).

His so-called *kabinet* now looked very cosy... (Nabokov 1990: 484).

Очевидно, что в последнем примере автор упоминает этот «so-called *kabinet*», поскольку для Пнина его рабочая комната это «кабинет» не только в его русскоязычной речи, но и локалоид *kabinet*, когда он переходит на Pninian English. Таким образом, этот локалоид призван передать внутреннюю речь героя.

Смешанная речь героев билингов является результатом их неграмотного билингвизма. Пнин в романе Набокова также билингв, который так и не овладел в полной мере английским языком, что автор и демонстрирует:

«And where possible to leave the baggage?» ♦ "...the wife of colossus, colossus Tolstoy liked much better than him a stoopid moozishan with a red noz!»

Или Пнин звонит по телефону и просит позвать 'Mrs Fire', хотя в действительности ему нужна 'Mrs Thayer'. Поняв, что он ошибся, Пнин объясняет, что он "employed by mistake the name of the informer," между тем informer это что-то вроде нашего «стукача».

В другой раз Пнин приходит в магазин и просит показать ему "a football ball", калькируя русское словосочетание «футбольный мяч» и не отдавая себе отчета в том, что, во-первых, по-английски это звучит смешно, а во-вторых, забывая, что он в США, где слово football описывает совсем не европейскую игру. На занятиях он извиняется перед студентами за свой "negligent toilet." В конце книги Пнин заявляет, что его уволили, используя при этом слово shot (501) вместо слова fired.

Waindell College, в котором он работает в США, в устах Тимофея Павловича превращается в Vandal College.

ГРАФИЧЕСКАЯ СТИЛИЗАЦИЯ

Стилизация текста может осуществляться посредством графического оформления заимствований. В частности, формальная транслитерация там, где традиционно используется ассимилированный вариант, становится своеобразным культурным маркером. Например, использование буквы «К» для транслитерации аналогичной русской буквы вместо ассимилированных вариантов – С/СК. Речь идёт о таких парах, как icon/ikon, caftan/kaftan, iconostasis/ikonostas:

... I heard a couple of *babushkas* worrying that the young would break the **ikons** or laugh at worshipers (Smith 1976: 526).

[Peter the Great] personally shaved the waist long beards and sheared the **kaftans** of his *boyars* (nobles) (Massie R. 1967: 265).

Впрочем, этот вид стилизации имеет ограниченные возможности.

КСЕНОНИМИЧЕСКАЯ ИДИОМАТИКА

Важную роль в передаче специфики общения любой культуры играют разнообразные идиоматические выражения, пословицы, поговорки, крылатые слова (в отечественной лингвистике их называют «фразеологической лексикой», «фразеологизмами»).

Думается, утверждение о непереводаемости идиом является преувеличением: хорошо известна принципиальная возможность перенесения таких единиц из языка в язык, причем результатом многовековых межкультурно-языковых контактов является формирование пласта интернациональной идиоматики, который существует практически в любом языке. Чем более интернационален язык, тем более представлен этот слой. Выражения типа *to cut the Gordian knot* ♦ *the apple of discord* ♦ *the prodigal son* ♦ *the forbidden fruit* ♦ *appetite comes with eating* ♦ *after us the deluge* ♦ *to fight against windmills* и сотни других, появившись в своё время в каком-то одном языке, распространились во всех языках народов мира. По крайней мере, у каждого из приведенных выше выражений есть русскоязычный вариант. Существование в языке землян значительной группы интернациональной идиоматики – это часть общего процесса языковой конвергенции.

В современном английском языке пласт иноязычных идиом наиболее полно представлен заимствованиями из (древне)греческого и латинского и библеизмами, а также идиомами из современного французского языка, в меньшей степени – из итальянского, немецкого и испанского языков. Русских идиоматических выражений в словаре современного английского языка практически нет, за исключением редких единиц, например, фраза, открывающая роман Л.Толстого «Анна Каренина»:

All happy families resemble one another, each unhappy family is unhappy in its own way (Penguin Dictionary of Quotations: 398).

Это крылатое выражение нередко встречается в англоязычных текстах, причём не всегда в контексте русской культуры:

All happy families are alike, wrote Tolstoy, but unhappy ones are unhappy in their own ways (*Time* 04.06.1990).

Другим редким случаем следует считать выражение «потемкинские деревни» – Potemkin villages:

At first we feared that we might be taken only to «**Potemkin villages**,» attractive false fronts concealing a less attractive reality. (*People* 06.04.1987)

Но таких идиом крайне мало. В результате при желании воспользоваться какой-либо русской идиомой мы обычно имеем дело с новообразованием. Введение в текст неосвоенного идиоматического

выражения возможно двумя способами: посредством заимствования с пояснением и/или посредством калькирования.

В первом случае используется уже знакомое нам параллельное подключение заимствованной идиомы к ее пояснению:

... everyone wanted a chance to drink *na pososhok*, a toast before taking up your walking stick, as the Russians say. One for the road, however rough and long it might be (*Time* 10 Apr 1984).

Almost any transaction can work *po blatu*, by connections, or through acquaintances, *po znakomstvu*, as the Russians say... (Smith 1976: 116)

Literally, *na levo* means «on the left» but comes across as «on the side» or «under the table» (Smith 1976: 123).

Впрочем, гораздо чаще в текст вводится только переводной вариант идиомы:

[Khrushchev] called Richard Nixon and John Kennedy «a pair of boots» (*Time* 11.02.1985).

You are asking us to buy a cat in a sack (translation: a pig in a poke)... (*Time* 25.06.1984).

«They know ... that old workers go for the ‘long ruble’ (the high pay bonuses)» (Smith 1976: 408).

Пояснения идиом в популярных и художественных текстах обычно осуществляются неформально:

«*Blat* isn't really corruption», an actress contended, «it's just *ty mne ya tebe* (you for me and me for you). In other words, I'll scratch your back and you scratch mine!» (Smith 1976: 116).

Любопытно, что идиома «блат» дается параллельно другому идиоматическому выражению: «Ты мне, я тебе», обе идиомы приводятся в транслитерации; последняя калькируется, а затем приводится англоязычный аналог «I'll scratch your back and you scratch mine».

КСЕНОНИМИЧЕСКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ (ПОСЛОВИЦЫ)

The Russians have many sayings and my knowledge of them is extended every time I visit Russia (Griffin 1982: 56).

**Паремиология* (греч. paroimia – пословица и logos – слово, учение) – раздел филологии, изучающий «паремии» – пословицы, поговорки, изречения. Именно пословицы и крылатые выражения чаще всего заимствуются в ЯМО:

...like the French say, «To understand all is to forgive all» (Wolfe 1987: 293).

При этом в случае использования неосвоенной пословицы обычно прибегают к калькированию. Будет правильнее признать, что само

заимствование пословиц и крылатых выражений становится возможным в тех случаях, когда исходная идиома поддается калькированию (Platt *et al* 1984: 108).

Введение в текст русской пословицы обычно сопровождается вводными оборотами AS THE RUSSIAN PROVERB/SAYING GOES ♦ AS THE RUSSIAN PROVERB SAYS ♦ AS WE/THEY SAY IN RUSSIA.

Иными словами, в полном виде комплекс параллельного подключения идиоматического выражения состоит из трех компонентов: (1) вводный оборот (используется часто, на что уже указывали Катцер, Кунин 1964: 99, 108); (2) транслитерация прототипа (встречается редко); (3) калька прототипа, собственно выполняющая функцию идиоматического neoобразования:

We trust his promises, but,
 (1) as they say in Russia,
 (2) *doveryai, no proveryai*,
 (3) trust, but verify.

Введение в текст транслитерированного прототипа идиоматического выражения встречается редко тем более, поскольку это делает текст тяжелым для восприятия. Тем не менее:

I asked him to hurry, and his only reply was to quote the Russian proverb *tishe edesh', dal'she budesh'* (he who goes slower fares further) (Ashby 1947: 177).

There is a Russian saying: *Pervyj blin komom* – 'The first *blin* is a lump' and indeed it almost invariably is (Craig, Novgorodsev 1990: 30).

Характерно, что в приводимых ниже примерах американские журналисты практически одновременно описывают одно и то же событие, однако первый журналист считает целесообразным введение оригинала пословицы, в то время как второй журналист обходится без этого:

(1) Reagan quoted his favourite Russian proverb, *Doveryai, no proveryai* (Trust, but verify)... (*Newsweek* 21.12.1990).

(2) Reagan seemed barely relevant as he bubbled his favourite Russian phrase, 'Trust but verify'... (*Time* 19.12.1990).

На практике введение иноязычных идиом в текст осуществляется по упрощенной схеме, без транслитерированного прототипа:

As a Russian proverb puts it, «You never value what you have until you lose it» (*Time* 06.01.1992).

As the saying goes, "If you don't praise yourself, no one else will" (*MTimes* 03.06.1997).

There is an old Russian saying, «Two bears cannot share the same lair» (*ChrScM* 20-26.08.1999).

«It is very high up to God! It is very far to the Tsar!» said the Russian proverb (Massie R. 1985: 14).

ПЕРИФРАЗ ИДИОМ С ИХ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЕЙ

Человеку свойственно играть с языком, вносить в него инновации, переделывать сложившиеся клише, создавать новые, неизбитые выражения. Так, Lewis Carroll в *Alice in Wonderland* превратил дидактическое изречение *take care of the pence and the pounds will take care of themselves* в юмористическую инновацию, вошедшую в английский язык: *take care of the sense and the sounds will take care of themselves*. Отечественные лингвисты уже в 1960-е гг. показали, как эту пословицу можно русифицировать:

take care of the pence and the pounds will take care of themselves
→ *take care of the kopeks and the rubles will take care of themselves*
(Катцер, Кунин 1964: 108-109).

Развитие английского языка межкультурного общения (АЯМО) подтвердило возможность такой локализации идиоматических выражений. В АЯМО (РК) подобная локализация (русификация в данном случае) осуществляется аналогично; ключевые слова английских идиом замещаются русскими соответствиями:

1. Pupil independence, however, plays second **balalaika** to the pressure for marks... (*Time* 06.06.1980).

2. Be adventurous – when in **Moscow** do as the **Muscovite** do (Beyer 2001: 37).

3. Moscow does not have to borrow money to cover the shortfall; it merely rolls the loss over into the next year, robbing **Pëtr** to pay **Pavel** (*Newsweek* 07.11.1988).

4. [Zhivkov's program] seemed to be intended, as one Western diplomat in Sofia put it, «**to out-Gorbachev Gorbachev**» (*Time* 15.02.1988).

ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ СТИЛИЗАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

For fools rush in where angels
fear to tread (A. Pope *An Essay on
Criticism*; 3: 286).

Иноязычное отражение специфики описываемой культуры это искусство, подвластное мастерам. Шаблоны в создании национального колорита высмеяли в «Золотом теленке» И. Ильф и Е. Петров. Там, как известно, Остап Бендер во время своей поездки в Азию в погоне за Корейко, чтобы подработать, составил руководство для журналистов, в котором, в том числе, был и раздел, посвященный среднеазиатскому «национальному колориту».

В этом «пособии» дается краткий список восточной лексики (*урюк, арык, ишак, плов, бай, басмач, шакал, кишлак, пиала, медресе, ичиги,*

шайтан, арба) и даже приводится образец «поэзии» с национальным колоритом: «Цветёт урюк под грохот дней,/ Дрожит зарей кишлак./ А средь арыков и аллей/ Идет гулять ишак».

К сожалению, и в АЯМО (РК) очень часто ремесленники прибегают к имитации воссоздания национального колорита, пользуясь ограниченным набором тривиальных базовых русизмов типа **balalaika, vodka, samovar, Mother Russia, matryoshka dolls** и другие.

Если западные авторы заводят речь о русских, это непременно обсуждение загадочной русской души, широких русских застолий, а русская музыка непременно будет ассоциироваться с игрой на балалайке:

You may be forgiven if the words "Russian music" conjure up a vision of the massed choir of the Red Army accompanied at breakneck speed by an orchestra of three hundred ebullient **balalaika** (Fodor 1989: 110).

А вот что пишут сами экспатрианты о тех, кто впервые приезжает в Россию:

With a course of basic Russian under their belt and the collective works of **Chekhov** in their suitcase, they come to this country dreaming of **balalaika** music round a **samovar**. [...] they want to be more Russians than the Russians (*MTimes* 30.04.1994).

Из русских сувениров наибольшую известность приобрела кукла-матрешка. Отсюда и нехитрый прием вынесения одного из знакомых русизмов-ксенонимов (тех, что В. Набоков называет «stale Russianisms»: *Pnin*: 419) в заголовок журнальной статьи:

Sun, Surf and **Matryoshka** Dolls (*Newsweek* 13.01.1992).

Неизменной принадлежностью подобных поделок становится появление оборота «Mother Russia» даже в солидных публикациях:

...that makes them an important stop for anyone seeking to become acquainted with Mother Russia (Fodor: 1999: 120).

[Venetsianov] turned to the theme of **Mother Russia**, finding artistic inspiration in the ingenuous activities of the Russian peasant (CamEnc 1994: 179).

Верхом вульгаризации англоязычного описания русской культуры следует считать некоторые приемы создания псевдорусизмов, которые нередко используются западными авторами. Так, по какой-то причине русскую морфему –СКИЙ принимают за квинтэссенцию русскости, прибавляют ее к различным основам, полагая это смешным. Так, газета *Des Moines Register* (06.04.1989) поместила карикатуру, посвященную поражению коммунистов на выборах. На ней изображена газета «Правда» с заголовком UPSETSKI. А вот более свежий пример:

Kicking buttski. Making you laughski. The Academy is backski! (*Newsweek*, 21.05.2001).

После того как Роман Абрамович купил лондонский футбольный клуб «Челси», команду стали называть Chelsky.

Еще менее понятен другой прием русификации слов, имеющий давнюю историю: латинская буква «R» заменяется русской буквой «Я», например: «Яussian». Предполагается, что это очень смешно или, по крайней мере, оригинально.

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Автор иноязычного описания культуры – это личность со своей идеологической и жизненной позицией, которая неизбежно отражается в тексте. В своем описании иноязычной культуры он может пытаться абстрагироваться и пытаться добиться объективности. Однако чаще всего, явно или в скрытой форме, эта позиция в тексте проявляется. Авторская позиция может выражаться открыто (эксплицитно, *explicitly*), в частности, когда используется местоимение первого лица множественного числа, чтобы указать на принадлежность автора к данному лингвокультурному коллективу:

...he lived in luxury – like cheese floating in butter as **we** say in Russia (*MTimes* 01.03.1997, p.9).

В других случаях используют иные языковые средства. Скажем, слово «шпион» описывает человека, который работает на враждебную, нередко иноязычную сторону, в то время как «наш» человек, работающий по сбору информации во враждебном лагере, уже будет **разведчиком**. Вот почему фильм *Spy Sorge* (Masahiro Shinoda, Japan, 2003), показанный РТР 15.06.2003, был представлен с русским названием «**Разведчик** Зорге».

Авторская позиция особенно ярко проявлялась в период идеологического противостояния «холодной войны». В то время легко было распознать, на чьей стороне автор по идеологически маркированной лексике. Так, «Совет экономической взаимопомощи» (СЭВ) советская сторона называла (в англоязычных текстах) «СМЕА», а западные авторы – Comecon. «The October Revolution» в западных публикациях и сейчас обычно фигурирует как «the Bolshevik Revolution». Советские авторы неизменно называли Политбюро «Politbureau», а западные авторы отдавали предпочтение ассимилированному варианту «Politburo». Выпускались даже словари политической лексики на английском языке, например: *Dictionary of Scientific Communism*.

Россияне говорят о «Великой Отечественной войне» (в англоязычном варианте – the Great Patriotic War), имея в виду советское участие в борьбе с нацистской Германией, а западные авторы этого термина не понимают (или его не принимают) и пишут о World War II, хотя по сути дела первое это часть второго.

Речь Хрущева на XX съезде КПСС в советских англоязычных публикациях неизменно так и называется «Khrushchev's speech at the CPSU XX Congress», в то время как в западных публикациях это «(Khrushchev's) Secret Speech». Часто упоминаемый советологами «Molotov-Ribbentrop Pact» для советской стороны – это «Советско-германский договор о ненападении» (German-Soviet Non-Aggression Pact).

Военный конфликт с Финляндией в западных текстах носит наименование «the Winter War»; «Варшавский договор» – «the Warsaw Pact», а союзники СССР («социалистические страны») превращаются в «Soviet satellites». Во время Отечественной войны советские люди надеялись на открытие «второго фронта» – ...Stalin from 1941 on called for a «second front»... (Treadgold 1967: 378), в то время как для наших западных оппонентов это «западный фронт»:

...the opening of the Western Front... (*SPbTimes* 12.05.08).

Термины типа «формализм» или «ревизионизм» были частью советской идеологии, а их западные оппоненты берут эти термины в кавычки, выражая тем самым с ними несогласие:

After World War II Khlebnikov was attacked by Soviet critics as a "formalist" and "decadent," and his name fell into complete oblivion (EncBr).

Советская идеология осталась в прошлом, но, как показывает постсоветская история, противостояние «Запад-Восток» продолжается.

***ЭЗОТЕРИЧНОСТЬ ТЕКСТА ОПИСАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Нередко текст иноязычного описания культуры становится эзотерическим, то есть в полной мере может быть понят лишь билингвами, в равной мере знакомыми с обеими лингвокультурами. В произведениях англоязычных произведений писателей Азии, Африки, бассейна Карибского моря, где уже сформировались локальные Englishes со своей нормой, это зачастую происходит потому, что тексты переполнены заимствованиями, двусмысленными кальками, ненормативным (скорее «инонормативным») синтаксисом.

С иным вариантом эзотеризма мы нередко сталкиваемся в произведениях В. Набокова, где писатель просто играет с читателем, создавая «текст с двойным дном», который в полной мере доступен лишь тем, кто хотя бы немного знаком с русским языком. В частности, когда автор упоминает студента Ivan Dub, который записался на курс русского языка, но так и не появился (who never materialized) (Nabokov 1990: 376), непосвященному читателю непонятен юмор писателя: ему неизвестно разговорное значение русского слова «дуб» при описании умственных способностей человека. Непонятен непосвященному читателю и

оксюморон другого места романа, в котором Набоков пишет о *волосатом* композиторе по фамилии Иван *Нагой*:

...I noticed her sitting next to a repulsive hairy young composer, Ivan Nagoy... (Nabokov 1990: 494).

Или упоминание композитора Бедняжкина, расстрелянного большевиками:

Vanya Bednyashkin, shot by the Reds in 1919 in Odessa... (Nabokov 1990: 389).

Для неподготовленного читателя, не знакомого с русским языком, эти оксюмороны остаются скрытыми.

Нередко текст иноязычного описания культуры бывает настолько тонко построен, что требуется специальная дешифровка. Например, приводимый ниже отрывок представляется на первый взгляд ординарным:

The letter has by chance remained among my papers. Here it is: *'I am afraid you will be pained by my confession, my dear Lise* (Nabokov 1990: 497).

Между тем в этом, казалось бы прозаическом набоковском отрывке скрыта зарифмованная загадка, разгадать которую под силу лишь подготовленному билингу:

The letter has by chance remained
among my papers. Here it is:
*I am afraid you will be pained
by my confession, my dear Lise.*

Дело в том, что параллельно с написанием романа *Pnin* Набоков работал над переводом на английский язык «Евгения Онегина». В результате строки романа слились с пушкинскими строками. Ср.:

«Стихи на случай сохранились, / Я их имею; вот они...»
(Евг.Он. 6-XXI)

АЯМО (РК) базируется на General English, однако имеет свою специфику, будучи специализированной разновидностью языка. Знакомство с текстами профессионально выполненного англоязычного описания русской культуры требует специальной подготовки, определенной эрудиции. Не случайно исследователи творчества Набокова пишут, что «he did not «write in English» but created his own unique English» (Field 1986: 32). Вот почему специалисты пишут книги, толкующие произведения Набокова, в частности и его роман *Pnin*: (см.: Varabtarlo 1989).

Фактически язык межкультурного общения (ЯМО) в известных случаях становится для людей вторичным средством выражения своей лингвокультурной идентичности, когда они прибегают к этой форме языка для общения с теми, кто понимает всю специфическую лексику

языка в полном объеме. Это особенно отчетливо видно на примере письма в редакцию журнала *Time*. Автор письма в ответ на критику своей книги называет эту точку зрения *chutzpah*, обыгрывая название своей книги, а самого оппонента называет *schlemiel*. Характерно, что для значительной части читателей эта полемика так же непонятна, как если бы она шла на иностранном языке:

Stefan Kanfer's *ad hominem* review of my book *Chutzpah* showed real *chutzpah*... You apparently have a *schlemiel* for a reviewer (*Time* 15.7.1991).

Для полного понимания этого отрывка необходимо знать Yiddish English:

chutzpah: [Yiddish *khutspe*, fr. LHeb *huspah*] (1892): supreme self-confidence (EncBrDic).

schlemiel: [Yiddish *shlemil*] (1892): an unlucky bungler (EncBrDic).

Как видим, лексикографы фиксируют эти идишизмы, однако маловероятно, что они знакомы большей части носителей английского языка, в особенности в регионах Second Language English.

ИНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СУБСТРАТ В ТЕКСТЕ ЯЗЫКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Развитие земного многоязычия осуществляется в постоянных контактах языков. Есть основания утверждать, что существует нечто вроде «принципа языкового тяготения», в соответствии с которым влияние одного языка на другой прямо пропорционально значимости культуры народа-носителя данного языка (либо в мире, либо в конкретном регионе). Не случайно Щерба предложил заменить понятие «смешение языков» на взаимное влияние языков, поскольку смешение языков предполагает взаимовлияние языков в равной мере (Щерба 1958: 42).

Языковая **гравитация* – это взаимовлияние, оказываемое языками друг на друга при их вступлении во взаимный контакт.

Иноязычное описание культуры, то есть использование языка в его вторичной культурной ориентации, это разновидность межкультурно-языковых контактов. Изменения в языке, возникшие как следствие таких контактов, мы будем называть **инолингвокультурным субстратом* (ИЛКС). Таким образом, ИЛКС – это такие элементы текста (фонетические, лексико-грамматические, стилистические), появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры. ИЛКС – это тот след, который оставляет в языке инолингвокультура.

ИЛКС может проявляться в самых различных видах. В одних случаях это явное воздействие языка внешней культуры. Безусловно, в

устной форме межкультурной коммуникации наиболее очевидная форма проявления ИЛКС это акцент, по которому мы мгновенно распознаем иностранца. Впрочем, в силу необходимости мы ограничиваем наше описание иноязычной культуры его письменной формой. В этом случае наиболее характерной формой ИЛКС следует считать неассимилированное заимствование:

Russians often like a fairly heavy early-afternoon meal (*obed*) and a lighter evening meal (*uzhin*) (Noble 1996: 115).

В других случаях мы имеем дело с неявным, скрытым ИЛКС (*имплицитный* ИЛКС). Такие замаскированные следы иноязычного воздействия может обнаружить только специалист или просто наблюдательный человек с острым чувством языка:

At this point, the woman spoke to the dog. She said a mere three words, kind but firm: «On you go!» I looked at my Scottish wife. «She has *got* to be Scottish!» I muttered. «How do you know that?» «Only you Scots say ‘On you go!’» (*ChrScM* 26.8-1.9.1994).

Когда политик-россиянин, выступая *по-русски* по Би-Би-Си, упоминает «*русское* телевидение», есть все основания полагать, что он испытал сильное влияние английского языка: моноязычные русские сказали бы «*российское* телевидение».

К имплицитным случаям ИЛКС следует отнести «натурализовавшиеся» кальки, такие как peaceful coexistence (согласно английским словарям – калька с ленинского выражения «мирное сосуществование») или появившееся в начале XXI века в русском языке выражение «Берегите себя!», калька с английского выражения Take care!

Регулярное калькирование или заимствование русизма «шведский стол» указывает на отсутствие в английском языке соответствия:

...the flashier joints, however, provide a *Shvedskiy stol*, or «Swedish table», a sort of smorgasbord (Richardson 2005: 254).

Кстати, поскольку в приведенном ранее примере «the story of Onegin, a "**superfluous man**", that is, a man with no core or purpose to his life (EncBr)» словосочетание «superfluous man» берется в кавычки, что является косвенным признанием того, что переданный таким образом русский термин «лишний человек» представляется автору инородным, следовательно это пример ИЛКС.

Так, исследователь творчества Набокова отмечает: When the narrator exclaims: «Poor Liza!» he is indulging in a joke at the expense of his English reader (Field 1986: 295), справедливо указывая на интертекстуальную связь этого восклицания с названием романа Н. Карамзина «Бедная Лиза». ИЛКС в иноязычном описании культуры – это многочисленные аллюзии, интертекстуальность, а также игра слов. Это многочисленные неброские

языковые приемы, позволяющие автору передать национальный колорит описываемой культуры. «Даже ясно не сознавая, в чем национальная конкретность произведений, созданных на втором языке, мы чувствуем их национальное своеобразие» (Мазанаев 1984: 31).

***ПЕРЕВОД АВТОРСКИЙ**

Поскольку в наше время все большее число людей свободно владеет основными международными языками, в первую очередь английским, а авторы художественных произведений не хотят отдавать судьбу своих работ в чужие руки, они все чаще сами выступают в качестве переводчиков. При этом литераторы, по собственному признанию, практически сразу обнаруживают колоссальные трудности, встающие на пути иноязычного воссоздания своих произведений. Очень скоро они переходят от попытки участвовать в триаде традиционного перевода к прямому межкультурному диалогу и фактически заново пишут произведение как вариацию уже созданного оригинала. «В результате такой работы вместо перевода может родиться новое произведение», пишут Влахов и Флорин, однако будет правильнее сказать, что так происходит практически всегда (см. интересные наблюдения специалистов: Художественный перевод 1986: 377-406). Так, англо-французский американский писатель Julian Green, родившийся во Франции, признавался, что для него авторский перевод превращался в невыполнимую задачу: ему приходилось писать произведение заново: «It was as if, writing in English, I had become another person.»

Для В. Набокова попытка создать иноязычный вариант своего собственного произведения превращалась в более сложную задачу, чем написание оригинала. В конце концов, перейдя на свободное изложение, он создавал в значительной мере новую книгу. Писатель признался о переложении на русский язык своей автобиографии, изначально написанной по-английски: This re-Englishing of a Russian re-version of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place, proved to be a diabolical task... (Nabokov 1966: 12).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем состоит стилистический потенциал ксенонимов?
2. Где пролегает граница между стилизацией и вульгаризацией стилизации в межкультурном общении?
3. Каким образом ксенонимы участвуют в конструировании образа автора? Персонажа?
4. В чем состоит своеобразие авторского перевода по сравнению с традиционным переводом? С внутренним переводом? Сопряжен ли авторский перевод с внутренним переводом?

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1966. – С. 60-67.
2. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986.
3. Кабакчи В.В. Русские пословицы в англоязычном межкультурном общении // ИЯШ. – 2011. – № 3. – С. 19-24.
4. Кабакчи В.В. «Инокультурная литература» как объект лингвистического исследования // *Studia Linguistica XX. Язык в логике времени: наследие, традиции.* – СПб.: Политехника-сервис, 2011. – С. 212-221.

Глава 8. ЭТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

«On the Continent almost every nation whether little or great has openly declared at one time or another that it is superior to all other nations; the English fight heroic wars to combat these dangerous ideas without ever mentioning which is *really* the superior race in the world» (Mikes: 16).

Контакт лиц, принадлежащих к различным лингвокультурам обязательно должен включать в себя элемент взаимоуважения. В рамках рассмотрения ЯМО это подразумевает такое использование языка, которое является приемлемым для обеих сторон межкультурной коммуникации.

Весь XX век прошел под знаком борьбы за то, что сейчас принято называть **политкорректностью*. Различные группы населения отстаивали свои права на взаимоуважение: женщины, этнические меньшинства, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, люди с физическими недостатками. Естественно, что при обсуждении проблем интерлингвокультурологии мы не можем обойти стороной и вопросы вербальной этики межкультурной коммуникации.

Многовековые межкультурно-языковые контакты выражаются, в частности, в накоплении в словаре языка межкультурного общения ксенонимов, выражающих различные элементы этикета общения внешних культур:

arigato (Japanese) thank you (RHD);

auf Wiedersehen (German) goodbye (WNWD);

ciao (Italian) **interj.** an informal expression of greeting or farewell (WNWD);

shalom (Jewish) salutation at meeting or parting (OEED);

voila (French) **interj** behold, there it is (WNWD).

Например:

[Italian billionaire Raul Gardini] committed suicide last summer.

Mama mia! (*Newsweek* 08.08.1994).

«**Allahu akbar! Allahu akbar! Allahu akbar!**» the call begins.

Mesmerized, the Tajiks as one man... raise their hands in the traditional Muslim posture of worship (*Time* 26.02.1990).

В англоязычных текстах встречаются также и элементы русскокультурного разговорного этикета:

As the Soviets say, **Khorosho!** (Great!) (*Time* 11.04.1990).

Oh, David! **Privet!** Greetings! How are you? (Shipler 1969: 40).

Bozhe moi, how can I possibly explain... (Wilson 1961: 194).

Особенно часто иностранцы описывают обычай русских кричать на свадьбе «Горько!» Видимо, он им кажется очень романтическим и экзотическим:

The poor newlyweds were constantly badgered by cries of '*gor'ko*, *gor'ko*' (bitter, bitter) meaning 'life is bitter, give us something sweet'. This is a call for the young couple to rise and kiss to lusty cheers from their friends (Smith 1976: 230).

[Some wedding parties] proceed directly to their own celebration, which usually consists of plenty of food, drink and dancing. This is punctuated by cries of '*Gor'ko*, *gor'ko*' ('Bitter, bitter') to which the couple must respond by kissing until the atmosphere is deemed sweet enough for them to stop (CamEnc 1994: 448).

Современные англоязычные разговорники для туристов рекомендуют выучить наиболее употребительные выражения:

I have found it useful to learn a few courtesy phrases, such as *Hello*, *Thank you*, and *You're welcome* in the local language. [...] Most Russians are delighted and flattered by foreigners who attempt to speak their language (Beyer 2001: 1).

Сами того не подозревая, овладевая языком межкультурного общения, мы овладеваем элементами десятков языков народов мира. Мы можем приветствовать, прощаться, выражать благодарность на самых различных языках. Например, название *детской* пьесы Нонны Слепаковой «Бонжур, мсье Перро!» хотя на поверхности и является русскоязычным, фактически это ассимилированный французский язык, соединение трех ксенонимов-франкизмов в русском языке в одно предложение.

Кодекса поведения землян в ходе межкультурно-языковых контактов пока еще не существует, поэтому мы остановимся на наиболее важных моментах, способных вызвать конфликт в общении разноязычных землян.

ТОПОНИМЫ

Всякая культура начинается с названия страны, народа этой страны и языка, на котором этот народ говорит. **Топонимы*, то есть географические названия (place names), это разряд собственных имен, идентификационное значение которых представляет особую важность, поскольку позволяют людям безошибочно находить нужную точку планеты. «Красноречивые свидетели прошлого, географические названия занимают почетное место среди самых драгоценных исторических памятников, как живое эхо отдаленных времен» (Никонов 1965: 13). Однако еще большее значение имеет компонент национальной идентификации (national identity) топонима. Конкретное написание и произношение географического

наименования в ходе исторического развития данной культуры настолько становится элементом этой культуры, обрastaет таким количеством «родных» ассоциаций, что приобретает для народа особую значимость. Достаточно вспомнить пушкинские строки: «Москва... как много в этом звуке/ Для сердца русского слилось!/ Как много в нем отозвалось!» (Евг. Он., гл.7, 36). Нельзя не признать, что у каждого народа есть своя Москва, которой его жители дорожат столь же трепетно.

Между тем, в силу множества причин, многие географические названия существуют в двух и более вариантах, например, европейская река, которую русские называют «Дунай»:

The **Danube**, which is Europe's second longest river, is known as the **Donau** in Germany and Austria, **Dunaj** in Czechoslovakia, **Duna** in Hungary, and **Dunarea** in Romania (OEED Danube).

Скажем, после распада СССР многие народы как вновь возникших государств, так и в рамках новой России, приняли новые или несколько изменили старые названия своих политических образований: Беларусь, Кыргызстан, Мари Эль, Молдова, Саха (Якутия), Татарстан. Первое время в русском языке все эти термины имели хождение, потом было решено вернуться к традиционным названиям отделившихся от России республик: Киргизия, Белоруссия, Молдавия, хотя целый ряд внутрироссийских нововведений был принят, в том числе и названия «Татарстан», и «Башкортостан», и «Саха» (последнее название часто идет вместе со старым: Саха-Якутия).

Современные зарубежные англоязычные тексты, посвященные бывшим советским республикам, используют *исключительно* новые наименования: Moldova, Kyrgyzstan, Belarus, Kharkiv, Lviv. Изредка даже встречается написание Kyiv, хотя в традиционном варианте это Kiev. Важно, однако, то, что английский язык, уважая волю молодых республик, принял все нововведения. А это значит, что эту традицию следует учитывать при упоминании государств СНГ: Belarus, Kyrgyzstan и др.:

Many towns and cities in Ukraine and Belarus are now officially called by their local names instead of by the Russian versions that were current in Soviet times. Thus, for example, in Ukraine, Lvov has become **Lviv**; in Belarus, Grodno is now **Hrodna** (Noble et al. 1996: 17).

Характерно, что такой подход сразу же был принят во втором издании кэмбриджской хрестоматии России (CamEnc), русские наименования городов Украины сразу же получили свои украинские самоназвания (Khar'kov → Khar'kiv, L'vov → L'viv).

Никому в России и в голову не придёт называть четыре южных острова Курильской гряды «Северными территориями», но именно этот вариант наименования используется на японских картах:

The islands are known as the **Southern Kurils** in Russian and the **Northern Territories** in Japan (*SPbTimes* 29.04.08).

ЭТНОНИМЫ

**Этнонимы* – это языковые наименования, закрепленные за конкретными народами (этнoсами). Неправильное, неприемлемое наименование народа воспринимается болезненно. «Может быть, самый древний из семантических типов этнонимии – самоназвание, означавшее своих в противоположность всем не своим, чужим» (Никонов 1970: 15). Вместе с тем это и код идентификации данного народа, который закрепляет его в различных справочных изданиях и публикациях.

Для многонациональной России точность передачи этнонимов имеет особую значимость. Приходится признать, что и здесь, к сожалению, английский язык межкультурного общения, АЯМО (РК) недостаточно стандартизирован. Так, автор словаря этнонимов СССР Р. Уиксман, отдавая должное большому количеству народов Северного Кавказа (более 200), отмечает: «Отсутствуют стандартизированные названия большей части народов; чаще всего западные ученые используют переводной, нередко деформированный (*mutilated*) вариант, являющийся модификацией русскоязычного этнонима» (Wixman 1984: ix-x).

Этнонимы постоянно встречаются в англоязычных описаниях России:

The following nationalities of the North, Siberia and the Far East...: Nentsy, Evenki, Khanty, Chukchi, Eveny, Nanaitsy, Mansy, Koryaki, Dolgany, Nivkhi, Sel'kupu, Ul'tsy, Saamy, Udegeitsy, Itelmeny, Yety, Orechi, Nganasany, Yukagiry, Negidal'tsy (*Soviet Studies*, 1979, vol.XXXI, No.3, p.403).

Таким образом, при передаче этнонимов российского региона следует добиваться как формальной точности, так и политкорректности. Следует особенно избегать тех этнонимов, которые народами воспринимаются как уничижительные (*derogatory*).

Языковая практика нашей страны дает примеры удачного вторжения человека в языковой процесс, в частности отказ от устаревшего этнонима – «самоед». По вполне понятным причинам стало необходимым отказаться от этого слова. Было решено использовать самоназвание – «саами». К этому времени, однако, в лингвистике уже возник термин «самоедские языки». Отказываться от термина, вошедшего во все лингвистические пособия, было сложно. Был найден тактичный компромисс: по предложению Г.Н. Прокофьева в 1938 году группу «самоедских» языков было решено именовать языками «самодийскими».

Были изменены и названия ряда других народов: «вотяки» стали называться «удмуртами», «черемисы» – «марийцами», «тунгусы» – «эвенками», «вогулы» теперь известны как «манси». В результате город, который до 1940 г. назывался Остяко-Вогульск, был переименован в Ханты-Мансийск.

Западные лексикографы не всегда поспевают за всеми этими изменениями. В англоязычных словарях, например, все еще присутствует этноним *Samoyed*, и уже даже появилась порода собак *Samoyed*, не имеющая к России никакого отношения и поражающая русских своим названием, а языки так и называются: *Samoyedic* (EncBr; OED).

Все англоязычные словари включают в свой словник архаичный этноним *Circassian*, хотя в настоящее время даже более правильный вариант, *Cherkes*, следует считать устаревшим (правильный этимон – *Adyge*). Авторитетный словарь *Oxford Encyclopedic English Dictionary* 1991 года все еще включает устаревшее название эвенков – *Tungus*. В других случаях, правда, лексикографы уже внесли соответствующие изменения, и в словарях мы находим этнонимы *Mari*, *Mansi*, *Udmurt*.

Подобный процесс изменения значения изначально нейтрального слова, известный в лексикологии как «ухудшение значения», необходимо учитывать в практике межкультурной коммуникации. Так, даже в рамках русскоязычного межкультурного общения предпочтительно избегать использования этнонима «негр», поскольку он воспринимается чернокожими народами как оскорбление. Между тем вплоть до середины XIX века слово *Negro* (в отличие от оскорбительного *Nigger*) было безобидным и его можно встретить во многих произведениях англо-американской литературы у авторов, которых никоим образом нельзя причислять к расистам.

Для проверки социального статуса (например, в качестве лингвистической экспертизы) того или иного слова, в том числе и этнонима, можно порекомендовать авторитетные толковые словари, которые сопровождают соответствующими пометами уничижительные и оскорбительные слова, например:

polack: US slang offensive a person of Polish origin (OED).

СТАТОНИМЫ

Если взглянуть на англоязычные варианты названий произведений Н. Карамзина: *Pisma russkogo puteshestvennika* (*Letters of a Russian Traveler*) и *Istoriya gosudarstva rossiyskogo* (*History of the Russian State*) (EncBr), нельзя не заметить характерную для англоязычных публикаций нивелировку двух русизмов – «русский» и «российский», которые сливаются в АЯМК (РК) в одно слово *Russian*. Между тем в первом случае

речь идет об этнической принадлежности писателя, то есть об *этнониме*, в то время как во втором случае уже имеется в виду «государственная» характеристика. Поскольку специальный термин для наименования слов этой группы отсутствует, будем называть такие слова **статонимами*, понимая под этим термином *культуронимы, называющие государственную принадлежность человека*.

Под термином *титульная нация* подразумевается та этническая (обычно доминирующая) общность, которая дала название всей стране. Поскольку наименования многих государств образовано от так называемой **«титульной нации»* (Польша/поляки, Испания/испанцы, Румыния/румыны), подобная путаница закрепились в языке и отражается в словарях, где одно и то же слово выступает и как этноним, и как статоним, например:

Italian: 1a. a native or national of Italy. ◇ 1b. a person of Italian descent (OED).

Между тем в современном многонациональном мире, где практически не осталось моноэтнических государств, очень обострено чувство национальной принадлежности (этнической идентификации) и разграничение этнонимов и статонимов приобретает большую значимость. Неправильное употребление культуронима этого типа может приводить к коммуникативным конфликтам. На такой конфликт указывает, в частности, шотландский лингвист в статье с характерным названием «The Extinction of Scotland in Popular Dictionaries of English» с горечью пишет о тех заморских коллегах, которые до сих пор адресуют ему письма «Edinburgh, England» (Aitken 1987: 99).

Учитывая национальные чувства своих граждан, многим странам приходится вносить поправки в их «этно-статонимическую» классификацию. Так, статоним «the English» уже давно превратился в более политкорректный статоним «the British» (правда, the Foreign Office рекомендовало своим посольствам заменить слово 'British' на 'United Kingdom' лишь весной 2000 г.). Вместо топонима 'Holland' стали употреблять 'the Netherlands', а вместо слова «the Dutch» – «Netherlanders».

Однако до полной политкорректности еще далеко. Например, все знают, что европейцы – это те, кто живет в Европе, африканцы – это жители Африки, а вот американцы (Americans) – это почему-то только граждане США. Вопреки политкорректности США монополизировали слово с более широким значением.

В межкультурных контактах на постсоветском пространстве постоянно приходится иметь дело с проблемой разграничения народов бывшего неделимого союза. Русский язык позволяет разграничить

«латвийцев» (статоним) и «латышей» (этноним), а в случае Эстонии и Литвы разграничение можно осуществить лишь описательно. В политических диспутах представителей России и Украины российской стороне приходится все время напоминать их оппонентам, что надо говорить об «украинском народе», о «гражданах Украины», а не только об украинцах, поскольку там проживают еще миллионы русских и других этнических групп.

Поскольку в США коренного населения, кроме индейцев, нет, там все чаще сейчас говорят о так называемых hyphenated Americans: German Americans, Irish Americans и пр. При необходимости указать этнические истоки знаменитостей справочные издания поступают следующим образом:

Sikorsky, Igor (Ivan) 1889-1972: Russian-born U.S. pioneer in aircraft design who is best known for his successful development of the helicopter (EncBr).

Stravinsky, Igor (Fyodorovich): Russian-born composer (EncBr).

Отметим особенность слова Caucasian в английском языке; в его основном значении оно описывает представителей белой расы:

Caucasian 1. of or relating to the White or light-skinned division of mankind; 2. of or relating to the Caucasus (OEED).

Между тем сам Кавказ очень мало известен за рубежом:

For the foreign audience, the Caucasus is likely to be no more than a remote exotic region (*MTimes* 20.03.1997).

Именно это стало причиной того, что при показе на Западе российского фильма «Кавказский пленник» там сочли, что переводной вариант – *The Caucasian Prisoner* – неприемлем, и фильму дали другое название: *The Prisoner of the Mountains*.

Ситуацию неправильного толкования слова Caucasian описывает В. Аксенов в своей повести «В поисках грустного беби». Выходцы из СССР в Нью-Йорке на Brighton Beach решили открыть ресторан и назвали его the Caucasian Restaurant, естественно имея в виду оставленный на бывшей родине ресторан «Кавказский». После открытия ресторана они не могли понять, почему группы афроамериканцев энергично высказывали недовольство таким названием. Между тем те решили, что ресторан только для белых.

Наконец, добавим, что вопрос «What is your nationality?» отнюдь не означает, что спрашивающий интересуется вашей этнической принадлежностью, которую в русском языке до сих пор описывают словом «национальность». Просто слова «национальность» и nationality – это ложные друзья переводчика, причем в последнее время в силу

увеличения влияния английского языка на русский язык слово «национальность» и «национальный» все больше наполняются англоязычным содержанием. Так, в русском языке вошли в обращение словосочетания типа «Национальный олимпийский комитет», «национальная сборная», «национальная оборона».

РОССИЯ: РУССКИЕ И РОССИЯНЕ

Средневековое русское государство называлось «Великое княжество Московское», а его жители – «московитянами». Петр I переименовал княжество и назвал его «Российской империей». Так в употребление вошло слово «Россия». Слово «россиянин» в то время было новым, и преданный сторонник и идеолог Петра Великого, Феофан Прокопович, популяризировал его в своих произведениях и проповедях:

In plays and sermons Prokopovich exalted the glories of the people whom he designated by the new term *Rossiianin*, «imperial Russian» (Billington 1970: 183).

Таким образом, изначально «Россия» – название страны по так называемой «*титульной нации*» – «империя россов». Исторически, однако, в случае России языковая практика разграничила два понятия – этноним («русский») и статоним (россиянин), что в полной мере соответствует современным требованиям политкорректности. В СССР, кстати, ту же функцию выполняло слово «советский»: русские, эстонцы, украинцы, таджики и десятки других этносов СССР уравнивались общим статонимом – «советские люди».

К сожалению, для всего англоязычного зарубежного мира всё и вся, исходящее из нашей страны, включая советский период, описывается прилагательным (оно же существительное) Russian:

Russian *n* (1538) **1 a:** a native or inhabitant of Russia **b:** a member of the dominant Slavic-speaking ethnic group of Russia **c:** a person of Russian descent (EncBr).

Лишь в конце XX века, уже после распада СССР, русисты, авторы путеводителей стали объяснять своим читателям:

People will appreciate your awareness that not everyone in this country is Russian (Beyer 2001: 1).

Однако перед представителем России в ООН до сих пор (2008 г.) стоит надпись The Russian Federation, и то же наименование стоит на российских загранпаспортах.

Поскольку все больше и больше англоязычных авторов понимает двусмысленность слова Russian, широкое распространение получают способы нейтрализации этой неточности. Их два: либо используется притяжательный падеж (possessive case), либо уточняющий оборот «of

Russia». В частности, «министр обороны России: (1) Russia's Minister of Defence или (2) the Minister of Defense of Russia. Таким образом, политкорректным англоязычным названием страны «Российская Федерация» следует считать «the Federation of Russia», а более точным переводом фундаментального карамзинского труда «История государства Российского» – *The History of the State of Russia*.

Впрочем, процесс оптимизации межкультурного общения медленно, но верно идет и в случае идионима «россиянин»: в англоязычных текстах в последнее время отмечается новый ксеноним: **Rossian**.

ИМЕНА РУССКИХ В АЯМО (РК)

Имя человека на его родном языке во многом служит маркером его этнической принадлежности. За исключением небольшой группы имен чисто славянского происхождения (Людмила, Светлана, Борис, Владислав (и его варианты) и др., русские называют своих детей интернациональными для христианского региона именами: Иван, Мария, Петр, Павел, Николай и др. Однако все эти имена имеют у христианских народов свой локальный вариант и с течением времени накопили свою национально-религиозную специфику: «Англичанина по имени Джеймс (James) обычно и во Франции будут называть не Jacques, а James: сама английская сущность его имени (the very Englishness of his name) составляет часть этого имени» (Lyons 1977: 222). Соответственно «локальные» варианты имен и фигурируют в англоязычных текстах. Достаточно сравнить британский, датский и русский варианты имени «Маргарита» в приводимых ниже примерах:

...Princess **Margaret** of Great Britain and Queen **Margrethe** II of Denmark. (*Scanorama* July-August 1992)

Ср.: The second was his dazzling Gogolesque fantasy, *Master i Margarita* (*The Master and Margarita*) (EncBr: Bulgakov M.).

Не случайно для локализации текста в целях создания национального колорита именно это свойство имен широко используется авторами.

Отказ человека от его имени может быть вызван либо насильственной ассимиляцией, проводимой в стране, либо переездом на новое постоянное место жительства. В частности, подобную адаптацию имени нередко предлагают при въезде в США. Даже если это не происходит, в ходе англоязычного общения протяженные русские имя-отчество-фамилия оказываются слишком громоздкими для бытового, да и для формального общения, и имя сокращается. Типичный случай приводит В. Набоков:

...Aleksandr Petrovich Kukolnikov (known locally as Al Cook)... (Nabokov 1990: 449).

Как видим, стоило Александру Петровичу Кукольникову сменить свое «ФИО», как он из русского превратился в американца Эль Кука.

Проблему имени остро ощущают в семьях смешанных браков. Своим детям супруги, как правило, стремятся дать компромиссные имена, приемлемые для обеих культур. В зоне влияния христианской религии это обычно библейские имена и имена святых: Мария, Елена, Ирина; Павел, Константин, Андрей. Так, у наших знакомых, переехавших в США, растут внуки Антон и Денис.

Многие русские, эмигрировавшие за рубеж и ставшие известными, внесены в справочные издания под адаптированными именами. Например, адаптировал свое имя и русский артист балета и балетмейстер Михаил Фокин (обратите внимание и на ассимиляцию фамилии):

Fokine, Mikhail Mikhailovich (in the West he called himself **Michel**) (OEED).

Украина, как только стала «незалежной», сразу же украинизировала имена, и в англоязычной прессе стали мелькать: Pavlo Lazarenko; Bohdan Mysko; Volodymyr Shcherbytsky; Oleksandr Volkov (*SPbTimes*, 28.11.2000).

В тех случаях, когда речь идет об украинцах, никаких возражений не возникает, но удивление вызывает то, что знакомый всем русским с детства Лев Николаевич Толстой неожиданно получил отчество «Мыколаевич». В украиноязычном варианте энциклопедии Wikipedia Николай Васильевич Гоголь представлен под именем «Микола Васильович Гоголь»/ Кстати, просмотр дюжины языков показал, что, кроме украинского, по данным этой энциклопедии, только французский подвергает имя ассимиляции: Nicolas Gogol. И вот уже англоязычный автор пишет о том, что крещение Руси осуществил Prince Volodymir:

...founded in 1031 by Prince Yaroslav the Wise to celebrate his father Volodymir's conversion to Christianity (S. Thorn, about Kiev; *SPbTimes* 14.06.2001).

ОБРАЩЕНИЕ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОПИСАНИИ КУЛЬТУРЫ

Как европейское поставить в параллель
С национальным? – странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!! – забормотал мне кто-то...
(А.С. Грибоедов «Горе от ума», действие 3,
явление 22)

Современный язык межкультурного общения еще не выработал стандартов обращения. Между тем практически каждый народ создал свою более или менее сложную систему обращений в соответствии с социальным положением, возрастом и конкретной ситуацией общения членов данного языкового общества.

Стремление создать благоприятный контакт в межкультурном общении приводит к тому, что в речь вводятся те слова-обращения, которые приняты в соответствующей культуре. Поэтому в словарях различных языков появляются такие обращения, как *фрау*, *мсье*, *сеньора*, *мистер* и др.:

Frau (often as a title) a married or widowed German woman (OED);

signora – a title or form of address used of or to an Italian-speaking married woman, corresponding to *Mrs* or *madam* (OED);

Madame (*pl. Mesdames*) – a title or form of address used of or to a French-speaking woman, corresponding to *Mrs* or *madam* (OED)

Mademoiselle – a title or form of address used of or to an unmarried French-speaking woman, corresponding to *Miss* or *madam* (OED).

Дореволюционная русская культура сформировала довольно сложную систему обращений в соответствии с петровской «Табелью о рангах», начиная с «ваше высокопревосходительство» (Классы 1-2 ~ Your Excellency) до «ваше благородие» (Классы 9-14 ~ Your Honour). И это не считая таких обращений, как «господин/ госпожа», «барин/ барыня/ барышня», «сударь/ сударыня».

В постсоветской России система обращений еще не сложилась, но продолжает действовать очень тонкий, фактически вневременной механизм обращения с использованием русской триады «имя-отчество-фамилия». Эта триада, усложненная многочисленными производными первого и второго компонента, буквально ставит иностранцев в тупик. Им очень трудно понять, почему, скажем, Анна Павловна Соколова в различных ситуациях может фигурировать как Анна, Аня, Анечка, Анюта, Нюра, Анна Павловна, просто Павловна или вся триада полностью. На это постоянно сетуют те, кто читал переводные произведения русских классиков:

Nothing has discouraged generations of readers so much as the permutations and combinations which can be rung out of the trinity of first name, patronymic and surname (*Spectator*, reprinted in *MNews* 1968, №12).

The readers of Russian novels will be aware of this confusion into which this throws the foreigner... (Cusack 1964: 47-48).

В попытке упростить межкультурное общение русские часто ограничиваются одним именем, которое иностранцы иногда принимают за фамилию. Между тем во многих ситуациях такое обращение неприемлемо. Не следует упрощать англо-американскую систему обращения. В словаре США Merriam-Webster New Collegiate пять с

половиною страниц убористого текста посвящены разнообразным формам обращения (WNCD, 9th ed., *Forms of Address*. 1556-1561). Обходясь в бытовом общении среди лиц одного круга и возраста только именами (first names), американцы, не говоря уже о британцах, очень щепетильны относительно обращений. Правда, с иностранцами они не очень церемонятся. Это раздражает британцев: «Что в Америке ужасно, так это фамильярность» (Waugh E. *Time* 07.12.1992).

Во время пребывания студенческой делегации, которую я возглавлял, в США преподаватель русского языка, который нас курировал, настаивал на том, чтобы студенты звали его John. Между тем специалисты отмечают, что иностранные студенты, особенно прибывшие из стран Азии, с большим удивлением и нежеланием следуют подобной практике, вступающей в противоречие с традициями их культуры:

Speakers of New Englishes are often reluctant to use first names in addressing someone unless they know the other person well. Their background cultures often demand respect for those in certain positions, for older persons and for strangers. The idea of addressing their boss or lecturer as Bill or Fred, Mary or Betty seems alien to them (Platt *et al* 1984: 154).

Неудобства, испытываемые русскими в США в связи с этим, прекрасно описывает В. Набоков в романе *Pnin*. Тимофей Павлович Пнин не может понять, почему в Америке считается нормой после короткой встречи на вечеринке обращаться к незнакомому седовласому профессору просто по имени – 'Jim' и считается естественным, что тот тебя называет 'Tim', а иное обращение будет смертельной обидой. Пнин мог легко назвать, по крайней мере, несколько десятков близких знакомых, которые даже после нескольких десятилетий общения оставались для него Vadim Vadimich, Ivan Hristoforovich или Samuil Izrailevich, и все они продолжали звать его по имени и отчеству (Nabokov 1990: 443).

Очень важно при этом разграничивать два вида англоязычного общения: во время пребывания в англоязычной стране и общение во время пребывания в России. В связи с притоком в Россию англоговорящих экспатриантов, хорошо знакомых с обычаем русского обращения, последний вид межкультурного общения приобретает все большее значение. Отсюда жалобы иностранцев на тенденцию русских опускать в своей визитной карточке свое отчество:

...most frustrating of all, they rarely include their *otchestvo* (patronymic) so you don't even know how to address them (Coalson R. *SPbTimes* 10.07.1998).

Показательно, что русские слова-обращения появляются в текстах тех иностранцев, которые хорошо знакомы с русской культурой:

"*Vashe prevoskhoditelstvo* – Your Excellency – " he stammered ... ◇
If the *gospodin* does not mind a little fresh air... (Reed 1967: 99, 247).

[Stalin] did not greet them as *tovarishchi*, comrades, but in the old religious phrase, «brothers and sisters» (Walker 1986: 211).

This excellent shop, owned by the enterprising and congenial Gospodin Alexeev, also has an exhibition room... (*MTimes* Weekend 30.04.1994).

Andrei Dmitrievich, as Russians call him, using his first name and patronymic, was drinking tea... (Smith 1976: 538).

Respectfully, pupils address their teacher as Aleksei Grigoryevich, using his first name and patronymic (*Time* 23.06.1980).

Показательно, что, начиная с эпохи перестройки, когда М. Горбачев стал давать пресс-конференции иностранным журналистам, те быстро поняли и освоили русское демократическое обращение (даже к президенту) по имени-отчеству, поскольку оно не несет в себе той официальности, которая характерна для обращения Mister President или «господин президент».

В заключение заметим, что не следует английское слово «patronymic» принимать за эквивалент русского слова «отчество». В частности, в английском языке шотландское имя MacDonald этимологически восходит к фразе "son of Donald", а значит воспринимается в качестве «patronymic». Морфема "son" может быть добавлена к имени отца и таким образом превратиться в «patronymic»; либо имя отца (Johnson), Edward, ставится в притяжательном падеже, превращается в Edwards и, следовательно, получившееся имя превращается в «patronymic».

РЕЛИГИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ

Этика в межкультурных контактах особенно важна, когда речь идет о религиозных чувствах людей. В наше время, когда все сказанное и/или написанное мгновенно распространяется по всей планете, следует быть особенно деликатным при обсуждении религиозных проблем. За многие века противостояния различных религий в языках всех народов, в том числе и английском, накопилось множество слов, унижающих те или иные религии. В частности, практически все религии относятся негативно к язычникам. Так, в английском языке слова *pagan* и *heathen* несут в себе негативную окраску (коннотацию), и их желательно избегать:

heathen 2. an unenlightened person; a person regarded as lacking culture or moral principles (OED).

За время противостояния западного и восточного христианства каждая сторона утверждала, что истинные христиане это они, а другие

христиане фактически ничем не отличаются от язычников. Русское слово «православие» это калька с греческого слова *orthodoxos*, «правильный закон». Поэтому на первый взгляд представляется, что по крайней мере чисто формально ксеноним Russian **Orthodox** Church точно калькирует идионим-прототип «Русская Православная церковь» (РПЦ). В действительности, в английском языке слово «orthodox» несет негативную окраску:

orthodox – not independent-minded; unoriginal; unheretical (OED).

Не случайно в русском языке существуют два различных слова: «православный» и «ортодоксальный». У русского идионима «православный» негативных коннотаций нет, и строго говоря, заимствование в этом случае было бы корректнее: the Russian **Pravoslavnaya** Church. Согласно закономерностям образования ксенонимов возможна и калька: the Russian **True-Faith** Church. Не случайно в некоторых работах встречается попытка избежать неточного термина:

Since the 1990s, the Russian Orthodox Church (*Russkaya Pravoslavnaya Tserkov*) has enjoyed a big revival (Masters 2005: 21).

Вместе с тем нельзя не признать, что ксеноним-русизм «the Russian Orthodox Church» достаточно прочно закрепился в практике АЯМО (РК) в качестве традиционного ксенонима, и в популярном межкультурном общении его избегать нецелесообразно.

Ввиду принципиального теологического противостояния РПЦ и Римской католической церкви (РКЦ) желательно избегать англоязычных терминов, которые преимущественно используются в приложении к РКЦ (Mass; Assumption; Immaculate Conception; encyclical). Кстати, лексикографы оговаривают преимущественное использование слова Mass в ориентации именно на РКЦ:

mass (often **Mass**): the Eucharist, **especially in the Roman Catholic Church** (OED).

Об этом, в частности, пишет и русист Н. Maigham:

It is always a mistake to call Eastern services, persons, or instruments by the name of the more or less corresponding ones in the Roman rite. Such a practice leads to endless confusion (Н. Maigham: 3).

Даже в случае общих святых приходится отмечать существенные расхождения в трактовке их почитания. Так, St. Andrew – это покровитель Шотландии, для православных РПЦ – это Андрей Первозванный («Andrei the First Called»). Неуместно называть Иоанна Крестителя просто St. John the Baptist: уж больно он становится английским. Этот святой, безусловно, и для русских православных тоже «Креститель», но он еще и «Предтеча»

(«the Forerunner»), и эта калька сразу же нас вводит в атмосферу РПЦ. Западные авторы, хорошо знакомые с русской культурой, при описании русских икон предпочитают называть «Богородицу» не «the Virgin», а калькой с русского: «the Mother of God»:

It is noteworthy that the most common name of Mary among Russian people is *Bogoroditsa*, the literal translation of the Greek *Theotokos*... (Fedotov, I, p.361).

Христианский отсчет исторического времени от рождения Христова одобряется далеко не всеми землянами. В Израиле и мусульманских странах предпочитают избегать аббревиатуры BC и AD:

...he erased the A.D. in some embarrassment and substituted C.E. He was working in a Jewish country which had formerly been a Muslim country, and here the use of Anno Domini was frowned upon... (Michener 1965: 20).

Характерно, что и в Советском Союзе эти христианские аббревиатуры были отвергнуты, и до сих пор мы отдаем предпочтение аббревиации фраз «наша эра» и «до нашей эры», хотя точка отсчета та же, что и у христиан. Аналоги подобным аббревиатурам существуют и в английском языке:

BCE *abbr* (of a date) Before the Common Era (OEED).

CE *abbr* Common Era (OEED).

Политкорректные аббревиатуры, в частности, и использует *Encyclopaedia Britannica* в статье об иудаизме:

Dates are listed throughout as **BCE** (Before the Common Era = BC) and **CE** (Common Era = AD) (EncBr).

КСЕНОНИМИЧЕСКАЯ ЭВФОНИЯ

Под *эвфонией в лингвистике подразумевают совокупность разнообразных фонетических приемов, с помощью которых достигается благозвучие языковых единиц. Иногда этот термин используется как синоним слова «благозвучие», при этом объективность оценки «благозвучия» доказать очень трудно (см.: Crystal 1994: 128): благозвучное на одном языке может казаться неприличным на другом языке.

Когда в марте 2006 г. во время встречи ФК «Зенит» с командой «Олимпик» (Марсель) спортивный комментатор объявлял состав команды, он просто не знал, как произносить фамилию игрока, на футболке которого все телезрители отчетливо видели надпись «Nasri». Такие случаи в межкультурном общении нередки. Согласно БСЭ, известный польский писатель и педагог Корчак, Януш (1878-1942) написал повесть «Моськи, Иоськи и Срули» (1910), а во время летней арабо-израильской войны 2006 лидером Хэзболлы был шейх Насралла.

Когда иноязычное слово совпадает с каким-либо вульгаризмом, наблюдается стремление его слегка видоизменить, и скажем, страна Sri Lanka превращается в русском языке в «Шри-Ланка». В 1970-х гг. был член Политбюро А.П. Шитиков. Направляя его в англоязычные страны, коллеги всегда колебались в написании его фамилии и предпочитали обычно написание Chitikov.

Дина Рубина в своей повести, передавая свое межкультурное общение в Голландии, упорно избегает «кириллизации» слова Hui, хотя «морген» пишет русскими буквами:

«Hui морген!» – приветствует меня утром хозяин нашей маленькой гостиницы. Я вежливо отвечаю: «Морген hui!» (Рубина 2007: 29).

Люди порою бывают пристрастны к иноязычной речи просто потому, что она для нас непривычна, «неблагозвучна», иными словами, «варваристична». Часто приходится сталкиваться с высокомерным и порою презрительным, даже расистским отношением к «неблагозвучным» и «труднопроизносимым» иноязычным именам, нередко подвергавшимся ассимиляции и осмеянию, как, например, в этом лимерике:

There was a great man of Japan, / Whose name on a Tuesday began;
/ It lasted through Sunday / Till midnight on Monday / And sounded like
stones in a can.

В современном американском романе югославское имя Krnka вызывает негодование судебного клерка:

«... Jesus, what the hell kind of name is that?»

«It's Yugoslav.»

«Yugoslav. It looks like somebody's fingers got caught in a fucking typewriter» (Wolfe 1987: 128).

Не случайно один критик сказал, что «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло – это произведение «О трудно выговариваемых именах, от которых сводит челюсти (Of hard names which make the jaw ache)». Сейчас подобное высказывание сочли бы расистским.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что соображения приемлемости наименования, которое предполагается использовать в практике международного общения, играют все большую роль. «Жигули» в экспортном варианте, например, превращаются в «Ладу». Создатели частных предприятий в новой России в постсоветский период, выбирая названия для бизнеса или марку какого-нибудь товара, нередко прикидывают, как это будет звучать по-английски.

Сфера межкультурной коммуникации весьма деликатна, и если иностранное имя с точки зрения русского языка звучит неблагозвучно, на это просто не следует обращать внимания: ведь и русские слова во многих

случаях носителям других языков представляются далеко не «эвфоничными».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем состоит различие между этнонимами и статонимами и какие коммуникативные осложнения может вызвать игнорирование этого различия?
2. Какие топонимы и этнонимы предпочтительны с точки зрения этики межкультурной коммуникации?
3. Как передаются при внутреннем переводе имена и обращения, типичные для той или иной культуры? В каких случаях ассимиляция оправдана, а в каких нет?
4. Почему при переводе религиозных и церковных идионимов неприемлемо употребление аналогов?

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998. – Гл. 8.
2. Кабакчи В.В. Этика межкультурной коммуникации: статонимы // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка. Всероссийская научно-практическая конференция. – Оренбург, 17-18 февраля 2011 г. Сборник статей. Изд. ОГПУ, 2011. – С. 15-20.

Глава 9. ФОРМИРОВАНИЕ АЯМО (РК)

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ АЯМО (РК)

Язык находится в процессе постоянного развития. В соответствии с изменяющимися условиями появляются новые слова, другие слова, наоборот, переходят в разряд архаизмов. Изменениям подвержен и *язык межкультурного общения* (ЯМО). При этом следует признать, что в целом формирование ЯМО, в отличие от внутрикультурного общения, носит *вялотекущий* характер. Многие ксенонимы, как было показано выше, веками ждут своей очереди получить статус слова и быть включенными в толковые словари («лексикографическое отставание в регистрации»). В группу общедоступных базовых ксенонимов входят лишь единицы.

До сих пор идут споры относительно правильной англоязычной формы русских женских фамилий. Как ни странно, существует сильная оппозиция введению в англоязычный текст фамилий типа Anna Karenina на том основании, что читатель, незнакомый с русскими фамилиями, изменяющимися в соответствии с родом, может подумать, что Karenin и Karenina – это лица с разными фамилиями. Этой точки зрения, как ни странно, придерживался и В. Набоков. В биографии Михаила Горбачева, написанной журналом *Time*, Раиса Максимовна Горбачева фигурирует под фамилией Gorbachev. Правда, в большинстве случаев журнал избегает упоминания ее фамилии и предпочитает называть её просто Raisa, а в одном месте даже объясняется специфика склоняемых фамилий русских замужних женщин.

Эту консервативную позицию занимают и некоторые переводчики русской классики, у которых в романе Тургенева «Отцы и дети» появляется «Madame Odintsov». Такую трактовку можно найти и в работах современных русистов, в частности в книге *Natasha's Dance: Katya Trubetskoi* (Figes 2003: 95, 103 & *passim*).

С трудом отступают некоторые традиционные имена. Так, оперу «Евгений Онегин» в Соединенном королевстве уже поют по-русски, а вот название пушкинского шедевра и оперы Чайковского все еще часто дают в ассимилированном варианте *Eugene Onegin*.

Семьдесят лет советского периода проходили в условиях коммуникативной изоляции от англоязычного мира. Советские специалисты были лишены возможности работать с фондом аутентичных описаний русской культуры. Не печатались англоязычные произведения В.В. Набокова. Методика преподавания английского языка в значительной мере сдерживалась фактором гиперкоррекции и теми методическими установками, которые доминировали в тот период. Идеологизация жизни

проникала и в учебные пособия. В школьном учебнике присутствовал такой диалог:

‘Meet **Comrade** Ivanova. She is my friend. This is my brother.’
 ‘How do you do, **Comrade** Ivanova?’ ‘How do you do?’ (А.П. Старков, 5 класс).

Вузовские учебники придерживались такого же этикета обращения:

Our teacher is **Comrade** Pavlova. Where are **Comrade** Panina and the monitor of group number three? (Матюшкина-Герке Т.И. и др., 1968).

Английский язык преподавался вне реальной лингвокультурной ситуации, и в популярном в 1970-80-х гг. вузовском учебнике английского языка мы сталкиваемся с таким диалогом:

Ann: I say, Betty! Do you live in the Institute hostel?

Betty: Oh, no. I am a Muscovite: I live in Gorky Street (В. Аракин).

Трудно сказать, гражданами какой страны являются эти девушки, к какому культурно-языковому коллективу принадлежат. Говорят они на типичном Soviet English. У обеих участниц диалога иностранные имена, однако, Betty заявляет, что она москвичка и живет на улице Горького, а Ann употребляет выражение «Institute hostel», которое не характерно ни для British English, ни для American English.

В качестве языковой нормы был принят British English произведений классиков литературы, в которых английский язык использовался, как правило, в приложении к своей, внутренней культуре. Популярностью пользовались учебные пособия, составленные Jane Povey, для которой был присущ категорический «прескриптивизм» с позиций британского варианта английского языка. Так, по мнению Jane Povey, США – это "foreign country". В соответствии с этой логикой слово "semester" характеризовалось следующим образом: «Это слово не может быть рекомендовано как соответствие слову «семестр», потому что оно редко используется в Великобритании и может быть там не понято» (Povey, Walshe 1975: 9, 91).

Всё то, что не вписывалось в прокрустово ложе норм British English, отвергалось по той причине, что это "unEnglish" (Povey 1978: 51). Рекомендации высказывались в командной форме: «When translating the names of Soviet choirs into English, the words *academic* and *named after* should be avoided» (Povey 1978: 113). Не рекомендовалось использовать термины stipend, Drama Theatre. Между тем практика АЯМО (РК), как показали наши исследования, опровергает такую позицию.

Это было время англизации русских имен на уроках фонетики: русские Ани, Пети, Лены, Андреи, Евгении, Иры и Павлы загадочным

образом превращались в персонажей диалогов и текстов под именами Ann, Pete(r), Helen, Andrew, Eugene, Irene, Paul и пр. Все это шло вопреки рекомендациям специалистов, которые писали: «При переводе на английский язык не следует «англизировать» русские имена: Петр – Pyotr, а не Peter, Иван – Ivan, а не John» (Морозов 1956: 17). Самое удивительное, что такой подход сохраняется кое-где и сейчас.

Любая попытка ввести неассимилированное русскоязычное заимствование в англоязычный текст воспринималась с большим сопротивлением, как кощунство против наследия Шекспира, Байрона и Диккенса. Допускалось использование лишь тех русизмов, которые уже были освещены классическими произведениями английской литературы и авторитетными (следовательно, British) словарями – *boyar*, *Cossack*, *Muscovite*, *samovar*, *steppe*, *tsar*, etc. Разreshалось использование слова *dacha*, потому что этот русизм признали такие авторитеты, как *Chambers' 20th Century Dictionary* и словарь OALD, известный в СССР как «словарь Хорнби» (Povey 1978: 191).

Наблюдалась полная беспомощность при использовании английского языка в сфере простых бытовых ситуаций русской культуры, поскольку это была именно та часть континуума русской культуры, которая была менее всего освоена.

Переводились все идионимы, которые поддавались переводу: «Если существует английский вариант имени... его и следует использовать» (Povey 1978: 97), то есть, скажем, кинотеатры «Колизей» и «Аврора» превращались в *Coliseum* и *Aurora*. Аналогично рекомендовалось поступать с названиями спортивных клубов, в результате «Динамо», «Спартак», «Зенит», «Крылья Советов» превращались в *Dynamo*, *Spartacus*, *Zenith*, *Soviet Wings*. Калькировались практически без исключения все названия периодических изданий: *Literary Gazette*, *Red Star*, *Soviet Russia*, а популярный в то время журнал «Новый мир» фигурировал как *New World*.

Постсоветский период. Ситуация коренным образом изменилась с окончанием «холодной войны» и выходом России из коммуникативной изоляции. В Россию устремился поток устной и письменной англоязычной информации, в том числе и англоязычные тексты о России. Сюда приезжает множество англоязычных экспатриантов, которые сразу же основывают англоязычные газеты, в том числе и ныне уже хорошо известные и пользующиеся авторитетом: *Moscow Times*, *St Petersburg Times*, в которых, естественно, на английском языке, свободном от гиперкоррекции, стали оживлённо обсуждать самые разнообразные стороны русской культуры, включая и повседневные проблемы российского бытия. В Петербурге открывается Библиотека Голицына, фонд которой составляют книги на английском языке о России.

Появились англоязычные публикации, язык которых не прошел бы ни одну советскую цензуру, но их лингвистическую легитимность трудно поставить под сомнение, поскольку эти тексты написаны носителями *родного* английского языка. Вот образец такого текста:

Dvori come in all shapes, moods and sizes. Just to the south of Dom Znaniya, at No.46, is an imposing *dvor* with an enclosed garden. This is a large, fairly pleasant space with no particular sense of oppression, intensity or claustrophobia – which is to say that it is a fairly good example of what is a typical Petersburg *dvor* is **not**. The stairwell entrances here are all *paradnye*, i.e. front entrances, and their openness to view offers the pedestrian drinker no great prospect of hospitality. [...] Turn right again, through a passage, and you now find yourself suddenly hemmed in by a narrow, steep-sided *dvor*, whose archway if you look, leads back out onto Ulitsa Belinskogo ... *Dvori* of this type – tall yards where the light filters down from a narrow mouth formed by steep banks of flats on all sides are called *kolodtsy*, 'wells'. *Dvori* giving access to other *dvori* or other streets are known as *prokhodnye*, 'through yards' (Nicolson 1994: 43).

Dvori, Dom Znaniya, *paradnye*, Ulitsa Belinskogo, *kolodtsy*, *prokhodnye*... Трудно себе представить англоязычный текст с таким количеством «бытовых» русизмов даже в середине 1980-х гг., не говоря уже о том, что вряд ли представилась бы возможность в то время западным гостям столь близко познакомиться с изнанкой нашей жизни.

Вот еще один пример:

Word of the Month: Kulich

A *kulich* is a traditional Russian Easter cake made from fruit, almonds and raisins. It is usually made several days before Easter so that all the ingredients get a good soaking in rum and saffron. When the cake is decorated, the initials *XB* can be written in icing on the sides. *XB* are the Russians initials KhV for *Khristos Voskres*, (Christ is Risen). Many Orthodox people go to the church on Saturday with their *kulich* to get them blessed and made holy (*SPbIYP* Apr 2008:12).

С появлением в стране значительного количества анлогоговорящих экспатриантов процесс формирования АЯМО (РК) ускорился, затрагивая те уголки жизни, которые ранее не попадали в поле зрения авторов англоязычных описаний русской культуры. Значительно ускорилось и пополнение словаря АЯМО (РК). Вот некоторые из частотных русизмов постсоветского периода:

anekdot ♦ *apparatchik(i)* ♦ (criminal) *avtoritet* ♦ *babushka* ♦ *banya* (*venik*, *parilka*) ♦ Beslan ♦ *bespredel* ♦ Chechnya ♦ *dacha* ♦ *Ded Moroz* (Grandfather Frost) ♦ *dezhurnaya* ♦ Dom (kino) ♦ *domovoi* ♦ *dvornik* ♦

elektrichka ♦ GAI ♦ GAZPROM ♦ GIBDD ♦ Goskomstat ♦ *khrushchevka* ♦ *kompromat* ♦ *kommunalka* ♦ *marshrutka* ♦ Near Abroad ♦ New Year tree ♦ *nomenklatura* ♦ *oblast'* ♦ oligarch ♦ OMON ♦ party of power ♦ *rassol* ♦ *remont* ♦ *Rossiya** ♦ *shaverma* ♦ Sberbank ♦ *silovik(i)* ♦ *Snegurochka* ♦ *spravka* ♦ *Stalin houses* ♦ *stolovaya* ♦ «vertical power» ♦ VTsIOM ♦ y.e. ♦ *yolka parties* ♦

И это неудивительно, поскольку экспатрианты, например, постоянно сталкиваются с вездесущими **бабушками**:

Russian women are liable to be pointed at or given a tongue lashing by a ***babushka*** if they don't cover their heads in a church (Noble et al. 1996: 73).

Они познают детали русской **бани**:

...repetitions of the traditional *banya* rituals – sitting in the searing hit of the *parilka* with *vyenik* at the ready, until participants exclaim, one by one, «Enough!» and walk out (*SPTimes* 18.05.1999; Mike Scollon)

Каждый раз перед наступлением нового года газеты начинают объяснять читателям, что Christmas tree для русских – это ***yolka*** tree, а новогодняя ёлка, представление для детей – ***yolka party***.

«Экспаты» (expats), как их теперь называют, знакомятся с разговорным русским языком, и уже оттуда перекочёвывают в АЯМО (РК) разговорные варианты ксенонимов:

He was careful to call the Rublyovskoye Schosse by its nickname, the Rublyobka. [...] Because it led directly to the residences of the mayor of Moscow, the prime minister... the Rublyovka was also the most heavily guarded road in Russia (Meier 2004: 26).

В советский период, скажем, «Дед Мороз» редко упоминался в англоязычных текстах, а если это случалось, то использовался неправильный переводной вариант – Father Frost. В постсоветский период с каждым новым празднованием Рождества – Нового года колоритная фигура русского Деда Мороза укрепляется в АЯМО (РК) в виде заимствования или, по крайней мере, в форме правильной кальки – Grandfather Frost:

Let's get one thing straight. Please don't confuse me, Santa Claus, with that Russian chappy, Grandfather Frost – *Ded Moroz* in Russian (Season's Greetings, Supplement to *MTimes* and *SPbTimes*, 1997).

В результате и *yolka*, и *Ded Moroz*, и *Snegurochka* становятся частью жизни экспатриантов:

Since it first aired nearly 30 years ago, the bittersweet television film *Ironiya Sudby, ili s Lyogkim Parom*, has established itself as a Russian New Year tradition as cherished as **the *yolka*, Ded Moroz or Snegurochka** (Brown M. «Happy Holidays»; Supplement to *SPbTimes* 2004).

Если в период «холодной войны» авторы текстов о русской культуре были в основном заняты политикой, то теперь они обсуждают чисто бытовые, житейские проблем:

Vobla can be bought at a **rynok**, or market, or near most metro stations. Anyone who has spent at least a week in Russia has probably seen this local favorite being dangled by **babushki** outside metro stations. Before you take one home, check to make sure it has been properly dried. If it hasn't, it may be on the verge of rotting. You may prefer to leave the choice to a Russian friend, as selecting a good **vobla** is an intricate process with many subtle nuances (*MTimes* 10.11.1996).

Теперь в текстах обсуждается, как лучше лечить похмелье:

Healing Your Head The most popular remedy is **rassol**, that murky liquid left over at the bottom of a jar of pickled cucumbers or cabbage. [...] **Shchi** – sauerkraut soup – has a similar effect. [...] The list of other helpful products includes milk and **kefir** (good for the stomach), stewed fruit and **borshch**. A third group of hangover cures consists of the drinks you overconsumed the night before. Many professionals in this field say the hair of the dog is the only answer. As the saying goes, **klin klinom vyshibayut** – use a wedge to knock out a wedge (*Season's Greetings, Supplement to MTimes and SPbTimes*, 1997).

Естественно, что в условиях, когда англоязычные дипломаты, деятели культуры, экспатрианты, туристы ежедневно сталкиваются с Димой, Сашей и Павлом Петровичем, ассимиляция русских имен представляется архаизмом, к тому же противоречащим требованиям политкорректности. Еще вплоть до середины XX века можно было встретить в текстах АЯМО (РК) такие имена, как Nicholas Gogol' или Michael Lermontov. Даже в солидной работе русиста второй половины XX века мы все еще встречаем архаичный вариант: **Sergius** Mikhalkov (Billington 1970: 574). Однако в современном АЯМО (РК) уже редко употребление имен Andrew, Alexander, Eugene, etc. Все русские теперь стали носить исключительно русские имена: Dmitry, Yevgeny, Viktor, Anatoly, Vyacheslav, Sergei, Andrei, Valery, Viktor. Сейчас уже стали привычными русские версии интернациональных имен таких политических деятелей, как Viktor Chernomyrdin, Yevgeny Primakov, Andrei Sakharov, Anatoly Chubais и др.

В авангарде формирования АЯМО (РК) идут экспатрианты и туристы, причем последние (так называемые «бюджетные туристы», budget tourists) все чаще предпочитают знакомиться с культурой без гида, что и вызывает необходимость у составителей путеводителей готовить их к самостоятельному контакту с местным населением. В результате тексты современных путеводителей пестрят транслитерированными «урбанонимами» (названия улиц и достопримечательностей):

Begin at **Dvortsovaya Ploshchad** (Palace square). Extending the length of the western side of the square, with its back to the river, is the **Zimniy Dvorets** (Winter Palace), which, along with the **Ermitazh** art gallery, constitute the legendary **Hermitage** museum. In the center of the square is the **Alexander Column**, which commemorates the Russian victory over Napoleon in 1812. Dominating the eastern side is the **Glavnyi shtab**, formerly the army's general staff headquarters. No matter what your plans are while in St. Petersburg, make sure you set aside at least half a day for a visit to the **Hermitage**. (Fodor 1999: 148)

В путеводителе середины XX века такое обилие транслитерированных русизмов было просто немыслимо.

Еще более продвинутым оказывается АЯМО (РК) современных российских англоязычных газет. Неудивительно, что в газетном тексте, рассчитанном на подготовленную аудиторию, используются такие языковые единицы, которые поставили бы непосвященного читателя в тупик. Фактически тексты, рассчитанные на экспатриантов, предполагают, что читатель знаком хотя бы с основами русского языка:

Since opening in late January, the bar-cum-club Manilov at 5 7-aya Krasnoarmeiskaya Ul., has become one of the trendiest places in town (*SPbTimes* 22.03.2002).

Очевидно, что читатель, не знакомый с русским языком, не сможет прочесть образование «7-ауа», да и аббревиатура «ul.» знакома далеко не всем. Следует, впрочем, обратить внимание на сочетание локальных элементов АЯМО (РК) с чисто английскими традициями. Так, в отрывке «the bar-cum-club Manilov at 5 7-aya Krasnoarmeiskaya» номер дома дается в английской манере – перед названием улицы, в то время как русские сказали бы «на 7-й Красноармейской, дом 5».

И конечно, только в условиях свободного контакта англоязычных с бытом современных россиян могут рождаться предложения, в которые переключиваются русизмы типа «гаишник», да еще с сохранением формы русского множественного числа:

FSBniks (former **KGBniks**) were summoned to the scene to disarm the device (McCoy M. *SPbPress* 06-13.06.1995).

Nor were drivers convinced that the new scheme will correct the notoriously corrupt ways of the gray-uniformed **GAishniki** (*SPbTimes* 18.02.1997).

Частотность употребления ксенонимов-русизмов подтверждается, в частности, тем, что некоторые из них переосмысляются и начинают использоваться в контексте внутрикультурной коммуникации. Так, русизм **czar**, который использован в качестве заголовка обсуждавшейся выше статьи из газеты *Washington Post*, приобрёл новое значение:

czar: *American English* someone who is very powerful in a particular job or activity (Longman).

А вот еще пример:

ukase: 1. an arbitrary command; 2. *hist.* An edict of the Tsarist Russian government (OED: ukase).

Не случайно в новейших текстах авторы предпочитают не традиционный и ассимилированный вариант, а формально транслитерированное заимствование:

On the very day of his death [Alexander II] signed an *ukaz* creating a number of consultative commissions that might have been transformed eventually into a representative assembly (EncBr).

Учебный словарь для иностранцев Longman толкует русизм *troika* уже только в метафорическом значении:

troika: a group of three people, countries etc: *the ruling troika* (Longman).

As an alternative, the Politburo supported the informal leadership of the *troika* composed of Zinovyev, Lev Kamenev, and Stalin (EncBr Trotsky).

Современный АЯМО (РК) бесспорно базируется на *американском варианте*. Газеты экспатриантов предпочитают орфографию *American English*. Спор о том, какой вариант английского языка следует использовать, явно решается в пользу *American English*. При этом следует учитывать и сильнейшее давление американского варианта английского языка на британский вариант. Любопытно, например, что *Cambridge Encyclopedia of Russia* (CamEnc) в издании 1982 года использует британский вариант *rouble*, а уже в последующем издании 1994 года американский вариант – *ruble*. Данная тенденция в случае АЯМО (РК) подкрепляется и усилиями значительного числа россиян, либо вообще переселившихся в США, либо проживающих там в качестве экспатриантов, либо обучающихся в США, либо просто поддерживающих деловые и культурные контакты с США. Все они усваивают *American English* и в этой форме возвращают его в Россию в ходе многочисленных контактов.

ФОРМИРОВАНИЕ АЯМО (РК) И ПРАГМАТИЗМ БИЛИНГВИЗМА

Следует признать, что билингвы очень экономно подходят к выбору языковых средств межкультурных контактов. Они свободно вводят в обращение столько заимствований, сколько требуется для установления межкультурного контакта с минимальной затратой усилий, и всякий раз, когда возможно использовать сходные элементы в контактирующих языках, они не упускают этой возможности. В заимствованиях первой

половины XX века это видно на примере ксенонима *commissar*, который являет собой своеобразное слияние французского и русского языков: использование «с» вместо русского «к» и удвоение «m». Аналогично и появление в имени *Alexandr* буквы «х», о чем уже говорилось выше.

Названия кинотеатров и спортивных команд теперь уже сплошь и рядом заимствуется, но вот в случае идионима «ЦСКА», где, казалось бы, напрашивается аббревиатура «TsSKA», в обращении предпочитают ксенонимический вариант «CSKA» по той простой причине, что слово «центральный» у билингов автоматически ассоциируется со словом «central»:

The Russian Federation was also informed that three of its clubs, Moscow's Dinamo, **CSKA** and Lokomotiv, could enter the second annual Intertoto Cup... (*Moscow Times* 04.02.1997).

При передаче названий кинотеатров типа «Открытый Театр», казалось бы, логично либо заимствовать оба элемента – *Otkryty Teatr*, либо прибегнуть к кальке – «Open Theatre»; между тем используется гибридное образование *Otkryty Theater*.

Следует заметить, что такие легко обратимые, тем более – традиционные, наименования оказываются очень живучими именно благодаря своей достаточно уверенной обратимости. Ср.:

But if you move through the Garden Ring over Krymsky Val the routing is a bit complicated (*MTimes* 01.03.1997).

Здесь свою живучесть демонстрирует калька идионима-прототипа «Садовое кольцо». Аналогичным образом используется и другая калька – *Ring Road*, Кольцевая дорога.

Иными словами, АЯМО (РК), насыщенный ксенонимами-русизмами, превращается сейчас в своеобразный *lingua franca* для тех, кто активно контактирует с русской культурой.

Естественно, что АЯМО (РК) постоянно претерпевает изменения, которые особенно очевидны в новейший период. Процесс узуализации ксенонимов проявляется в том, что их варианты еще не стандартизированы. Это хорошо видно на примере идионима «новые русские», который был немедленно скалькирован английским языком. Вот как, в частности, фигурирует этот ксеноним в англоязычных текстах:

«New Russians» (*ChrScM*, 11-17.08.1995)

New Russians (*MTimes* 02 Nov 1996)

«New» Russians (Fodor 1999: 184)

В более поздней книге автор начинает с транслитерации *The so-called Noviye Russkie*, но потом сразу переходит на кальку: *New Russians* (Meier 2004: 25). Очевидно, что данный ксеноним проходит стадию ассимиляции.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем состоит «прагматизм» языка межкультурного общения? Как на нем сказывается принцип экономии языкового усилия?
2. Какие заблуждения и нелогичности были свойственны АЯМО (РК) на ранних этапах его формирования?

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ РАЗДЕЛА

1. Kabakchi V.V. Семантический аспект освоения русизма SPUTNIK английским языком // *Семантика слова и предложения*. – Ленинград: ЛГПИ, 1985. – С. 79-86.
2. Kabakchi V.V. Of *sputniks*, *beatniks* and *nogoodniks* // *American Speech*. – 1990. – 65(3). – P. 277-78.
3. Kabakchi V.V. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998.
4. Кабакчи В.В. Лексикографический мониторинг англоязычного словаря ксенонимов-русизмов / Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Межвузовский сборник научно-методических статей. – Выпуск 7. – Псков: ПГПУ, 2007. – С. 30-45.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Английский язык межкультурного общения, ориентированный на русскую культуру – АЯМО (РК), прошел длинный путь с того времени в середине XVI века, когда установились прямые контакты между нашими культурами. В то время общение шло на примитивном уровне языка пиджин и в английский язык лишь стали поступать первые русизмы. Потребовалось много времени для того, чтобы АЯМО (РК) разработал развернутую систему ксенонимов-русизмов, создал обширный фонд англоязычной *Rossica*. Сегодня для человека, желающего познакомиться с русской культурой с помощью английского языка, существует возможность выбрать практически любую требуемую литературу от популярных научных описаний до путеводителей и художественных произведений.

Теория межкультурно-языковых контактов показывает, что границы распространения русского языка далеко выходят за рамки собственно русской лингвокультуры и всякий, изучающий нашу культуру с помощью иностранного (английского, французского или любого другого) языка, даже без формального знания собственно русского языка, неизменно погружается в глубины русской культуры: знакомится с наименованиями элементов этой культуры, узнает русские пословицы и поговорки, имена героев русского фольклора и художественной литературы.

Особенность процесса познания рядовых землян заключается в их известной инертности и прагматичности, в стремлении сосредоточиться на непосредственных практических жизненных задачах. Большая часть землян имеет весьма поверхностное представление об иноязычных, в особенности удаленных культурах, а те сведения, которыми они располагают, получены либо с помощью родного языка, либо посредством знакомого им языка международного общения. Вот почему для нас столь важно овладеть умением прямого межкультурного общения на иностранных (в первую очередь английском) языках в ситуациях, ориентированных на родную (русскую) культуру.

Активное, «креативное» владение английским языком предполагает *переход от владения английским языком как иностранным к стадии владения этим языком в качестве второго языка*. Такое свободное владение английским языком предполагает возможность выступать в качестве журналистов, писателей, лекторов-пропагандистов русской культуры. Пророчески в том отношении сейчас звучат слова Л.В. Щербы, который еще в середине XX века указывал на необходимость подготовки широкого круга специалистов, в том числе публицистов, способных писать на иностранных языках (Щерба 1974а: 30).

С учетом постоянно и быстро меняющихся условий жизни землян необходимо расширять палитру средств иноязычной популяризации русской культуры. Показательно появление в начале XXI века англоязычного телевизионного канала Russia Today. Быть может, настало время подумать о создании *англоязычных театров русской драмы*, англоязычных киностудий, которые ставили бы русские версии классики русской литературы и показывали бы русскую интерпретацию столь популярных на западе пьес Чехова и комедий Гоголя.

Необходимо пересмотреть наше отношение к АЯМО (РК) как к лингвистическому феномену, который развивается исключительно усилиями носителей родного английского языка. В частности, назрела необходимость решения проблемы латинизации русизмов в иноязычных текстах *на государственном уровне*. В условиях, когда русский язык подвергается сильнейшему давлению английского языка, когда русский текст газет и журналов пестрит англоязычными вкраплениями, а среди молодежи и в рекламе становится модным использовать латинские буквы в русских словах (типа Наташа, Семён, Денис), когда язык международной переписки молодежи в Интернете более похож на Pidgin English, а солидные члены РАН с уверенностью заявляют, что русский язык в ближайшее время перейдет на латиницу, необходимо срочно принять «Вспомогательный латинский алфавит русского языка» (ВЛАРЯ). ВЛАРЯ помог бы решить проблему стандартизации русизмов, создавая для каждого слова или словосочетания один и только один возможный вариант латинизации на базе орфографии современного английского языка.

Современная технология языкового общения – радио, телевидение, появление глобальной компьютеризации и Интернета, средств массового и дешевого копирования текста – все это значительно ускорило процессы развития языка. Одновременно совершенствование современного транспорта, увеличение межкультурных контактов требуют максимального использования всех возможных средств общения с иноязычными народами, в том числе и с использованием ведущих иностранных языков международного общения, в первую очередь английского, в ориентации на русскую культуру.

INDEX

А

- аббревиатуры-заимствования (ксенонимические):** xenonymic
 abbreviated loans: 90, 108, 163, 122, 231
- авторский перевод → перевод**
- ad hoc* ксенонимическая номинация:** *ad hoc* xenonym: 164
- акролект → лекты**
- алфавитная пара:** alphabet pair: 142
 гомогенная ~: homogeneous alphabets: 142
 гетерогенная ~: heterogeneous alphabets: 142
- альтернативные ксенонимические варианты:** alternative xenonymic variants: 166
- аналоги межкультурные:** inter-cultural analogues: 40, 71-73, 114
- английский язык межкультурного общения (АЯМО):** foreign-culture-oriented English: 5, 15, 16
- английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры, АЯМО (РК):** Russian-Culture-oriented English: 5, 15, 16, 18,
- антропонимы ксенонимические:** xenonymic anthroponyms: 136
- апробация ксенонимическая:** xenonymic approbation: 129
- аутентичный текст:** authentic text: 4, 6, 16
- АЯМО → английский язык межкультурного общения**
- АЯМО (РК) → английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры**

Б

- базилект → лекты**
- базовый ксеноним → ксеноним**
- билингвизм (двуязычие):** bilingualism: 10, 50-57
 виды билингвизма: kinds of bilingualism: 50
- бинарные полионимы (бинары):** binary polyonyms (binaries): 24, 39, 58, 95, 99, 180
 гетерогенные бинарные полионимы: heterogeneous binaries: 24
 гомогенные бинарные полионимы: homogeneous binaries: 24

В

- вариативность ксенонимическая:** xenonymic variability: 36, 84, 105, 125
- вводный лексический оборот:** introductory lexical phrase: 98, 158, 173
- вербальный:** verbal: 5

- виды иноязычного описания культуры:** types of foreign-language-culture description: 17
- вкрапления (включения), иноязычные:** foreign-language incorporations: 85, 143, 236
- ВЛАРЯ** → «вспомогательный латинский алфавит русского языка»
- внешняя культура:** external culture (a foreign-language culture): 7, 14
- внутренний перевод** → перевод
- внутренняя культура:** internal culture: 14
- «вспомогательный латинский алфавит русского языка» (ВЛАРЯ):** the Auxiliary Roman Alphabet of the Russian Language: 151, 236
- вторичная культурная ориентация (языка):** secondary cultural orientation (SCO): 6, 14, 22
- вторичность ксенонимов** → ксеноним
- выделение ксенонимов:** marking xenonyms (quotation marks – single and double ones; italics; capitalization): 172
- графическое выделение:** graphic marking: 176
- кавычки:** quotations: 175
- курсив:** italicization: 173
- прописная буква:** capitalization: 178
- лексическое выделение:** lexical marking: 173

Г

- гарант (компонент-~) обратимости:** guaranty-component (of convertibility): 164
- гетерогенная алфавитная пара** → алфавитная пара
- гибридный ксеноним** → ксеноним
- гиперкоррекция:** hypercorrection: 55, 225
- гипероним:** hyperonym: 42, 106
- гипоним:** hyponym: 79
- гипонимия:** hyponymy: 78, 118
- «глобанглизация»:** globanglization: 10, 52
- гомогенная алфавитная пара** → алфавитная пара
- гравитация лингвистическая:** linguistic gravitation: 205

Д

- двуязычие** → билингвизм
- деанглизация текста:** (deculturation of English): 189
- дефиниция (словарная):** (dictionary) definition: 110
- диакритика:** diacritics: 147
- дивергенция:** divergence: 13

доступность иноязычного описания культуры: accessibility of foreign-language-culture description

доступность коммуникативная: communicative accessibility: 37

доступность номинативная → точность номинативная

З

заимствование в АЯМО (РК): borrowing in ICE (RC): 28, 39, 85

затекстовый комментарий → пояснение

значение: meaning: 100, 105, 134

реальное ксенонимическое ~ : real xenonymic meaning: 104

буквальное ~ : literal meaning: 104

~ имени собственного: proper name ~: 131

ономастическое (идентификационное) ~ : identifying onomastic meaning: 134

ономастическое (сопутствующее) ~ : accompanying onomastic meaning: 134

И

идеография: ideography: 40

идиокультуронимы: idioculturonyms: 24, 26

идионим: idionym: 27

идионим-прототип → прототип ксенонимический

изоморфизм ксенонимический: xenonymic isomorphism: 39, 80

Index: 171

инкорпорация ономастического классификатора: incorporation of the onomastic classifier: 134

инолингвокультурный субстрат (ИЛКС): foreign linguocultural substratum (ILKS): 205

инструктивный текст: instructive text: 72

интерлингвокультурология: interlinguoculturology (ILCology): 4, 5, 7, 13, 27, 208

интернационализмы → интерполионимы

«интернациональная лексика (интернационализмы)» → интерполионимы

интерполионимы: interpolyonym: 13, 24, 95

интерференция: (bilingual) interference: 54, 65, 67

инфраструктура лингвокультуры: linguocultural infrastructure: 23

исходный идионим → идионим-прототип

К

Кавычки → выделение ксенонимов

- калька:** calque: 68, 70, 83, 91, **94**
фразеологическая ~: phraseological ~: 72
- калькирование:** calqueing: 39, 55, 79, **93**
лексическое К.: lexical calqueing (loan translation): 79, **94**
семантическое К.: semantic calqueing (semantic translation/loan): 79, **97**
- калькируемость:** calqueability: **103**
высокая К.: high calqueability: **104**
низкая К.: low calqueability: **104**
- классификация ксенонимов:** classification of xenonyms: **28**
- классификатор ономастический:** onomastic classifier: **134**
- колорит, национальный → национальный (местный) колорит**
- конвергентно-дивергентные процессы в языке:** linguistic convergence and divergence: 13
центробежный процесс: (of culture and language): centrifugal process: (*linguistics*) divergence: **13**
центростремительный процесс: centripetal process: (*linguistics*) convergence: **13**
- континуум (культурный):** cultural continuum: **23**, 27, 32, 36, 77
- корпус аутентичных текстов:** corpus of authentic texts: **37**
- коррелят:** correlate: **31**
- корреляция ксенонимическая:** xenonymic correlation: **30**, 39, 80
первичная корреляция: primary correlation: **39**
вторичная корреляция: secondary correlation: **39**
- креольские языки:** creole languages: **53**
- круги Баджа Качру:** Braj Kachru's Circles: 10, **52**
- ксеноним:** xenonym: 27, 78-159
ксеноним-трансплантат: transplant xenonym: **81**
ксеноним базовый: basic xenonym: **37**
вторичность ксенонимов: secondary nature of xenonyms: **30**
ксеноним гибридный: hybrid xenonym: **105**
ксеноним окказиональный: nonce xenonym: **136**
ксеноним специальный : technical xenonym: **38**
ксеноним специальный окказиональный: technical occasional xenonym: **38**
ксеноним специальный словарный: technical dictionary xenonym: **38**
ксеноним традиционный: traditional xenonym: **89**
- культура:** culture: **13**
- культурная ориентация языка → ориентация языка, культурная**
- культурный континуум → континуум (культурный)**

культуронимы: culturonyms: 23
курсив → выделение ксенонимов

Л

лакуна: lacuna: 42
лексикография: lexicography: 7
лексикографическая регистрация: lexicographic registration: 29
 отставание в лексикографической регистрации: lexicographic registration lag: 29
лексическое калькирование → калькирование лексическое
лекты: lect: 53
 акролект: стандартная норма языка: acrolect: 53
 мезолект: разговорная форма языка: mesolect: 53
 базилект: неграмотная форма языка: basilect: 53
ЛДП → «ложные друзья переводчика» (ЛДП)
лексикографический перевод → перевод
лексический вводный оборот → вводный лексический оборот
лексическое калькирование → калькирование
лингвокультура: linguoculture: 203
лингвολогистика языковая: linguologistics: 52
«ложные друзья переводчика» (ЛДП): false friends (*faux amis*): 99
 гетерогенные ~: heterogeneous ~: 116
локализация текста → стилизация текста
локалоид: localoid: 69, 101

М

маркер (ксенонимический): xenonymic marker: 190
маркированность ксенонима: xenonymic markedness: 112
межкультурная коммуникация: inter-cultural communication: 5
 вербальная межкультурная коммуникация: verbal inter-cultural communication: 5
межъязыковые переводческие корреляты → бинарные полионимы
мезолект → лекты
местный колорит → национальный (местный) колорит
метод опосредованного наблюдения: method of indirect observation: 15
многоязычие: multilingualism: 8
множественное число заимствованных ксенонимов: the plurality of borrowed xenonyms: 87
модели ксенонимической номинации: models of xenonym formation
 модель «Bolshoi Theater» («полукальки»): 36, 79, 106, 139
 модель GUM department store: the 'GUM department store model': 107

модель *matryoshka doll*: the ‘*matryoshka doll model*’: 106

модель *Russian doll*: the ‘*Russian doll*’ model: 108

мониторинг лексикографический: lexicographic monitoring: 129

мультилингвизм → многоязычие

Н

нативизация: *nativization* (acculturation): 189

национальный (местный) колорит: local color (*couleur locale*): 27, 73, 85, 120, 187

нейтральная лексика: (culturally) neutral words: 24

непереводимость, теория ~: untranslatability: 66

лингвистическая непереводимость: linguistic untranslatability: 66

прагматическая непереводимость: pragmatic untranslatability: 67

культурная непереводимость: cultural untranslatability: 67

номенклатурный термин → классификатор ономастический

номинация: naming

номинация ксенонимическая: xenonymic naming: 78

носители языка: language speakers: 15, 51

родноязычные Н.: native-language speakers: 51

второязычные Н.: second-language speakers: 51

иностранныеязычные Н.: foreign-language speakers: 51

О

обратимость ксенонимическая: xenonymic convertibility: 65, 71, 80

абсолютная О.: absolute convertibility: 81

автономная О.: autonomous convertibility: 82

опосредованная О.: indirect convertibility: 82

уверенная/неуверенная О.: (un)reliable convertibility: 81

окказиональный ксеноним → ксеноним

ономастика ксенонимическая (собственные имена): xenonymic proper names (onomastics): 34, 131

описательный (ксенонимический) оборот: descriptive (xenonymic) name: 36, 79, 85, 110

описательный текст: descriptive text: 72

ориентация языка (культурная ~): cultural orientation of the language: 6, 13, 22

первичная культурная ориентация языка: primary cultural orientation of the language: 22

вторичная культурная ориентация языка: secondary cultural orientation of the language: 14, 23

относительность ксенонимическая: xenonymic relativity: **31**
отставание в лексикографической регистрации → **лексикография**

II

параллельное подключение: parallel attachment: 73, 138, **157**
паремиология: paremiology: **198**
первичное употребление (специального) ксенонима: initial usage of a xenonym: **160**
перевод: translation: 6, 26, **57**
 внутренний перевод: ‘internal translation’: 6, **57-75**
 лексикографический перевод: lexicographic translation: **58**
 традиционный перевод: traditional translation: 6, **58**, 62
 авторский перевод: auto-translation, self-translation: **206**
пиджин: pidgin: **53**, 235
повторное употребление ксенонима: secondary usage of xenonym: 160
поликультуронимы → **полионимы**
полионимы (поликультуронимы): polyonym (polyculturonyms): **24-25**, 63, 73, 114, 181
 полионимы бинарные → **бинарные полионимы**
политкорректность: political correctness: **208**
полукальки → **модель «Bolshoi Theater»**
пояснение ксенонимическое: xenonymic explanation (explication): 38, **159**
 затекстовое пояснение: footnote, endnote: **171**
практическая транскрипция: ‘practical transcription’: **147**
прецизионная информация: precise information: **73**
привязка ксенонимическая: xenonymic tag: **161**
принцип экономии языковой → **экономии языковой принцип**
проба на лексикографическую регистрацию: lexicographic registration test: **29**
прописная буква → **выделение**
прототип ксенонимический: xenonymic prototype (self-appellation): 30, **80**
 идионим-прототип: idionym prototype: **31**, 80

P

разобщения, язык как средство: language as a means of discommunication → **эзотеризм**
реалии языковые: cultural realia: 26
реставрация ксенонимическая: xenonymic restoration: 72, **152**
Rossica: 16
русизмы (ксенонимы-): xenonymic Russisms: 27, 29, 37, 42, **43**
русист: Russologist: **17**, 56, 80, 147, 151, 167, 215, 230

С

самоназвание → **прототип**

связь (корреляция): correlation: 31

семантическое калькирование → **калькирование семантическое**

словник: word-list: 16

словообразование, ксенонимическое: xenonymic word-formation: 127, 161

сноска: footnote: 151

специальный ксеноним → **ксеноним**

специальный словарный ксеноним → **ксеноним**

статоним: «statonym»: 213

стилизация текста: stylization of the text: 187

Т

тезаурус: thesaurus: 41

терминологичность: terminological status: 176

титульная нация: title nation: 213

топонимика (ксенонимическая): xenonymic toponymy: 209

точность иноязычного описания культуры: precision of foreign-language-culture description

точность номинативная: naming precision: 79

точность семантическая: semantic precision: 79

традиционные ксенонимические варианты → **ксеноним**

традиционный перевод → **перевод**

транскрипция практическая: ‘practical transcription’: 144

транслитерация: transliteration: 146

системы транслитерации: systems of transliteration: 147

формальная транслитерация: formal transliteration: 150

трансплантация, ксенонимическая: xenonymic transplantation: 68, 81, 88, 141

трансференция: transference: 68

«третья культура»: ‘third culture’: 14

Ф

формальная транслитерация → **транслитерация**

функциональный дуализм языка: functional dualism of language: 13, 23

Х

House Style: 148

Ц

центробежный → конвергентно-дивергентные процессы в языке

центростремительный → конвергентно-дивергентные процессы в языке

Э

эвфония: euphony: 222

эзотеричность: esoteric character: 203

экономии языковой принцип: language economy principle: 14

экспликация → пояснение

этимон: etymon: 30

этнонимы: ethnonyms: 211

Я

язык: language: 12

языковая картина мира: the verbal picture of the world: 40

язык межкультурного общения (ЯМО): inter-cultural language (ICL): 5, 15

ЯМО → язык межкультурного общения

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЯМО – английский язык межкультурной коммуникации
 АЯМО (РК) – английский язык межкультурной коммуникации, ориентированный в область русской культуры.
 БЭС – Большой энциклопедический словарь.
 ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь.
 ЯМО – язык межкультурной коммуникации.
- CamEnc – *Cambridge Encyclopedia of Russia*
 EncBr – *Encyclopaedia Britannica*
 EncBrDic – the *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*, supplied by the *Encyclopaedia Britannica*
 ChrScM – *Christian Science Monitor*
 DFT – Pei M., Ramandino S. *Dictionary of Foreign Terms*.
 Gem – *Collins New Gem Dictionary*.
 OALD – *Oxford Advanced Learner's Dictionary*.
 OED – *Oxford English Dictionary*
 OEED – *Oxford Encyclopedic English Dictionary*. Clarendon Press, 1991.
 ORED – *Oxford Russian-English Dictionary*.
 RHD – *Random House Dictionary*.
 SPbIYP – *St. Petersburg. In Your Pocket*.
 W3 – *Webster's Third New International Dictionary*.
 WNCD – *Webster's Ninth New Collegiate Dictionary*.
 WNWD – *Webster's New World Dictionary*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Акуленко В.В. (ред.) Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». – М.: Сов. энц., 1969.
- Акуленко В.В. (ред.) Вопросы интернационализации словарного состава языка: Сборник научных статей. – Харьков, 1972.
- Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – Вып. 9. – Л.: ЛГУ, 1944. – С. 77-137.
- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – СПб.: СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004.
- Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Межд. отношения, 1975.
- Бархударов Л.С., Рецкер Я.И. Курс лекций по теории перевода. – М., 1968.
- Беляева Л.Н. Теория и практика перевода: Учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 212.
- Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. – Л., 1973.
- Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Вища школа, 1979.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие в языке // Новое в лингвистике / Под редакцией В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд. ин-та общего ср-го обр-ия РАО, 2001.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Межд. отношения, 1980.
- Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. – 3 изд. – М.: Высш. школа, 1985.
- Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977.
- Жлуктенко Ю.А. Украинско-английские межъязыковые отношения в США и Канаде. Автореферат дис... д-ра филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1967.
- Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев, 1974.

Интернациональные элементы в лексике и терминологии. – Харьков: ХГУ, 1980.

Истрин В.А. Развитие письма. – М., 1961.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ, 1998.

Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Союз, 2001.

Кабакчи В.В. Англоязычное описание русского города (на материале западных путеводителей) // XI международная научно-практическая конференция «Лингвистика, перевод, дискурс межкультурной коммуникации». – Екатеринбург: ИМС, УГУ им. А.М. Горького, Бизнес-бюро Ассоциации переводчиков, 2009. – С. 112-126.

Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 51-70.

Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006.

Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М.: Изд-во ин. лит., 1958.

Катцер Ю., Кунин А. Письменный перевод с русского языка на английский (практический курс). – М., 1964.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая шк., 1990.

Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть 1. Лексико-фразеологические основы перевода. – М.: Изд-во лит. на ин. языках, 1960.

Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. Выпуск VII. – М., 1966. – С. 60–68.

Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986.

Мазанаев Ш.А. Русскоязычная литература Дагестана. – Махачкала: Даг. книжное изд-во, 1984.

Малаховский Л.В., Микулина Л.Т. Русская культурно-коннотативная лексика в дополнении к Большому Оксфордскому словарю // Словари и лингвострановедение / Под ред. Е.М. Верещагина. – М.: Русский язык, 1982. – С. 52-64.

Мартине А. Предисловие к книге: Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Вища школа, 1979.

Морозов М.М. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. – М., 1956.

Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. – М.: Флинта, 2006.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.

Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Высшая школа, 1965.

Никонов В.А. (ред.) Этнонимы. – М.: Наука, 1970.

Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Высшая школа, 1974.

Пауль Г. Принцип истории языка. – М.: Ин. литература, 1960.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.

Попова З.Д. и др. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие – Кемерово: Кузбассиздат, 2005.

Прошина З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка: Уч. пособие. – Хабаровск: Дальневосточный институт иностранных языков, 2007.

Реформатский А.А. Транслитерация русских текстов латинскими буквами // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 96 – 104.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967.

Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – Л., 1973.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Межд. отношения, 1974.

Розенцвейг В.Ю. Лингвистический подход к описанию культурных контактов. – М.: Наука, 1964.

Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972.

Ролина О.К. Адаптация русских культуронимов при переводе на английский язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»): Дис... канд. филол. наук. – СПб.: СПбГУ, 2009.

Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч. в 16 томах. Т. 11. – М., 1949.

Суперанская А.В. Заимствование слов и практическая транскрипция. – М., 1962.

Суперанская А.В. Прописная и строчная буква в собственном имени разных категорий // Орфография собственных имен: Сборник статей. – М., 1965. – С. 25-43.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории (отв. ред. Т.Л. Канделаки). – 2 изд. стереот. – М.: УРСС, 2003.

Тулатова Е.А. К характеристике лексики английского языка в Индии // Некоторые вопросы зарубежной филологии и методики преподавания иностранных языков. – Орджоникидзе, 1974. – С. 59-71.

Флорин С. Выступление // Актуальные проблемы художественного перевода. – Ч. 1. – М., 1967.

Художественный перевод: проблемы и суждения. Сборник статей. – М.: Известия, 1986.

Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Уч. записки 1-го МГПИИЯ. – Т. 16. – М., 1958. – С. 223-255.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л., 1958.

Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. – М., 1974а.

Щерба Л.В. (b) Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974б.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб, 2006.

Aitken A.J. «The Extinction of Scotland in Popular Dictionaries of English // Bailey R. W. (ed.) *Dictionaries of English. Prospects for the Record of Our Language*. – Ann Arbor: Un. of Michigan Press, 1987. – P. 99-120.

Barabtarlo G. *Phantom of Fact. A Guide to Nabokov's **Pnin***. – Ardis, Ann Arbor, 1989.

Christophersen P. *Second-Language Learning. Myth and Reality*. – Penguin ed., 1973.

Crystal D. *An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages*. – Penguin: 1994.

Field A. VN: *The Life and Art of Vladimir Nabokov*. – NY: Crown Publishers, 1986.

Greenbaum B., Quirk R. *Guide to English Usage*. – Longman, 1988.

Grosjean F. *Life With Two Languages*. – Harvard UP, 1982. (XXII-60)

Halliday M.A.K., McIntosh A., Stevens P. The Users and Uses of Languages, in: *Varieties of Present-Day English*. Eds.: R.W.Bailey, J.L.Robinson. – NY, 1973. – P.11-29.

Hartman R.R.K.(ed.) *Workbook on Lexicography*. – UK: University of Exeter. 1984.

Haugen E. *The Ecology of Language*. – Stanford, Calif.: Stanford UP, 1972.

Haugen E. *Blessings of Babel. Bilingualism and Language Planning. Problems and Pleasure*. – Berlin, NY, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

Hirsch E.D., Jr. *Cultural Literacy. What Every American Needs to Know*. – Vintage books, 1987.

Iyer P. The Empire Writes Back // *Time*, 8 Feb 1993.

Jakobson R. On Linguistic Aspect of Translation // *On Translation*. – Cambridge: Harvard University Press, 1959. – P. 232-239.

Kachru B. (ed.). *The Other Tongue. English Across Cultures*. – Oxford-NY, 1983.

Kachru B. *The Alchemy of English. The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes*. – University of Illinois Press, 1986.

King B. (ed.) *Literatures of the World in English*. – London&Boston; Routledge&Kegan Paul, 1974.

Lyons J. *Semantics*. – UK: Cambridge UP, 1977.

McCauchey K. The *kasha* syndrome: EL teaching in Russia // WEs, 2005, vol.24, No.4. – P. 455-459.

Pei M. *What's in a Word?* – NY: Harper and Row, 1968.

Platt J., Weber H., Ho Mian Lian. *The New Englishes*. – L., 1984. (XXIV-47)

Povey J. *English at Leasure*. – M.: Высшая школа, 1978.

Povey J., Walshe I. *An English Teacher's Handbook of Educational Terms*. Moscow: Высшая школа, 1975. (2nd revised edition, 1982).

Quirk R., Greenbaum S. *A University Grammar of English*. – Longman: 1973.

Shipler D.K. *Russia. Broken Idols, Solemn Dreams*. – Penguin, 1989.

Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. – Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 1995.

Varieties of Present-Day English. Eds.: R.W.Bailey, J.L.Robinson. – NY, 1973.

Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. – Paris, 1958.

Weinreich U. *Languages in Contact*. – NY, 1953.

Weir A.L. Style Range in New English Literatures // in: Kachru B. 1983.

Zgusta L. *Manual of Lexicography*. – Praha: Academia, 1971.

СЛОВАРИ

Bliss A.J. *A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English*. – London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1977.

Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1995.

Collins New Gem Dictionary. – UK: London & Glasgow: Collins, 1963/1970.

Crowe B. *Concise Dictionary of Soviet Terminology and Abbreviations*. – Oxford: Pergamon, 1969.

Encyclopaedia Britannica. Standard Ed. – CD-ROM, 2001.

Longman Lexicon of Contemporary English by T. McArthur. – Longman, 1981.

Oxford Advanced Learner's Dictionary, 4th edition. – Oxford University Press, 1989.

Oxford Russian-English Dictionary by M.Wheeler. – Oxford: Clarendon Press, 1992.

Pei M., Ramandino S. *Dictionary of Foreign Terms*. – NY: Delacorte, 1974.

Random House Dictionary of the English Language. – 2nd unabridged edition, 1987.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – Penguin Books, 1971 (1852).

Webster's New World Dictionary (3rd college ed.) by V.Neufeldt, D.B.Guralnik. –Cleveland&New York: Webster's New World, 1988.

Webster's Ninth New Collegiate Dictionary (unabridged). – Merriam-Webster, 1988.

Webster's Third New International Dictionary. – Merriam-Webster, Springfield, Massachusetts, 1961.

Wixman R. *The Peoples of the USSR. An Ethnographic Handbook*. – London: Macmillan Reference Books, 1984.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энц., 1969.

Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991.

Кабакчи В.В. *The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms)*. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. – СПб.: СОЮЗ, 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

ЭЛЕКТРОННЫЕ КОРПУСЫ ТЕКСТОВ

British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bncweb.lancs.ac.uk>

Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Рубина Д. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2007.

Arakin V.D. (ed.) *Practical Course of English. 1st Year*. – М.: Высшая школа, 1972.

Ashby E. *Scientist in Russia*. – Penguin, 1947.

Baedeker's *Leningrad*. First English edition <no date>.

- Beyer Th. R., Jr. *Russian at a Glance. Phrase Book & Dictionary for Travelers* (2nd ed.). – NY: Barrons, 2001.
- Billington J. H. *The Icon and the Axe*. – NY: Vintage Books, 1970.
- Binyon T.J. *Pushkin. A Biography*. – Harper Perennial, 2002.
- Birnbaum's Europe 1990*. A Stephen Birnbaum Travel Guide. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1989.
- Brinkle L. *Soviet Union*. – NY: Hippocrene, 1990.
- Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union, The*. A.Brown, J.Fennell, M.Kaser, H.T.Willetts (eds.): Cambridge University Press, 1982. ♦ *Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union, The* (1994). A.Brown, M.Kaser, G.Smith (eds.): Cambridge University Press.
- Carr E.H. *Dostoevsky*. – London: Unwin Books, 1962.
- Carré J. de la. *The Russia House*. – Coronet, 1990.
- Chamberlain L. *The Food and Cooking of Russia*. – Penguin, 1988.
- Christie A. *The Clocks*. – Fontana Books, 1963.
- Christie A. *The Mirror Cracked from Side to Side*. – Collins, Fontana Books, 1967.
- Cohen J.M., Cohen M.J. *The Penguin Dictionary of Quotations*. – Penguin Books, 1971.
- Cornwell N. (ed.) *Reference Guide to Russian Literature*. – London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1998.
- Craig K., Novgorodsev S. *The Cooking of Russia*. – A Sainsbury Cookbook, London, 1990.
- Cusack D. *Holidays Among the Russians*. – London: Heinemann, 1964.
- Daglish R. *Coping with Russia. A Beginner's Guide to the USSR*. – UK/USA: Basil Blackwell, 1985.
- Davidow M. *Moscow Diary*. – M.: Progress, 1980.
- Figs O. *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*. – Penguin Books, 2003.
- Fodor's. *Soviet Union. With Essays on History and Art*. – NY&London: Fodor's Travel Publications, 1989.
- Fodor's 1999. *Moscow and St. Petersburg*. – Fodor's Travel Publications, 1999.
- Fowles J. *The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma*. – Moscow: Progress Publishers, 1980.
- Fresh Guide to St Petersburg, The*. – St Petersburg: Fresh Air Publications, 1993.
- Frazier I. *Travels in Siberia*. – Farrar, Straus & Giroux, 2010.
- Gaynor E., Haavisto K. *Russian Houses*. – Köln: Benedikt Taschen, 1994.
- Gorbachev M. S. *An Intimate Biography*. D.Morrison (ed.). – NY: Time Book, 1988.

- Griffin H. *Soviet Frontiers of Tomorrow*. – M.: Progress, 1982.
- Guerney B.G. *The Portable Russian Reader*. – NY: Viking, 1947.
- Guinness Book of World Records '84/90*, Bantom ed.
- Guma, Alex de. *A Soviet Journey*. – M.: Progress, 1978.
- Hemingway E. *For Whom the Bell Tolls*. – Penguin, 1965.
- Jack A. *Inside Putin's Russia*. – London: Granta Books, 2005.
- Kaiser D. H. Discovering Individualism Among the Deceased: Gravestones in Early Modern Russia // Kotilaine, Jarmo & Poe, Marshall (ed.). *Modernizing Muscovy*. – London & NY: Routledge Curzon, 2004. – P. 433-59.
- Kokker S., Selby N. *St. Petersburg*. – Melbourne, Oakland, London, Paris: Lonely Planet, 2002.
- Magi G. *All Paris*. – Casa Editrice Bonechi, 1997.
- Massie R.K. *Nicholas and Alexandra*. – Laurel, 1985.
- Massie S. *Pavlovsk. The Life of a Russian Palace*. – Boston, Toronto, London: Little, Brown & Co., 1990.
- Massie S. *Land of the firebird: The beauty of old Russia*. – New York: Simon and Schuster, 1980.
- Masters T. *St. Petersburg*. – Melbourne, Oakland, London: Lonely Planet Publications, 2005.
- Michener J. *The Source*. – Corgi Books, 1965.
- Michener J. *The Drifters*. – Corgi Books, 1971.
- Mikes G. *How to be an Alien*. – Penguin, 1970.
- Miller W. W. *Young Traveller in Russia*. – London: Phoenix, 1958.
- Nabokov V. *Speak, Memory*. – NY, 1966.
- Nabokov V.V. *Lectures on Russian literature*. – London: Weidenfeld&Nicholson, 1981.
- Nabokov V.V. *Selected Prose and Verse*. – Moscow: Raduga, 1990.
- Naipaul V.S. *The Mystic Masseur*. – Penguin, 1964.
- Newby E. *Big Red Train Ride*. – Penguin, 1978.
- Nicolson J. *The Other St Petersburg*. – St Petersburg: КФ ВсереГН, 1994.
- Noble J. et al. *Russia, Ukraine & Belarus*. – Australia: Lonely Planet, 1996.
- Reed J. *Ten Days That Shook the World*. – Moscow: Progress, 1967.
- Richardson D. *Moscow*. 4th ed. – NY, L, Delhi: Rough Guides, 2005.
- Richardson D., Humphreys R. *St. Petersburg*. – London: The Rough Guide, 1998.
- Rosen S.M. *Education and Modernization in the USSR*. – Addison-Wesley, 1971.
- St. Petersburg*. In Your Pocket. Essential City Guides. – BCB Tourism And Publishing BV.
- Shipler D.K. *Russia. Broken Idols, Solemn Dreams*. – Revised and updated. Penguin, 1989.

- Smith E. *Village Children. A Soviet Experience.* – Moscow: Progress Publishers, 1982.
- Smith H. *The Russians.* – Sphere Books, 1976.
- Smith H. *The New Russians.* – London, etc.: Hutchinson, 1990.
- The Soviet Union.* – Chicago: Childrens (sic) Press, 1990.
- Treadgold D.W. *Twentieth Century Russia.* – Chicago: Rand McNally, 1967.
- Walker M. *The Waking Giant.* – NY: Pantheon Books, 1986.
- Walker M. *Soviet Union.* – London: Collins, 1989.
- Williams A.R. *Through the Russian Revolution.* Moscow: Progress, 1973.
- Wilson M. *Meeting at a Far Meridian.* – NY: Doubleday, 1961.
- Wittram, Reinhard. *Russia and Europe.* – London: Thames and Hudson, 1973.
- Wolfe T. *Bonfire of Vanities.* – Picador, 1987.
- Wood A. *The History of Siberia: from Russian Conquest to Revolution.* – London, Routledge, 1991.
- Young E. *Flamenco Love Song.* – NY: Paperback Library, 1966.

Учебное издание

Кабакчи Виктор Владимирович
Белоглазова Елена Владимировна

ВВЕДЕНИЕ В ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ

Редактор О.А. Масликова

Подписано в печать 01.11.12. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 15,75. Тираж 100 экз. Заказ 521. РТП изд-ва СПбГУЭФ.

Издательство СПбГУЭФ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

